

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LX

№ 3
июль-сентябрь 2022

ТАШКЕНТ
2022

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбеккистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор
Диакон Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор
Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет
Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН
Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО
Протоиерей Андрей ТУГУШЕВ
Валерий ГЕРМАНОВ
Роман ДОРОФЕЕВ
Татьяна КОТЮКОВА
Вадим МУРАТХАНОВ
Рубен НАЗАРЬЯН
Екатерина ОЗМИТЕЛЬ
Кирилл СУЛТАНОВ
Алексей УСТИМЕНКО
Юрий ФЛЫГИН

На обложках:

- Стр. 1:** Учащиеся воскресной школы при Свято-Успенском кафедральном соборе на экскурсии в иконописной мастерской. С. 105.
- Стр. 2:** Новомученик епископ Горазд (Павлик). Кафедральный собор святых Кирилла и Мефодия в Праге. Процесс над епископом Гораздом (второй в первом ряду справа) и другими представителями Чешской Православной Церкви (3 сентября 1942 г.). Мемориальная доска на стене собора святых Кирилла и Мефодия; ниже видны следы от снарядов. С. 6.
- Стр. 3:** Монахиня Иуния (Ульина) с регентом Полиной Алексеевной. Образ св. Георгия Победоносца, написанный монахиней Иунией. Монахиня Евдокия (Хвостова) и архимандрит Серафим. С. 16.

Восток Свыше. 2022, № 3 (LX). Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СО Д Е Р Ж А Н И Е

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Алла РАБИНА. Из Книги Притчей 5

СООБЩЕНИЯ. СОБЫТИЯ. ДАТЫ

Календарные страницы *главного редактора*

Горазд. 80 лет преставления священномученика Горазда, епископа
Чешского и Моравско-Силезского (28 августа 1942 года) 6

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Александр ГАЛАК. Самаркандские монахини 16

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Людмила БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО), Сергей БОРОШКО

Андижанское землетрясение 1902 года: официальные
документы и реальность 26

Александр ДЖУМАЕВ. «...Пользуемся ростовщичеством, пьем вино,
злословим, завидуем». Ранний бухарский период в формировании
личности Абдурауфа Фитрата 61

ПЕРЕВОДЫ

Оскар КУЛЬМАН. Обозначения времени в Новом Завете

*Перевод с немецкого, предисловие и примечания
диакона Евгения Абдуллаева* 71

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О целомудрии. О Божественной Литургии 80

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».

Избранные записи в Фейсбуке последних лет 85

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...»

На вопросы ВС отвечает поэт *Юрий КУБЛАНОВСКИЙ* 99

Содержание (окончание)

«Писать икону – это таинство...»
О ташкентской иконописной мастерской 105

ИСКУССТВО ПАМЯТИ

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...
Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года 109

Авторы номера 133

Информация для авторов 134

Алла РАБИНА

Из Книги Притчей

Счастлив человек, что прошел через все испытания,
и мудрость Создателя принял, и понял всю сущность вещей;
такая награда ценнее серебряной скани,
и золота блеск сразу меркнет пред ней.

Она нам дороже бесценных рубинов,
и нет ей сравненья с богатством любым,
ведь правой рукой она жизни года добавляет любимым,
а левою – честь и достаток отмерит всем детям своим.

Дороги ее широки и приятны,
покоем и миром отмечен указанный путь;
к родному порогу вернешься всегда без потери обратно,
и дерево жизни цветет для познавшего мудрости суть.

Лишь мудрость Господня в основе всего мирозданья,
и небо, и землю Он создал из хаоса Словом премудрым Своим,
расторгнул глубины, и солнце зажег Он, и дал человеку сознание –
всей жизни течение навек установлено Им.

Посмотришь на капли дождя, на падение струй водопада –
и в каждой росинке найдешь отражение рек, океанов, морей;
увидишь гармонию мира в цветении сада
и ритмы Вселенной услышишь в пульсации крови своей...

Календарные страницы *главного редактора*

Горазд

80 лет преставления священномученика Горазда, епископа Чешского и Моравско-Силезского (28 августа 1942 года)

На орлиных скалах
Как орел расевшись –
Что с тобою случилось,
Край мой, рай мой чешский?

Марина Цветаева

27 мая 1942 года на окраине Праги было совершено покушение на Рейнхарда Гейдриха.

Гейдрих, блондин с вытянутым лицом и пухлыми губами, шеф полиции Германии и рейхспротектор Богемии и Моравии, возвращался с музыкального фестиваля. Мимо его «Мерседеса» мелькали домики предместья; в коротко стриженной голове рейхспротектора звучали обрывки концерта.

Незадолго до этого на место прибыли два молодых человека на велосипедах.

На повороте дорога шла в горку, и «Мерседес» слегка замедлил ход.

Один из двух велосипедистов выскочил на дорогу и попытался открыть огонь по машине. Но оружие заклинило. Тогда второй бросил в нее гранату.

Раздался взрыв.

Гейдрих остался жив, но был ранен. Через несколько дней скончался в больнице.

В протекторате Богемии и Моравии было объявлено военное положение.

Для покушения, как было установлено, из Великобритании была десантирована целая группа борцов чехословацкого Сопротивления.

Начались карательные операции. По подозрению в укрывательстве одного из десантников была сожжена деревня Лидице. Мужчины старше шестнадцати расстреляны, женщины отправлены в концлагерь Равенсбрюк. Подозрение в итоге не подтвердилось.

Следствие шло полным ходом, истошно стучали «ундервуды», трещали телефонные звонки; окна во дворце Печека, где располагалось гестапо, не гасли даже глубокой ночью.

Епископу было шестьдесят два года.

Еще не глубокая старость, но здоровье отказывало все чаще.

Особенно с момента оккупации Чехословакии весной 1939 года. Все рушилось на глазах. Все, на что он положил свою жизнь. У него стали трястись руки.

А ведь был он от природы крепким – крестьянская кость. Родительский дом в Грубе-Врбке, у подножья Белых Карпат; труд с раннего детства, как заведено в сельских семьях. Его называли Матеем, в честь апостола и евангелиста; имя у чехов частое.

Семья была католической, и какое-то время он шел по этой, католической стезе. Довольно долгое время. Католическая школа-интернат в Кромержиже. Богословский факультет в Ольмюце – как на немецкий манер назывался тогда Оломоуц.

Но уже студентом Матей начал присматриваться к православию. Заинтересовался житиями святых Кирилла и Мефодия, изучил церковнославянский. В 1900-м побывал в Киеве, чтобы лучше познакомиться с православным богослужением. Но пока это был только умозрительный, мозговой интерес.

5 июля 1902 года, двадцати трех лет, он был рукоположен во иерея. Служил в нескольких приходах, редактировал в Кромержиже католический еженедельник. В 1906-м был назначен «духовным администратором» в больницу для душевнобольных. С началом Великой войны (как тогда называли Первую мировую) в больнице был устроен военный госпиталь, на отца Матея легло духовное окормление и утешение раненых.

Та война... Та война многое изменила в нем. Вся Чехия, вся Европа, весь мир менялся. В 1918 году чешский и словацкий народы получили независимость.

А отец Павлик вдруг стал стремительно слепнуть. Точно апостол Павел, ослепленный невыносимо ярким светом по дороге в Дамаск.

Когда после долгого лечения он частично восстановит зрение, мир он будет видеть уже по-другому.

Он присоединяется к группе католических священников, выступивших вначале с программой церковных реформ, а затем, когда она была отклонена Римом, – с идеей создания Чехословацкой церкви. Уже не католической, а православной.

3 сентября 1920 года они подадут в Сербскую церковь просьбу о включении ее в семью православных церквей.

Поначалу его знания о православии были не слишком глубоки. Но он стремительно и твердо расширял их. И делился с другими. И убеждал других. С июля 1921 года он станет издавать газету «За правду».

Новой чехословацкой церкви требовалось возглавление, выбор большинства пал на него. Поначалу он отказывался принять епископский сан, считая себя недостойным.

«Я не более чем миссионер, – напишет он позже, – который готовит путь и не желает ничего, кроме как передать Чешскую Православную епархию тому, кто придет, как можно более полной в клире, пастве и во всем остальном...».

Расследование убийства Гейдриха шло на всех парах. Но большинство тех, кто был связан с его подготовкой, еще были на свободе. Требовался Иуда. Как всегда, когда нужно было донести, разумеется, небескорыстно.

И Иуда вскоре нашелся. Даже двое.

Их звали... впрочем, не важно, какие имена Иуда носил в тот год и в том месте. Какой у этих двух был цвет глаз. Стрижка, привязанности, привычки. Оба они были из числа парашютистов. Оба были смертельно напуганы. Но главная причина, как всегда, – вознаграждение.

«Я думаю, вы и сами сделали бы то же за миллион марок», скажет один из них на суде после войны.

Епископ чувствовал себя все хуже.

После известия о покушении на Гейдриха бессонница не оставляла его. Каждый день шли известия о новых арестах.

Еще ему нужно было ехать в Берлин, на торжества по поводу открытия нового митрополичьего округа. В этот Средне-Европейский митрополичий округ должна была войти и Чешская епархия. Ехать не хотелось.

...А как все прекрасно начиналось двадцать один год назад! Он, еще просто Матей Павлик, отправлялся тогда по вызову сербского Патриарха в Белград. 21 сентября 1921 года в монастыре Крушедол, основанном святым епископом Максимом и его матерью святой Ангелиной, он принял монашеский постриг.

Ему было дано новое имя – Горазд, в честь святителя Горазда, архиепископа моравского и ученика Кирилла и Мефодия.

В воскресенье 25 сентября, около восьми часов утра, в кафедральный собор святого Михаила в Белграде вошла делегация Чешской церкви с большой белой хоругвью, в центре ее была красная чаша. Кроме чехов и моравов, Горазда сопровождали представители православных общин Подкарпатья и две женщины в моравских национальных костюмах.

Собор был переполнен; пришли не только жившие в Белграде чехи и словаки, но огромное количество сербов. Почти все сербское духовенство, светские власти, простые белградцы. Когда патриарх вывел к народу только что рукоположенного архиерея, весь собор огласился овациями. «До сегодняшнего дня ни одного сербского епископа так не приветствовали», – писали в югославских газетах.

После оккупации и раздела Югославии в апреле 1941 года сношения Чешской епархии с Белградским патриархатом прервались. Пришлось писать берлинскому архиепископу, прося принять православных чехов «под свое архипастырское попечение, заботу и защиту»... Так что нужно было епископу ехать в Берлин.

Что-то сгущалось в воздухе, епископ чувствовал; совсем близко, рядом со стенами его православной Церкви. Над которой вновь, как во времена его святого покровителя, архиепископа Горазда, нависла опасность уничтожения.

История иногда ходит кругами, двоясь в именах и судьбах.

Святитель Горазд, ученик святых Кирилла и Мефодия, был родом из этих же земель. Участвовал в переводе Писания и богослужения на церковнославянский.

Незадолго до своей кончины святой Мефодий объявил его своим преемником, архиепископом Великой Моравии.

Но послужить в Моравии святителю Горазду не пришлось. Против него ополчилась немецкая миссия во главе с епископом Вихингом, яростным противником богослужения на славянском...

Это был спор не только о языке богослужения. Хотя до окончательного раскола между Западной и Восточной церквями оставалось еще два века, догматические расхождения уже назрели. Прежде всего, вопрос об исхождении Святого Духа. Вихинг, как и все западные епископы, утверждал Его исхождение не только от Отца, что признавалось и Восточной церковью, но и от Сына, что было поздней добавкой (пресловутое *Filioque*)... Горазд, принадлежавший к Восточной церкви, с этим согласиться не мог.

Заручившись поддержкой Рима и местной власти, Вихинг изгнал Горазда и других приверженцев Кирилла и Мефодия из Моравии. Большая часть из них найдет убежище в Болгарии и Сербии. Но в чешских и моравских землях богослужение на славянском прекращается; православие, едва забрезжив, гаснет...

Что ж, и ему, епископу Горазду, или, как его иногда называли, Горазду Второму, тоже пришлось немало вынести от католического клира. Не могли ему прежние братья простить перехода в православие и ревностного и успешного миссионерства.

От этих новых «вихингов» неожиданно защитил его оломоуцкий католический архиепископ Антонин Кирилл Стоян. «Оставьте Павлика в покое, вы недостойны даже *развязать ремень обуви его**». Мудрый был владыка, так же по-своему болевший за духовное возрождение чехов и моравов.

И все же не католики более всего досаждали Горазду в те первые годы его епископства. Тяжелее всего было с недавними единомышленниками. Для многих из них православие, как оказалось, было только средством, инструментом в борьбе за «национальное» христианство.

В конце августа 1922 года они опубликовали так называемый «Чехословацкий катехизис» и добились его принятия в качестве официального вероучительного документа.

В нем утверждалось, что Святой Дух – это всего лишь «Божие воодушевление в человеке». А Иисус Христос именовался просто «самым великим пророком» в ряду с другими «славными пророками человечества» (Моисей, Сократ, Зороастр, Будда...) и с «чехословацкими национальными пророками».

Епископ резко выступил против. Это, писал он, попытка рассмотреть христианство без всякого «внимания к Благодати Божией». Без Благодати христианство остается только этикой. Но «может ли только этика нас насытить, освятить и спасти?».

Епископ был патриотом. Но любовь к родине у него была следствием любви к Богу, а не наоборот.

---

* Мк. 1, 7.

«Если мы любим свою Церковь, – говорил он, – мы не можем не любить свою родину. ... Любя родину, служат ей; становясь на ее справедливую защиту, мы тем выполняем одно из своих земных назначений, иначе мы останемся в рабстве у ино-племенников, которые уничтожат и нас, и православие на нашей родине...»

Нет, «иноплеменники» не собирались сразу уничтожать чехов и моравов. Пока эти народы были нужны вермахту как рабочая сила.

Гейдрих, став рейхспротектором, даже частично поднял им зарплату. «Необходимо добавить чешским рабочим жратвы, ведь они должны выполнять свою работу...». Среди рабочих стали распространяться билеты на футбол, в театр, кино. Для более высокопоставленных – что-нибудь потоньше. Например, музыкальный фестиваль.

Но все это – пока идет война и нужно, чтобы эти чехи «выполняли свою работу». А потом... Какие-то шаги для этого «потом» Гейдрих уже сделал. Написал записку о необходимости изучить расовый состав в протекторате. Распорядился устроить в чешских школах расовую проверку. Нужно выявить ту часть населения, в которой есть немецкая кровь. Остальных стерилизовать. Или переселить куда-нибудь на восток, к другим остаткам славян.

Осуществить эти планы Гейдриху помешала граната, брошенная 27 мая 1942 года в его «Мерседес». Когда он возвращался после фестиваля и в его узком удлиненном черепе витали обрывки классических мелодий.

После покушения над Богемией и Моравией зазвучала другая музыка.

Более четырнадцати тысяч было арестовано, около семисот расстреляно. Все истощеннее стучали «ундервуды» во дворце Печека, все чаще вызывали на допросы, все громче раздавались хрипы и стоны...

Наконец было установлено, где скрывалась основная часть заговорщиков.

Собор святых Кирилла и Мефодия в Праге стал кафедральным собором Чешской православной церкви не сразу.

Еще в начале 1920-х о том, что она будет иметь хоть какое-то помещение в Праге, можно было лишь мечтать.

«Президент-освободитель», демократичнейший Томаш Гарриг Масарик не любил православия. Он вообще не любил религию, полагая, что ей не место в современном государстве. Но с католичеством приходилось мириться, это была религия большинства, а большинство президент уважал. Но – православие... В нем он видел причину «отсталости» России, любой отсталости. «Жизнь есть эволюция, – писал Масарик, – а не привязанность к догме, незыблемости и сохранению православия византийского средневековья».

Сходных взглядов придерживались и социалисты, составлявшие большинство в чехословацком правительстве. В одном месте епископу так и ответили: «Скорее у мусульман будет мечеть в Праге, чем у православных чехов – храм».

Служить приходилось в школьных классах. «Обычно такой класс, – вспоминал один из очевидцев, – оставался неубранным после недели занятий, и нашим сестрам приходилось сначала наводить в нем порядок. <...> В классе оставляли только один большой стол и один поменьше, на них стелили скатерти, украшали

цветами, на большом столе (престоле) ставили икону. В данном случае это была прекрасно написанная икона Пресвятой Богородицы, по образцу Васнецовской, позже в новой церкви ее поместили в иконостас. Священник сам приносил облачения, антиминс и богослужебную утварь. <...> Другие христиане и нехристиане смеялись над нами. Требовалось большое самоотречение, нужно было выстоять, не унывать».

В 1930-м в стране насчитывалось уже более 145 тысяч православных. И власти пошли на уступки. В 1933 году Чешской православной церкви было передано здание бывшей церкви Карло Борромео. Два года в нем шел ремонт; в 1935-м оно было освящено во имя святых Кирилла и Мефодия.

Этот барочный храм изначально, как и все пражские храмы, был католическим; в 1780-е годы, в ходе секулярных реформ Иосифа Второго, был закрыт и полтора столетия использовался как казарма, военный склад, как подсобное помещение близлежащего университета...

И еще одна деталь. Почти под каждым крупным барочным храмом при его постройке устраивались подземелья. В них хоронили, в них во время войн можно было долго укрываться.

Были такие подземелья и под бывшим костелом Карло Борромео, а ныне церковью Кирилла и Мефодия. Там с 30-го мая и скрывались участники покушения на Гейдриха.

Знал ли об этом епископ? Некоторые позже утверждали, что это убежище заговорщикам он сам и предоставил. И что он был связан с Соппротивлением, даже был активным его участником.

Это было не так. Нет, он болезненно переживал немецкую оккупацию. После Мюнхенского сговора, когда бывшие союзники Чехословакии «уступили» ее Гитлеру, епископ написал возмущенное послание к главам православных церквей. «Надо было воевать!» – так встречал он своих духовных чад, возвращавшихся из капитулировавшей армии. И сам в своих проповедях осуждал идею расового превосходства одной нации над другими. Говорить такое в Третьем Рейхе было рискованно.

Министр народного просвещения Моравец, курировавший религиозные вопросы, вызвал епископа и потребовал заявления о поддержке правительства протектората. Епископ ответил словами апостола Павла: мы будем повиноваться любому правительству, если оно является законным. Моравец сердито заметил, что это двусмысленный ответ. Другого ответа епископ ему так и не дал... Это тоже был риск.

Но участником Соппротивления он не был.

Предоставили укрытие участникам заговора священники церкви. Настоятель протоиерей Вячеслав Чикл, иерей Владимир Петршек и староста прихода Ян Зоневенд. Носили им пищу, медикаменты, газеты.

11 июня священники наконец решились рассказать об этом епископу.

Неизвестно, какой была его первая реакция.

Возможно, он провел ладонью по похолодевшему лбу. Поправил очки с толстыми линзами. Несколько секунд молчал. Возможно.

Известно одно: он благословил, чтобы его церковь продолжала помогать заговорщикам.

– Однако, – владыка внимательно посмотрел на Зоневенда, – при первой же возможности их нужно перевезти в другое место. Мы не можем ставить под удар наших прихожан.

Староста почтительно кивнул.

Владыка отбыл в Берлин.

После Праги Берлин поражал холодом.

Прага даже под оккупацией ухитрялась оставаться домашней и уютной. Один из немецких путешественников, посетивших Прагу в 1942-м, вспоминал, что это было «путешествием в спокойствие».

Да, все так же неторопливо текла Влтава, ездили трамваи, кое-где слышалась музыка. Но спокойствие было внешним. Как писала русская поэтесса, которую епископ Горазд вряд ли мог знать:

В хрустальное подземие
Уйдя – готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!*

Но то, что в «подземии», и совсем не хрустальном, скрываются участники Сопротивления, епископ помнил каждую секунду.

И все же Прага по сравнению с Берлином, куда епископ прибыл 12 июня, казалась островком старой, мирной Европы. В Берлине война чувствовалась во всем – в воздухе, в лицах людей на улице. Нет, сама война была еще где-то далеко, пока что войска вермахта штурмуют Севастополь и готовят новое наступление на Кавказ и Волгу. Но серая тень войны лежала на всем; даже солнце в этом городе горело как-то по-другому.

Берлин, который вскоре будет превращен в руины, стремительно расширялся. Его планировалось полностью застроить гигантскими сооружениями, смесью древнеримского и «тевтонского» стилей, которую так любил фюрер.

Но епископа в тот последний приезд в Берлин архитектура занимала менее всего.

Все мысли были о Праге, о соборе святых Кирилла и Мефодия и его подземельях. О Чехии, которой грозит медленное уничтожение. Об английских союзниках, сдавших страну Гитлеру, а теперь пытающихся как-то помочь, но... Все эти заговоры и убийства вряд ли принесут чехам освобождение. Ни чехам, ни сербам (из Хорватии доходили страшные новости).

Оставалась надежда на Россию. В открытом письме в «Вестник Чешской Православной Епархии», сразу после начала оккупации, епископ ссылался на пример русских.

---

* Марина Цветаева. «Стихи к Чехии». *Nazdar* – здравствуй (чешск.)

«...Русские около двухсот лет были под татарским игом, но не только сохранили свою народность и свою территорию, ведь русские занимали половину Европы, но и распространили свои поселения за Урал через всю Сибирь до Тихого океана. Православие было их движущей силой».

Сейчас Русская церковь переживает трудные времена. Но не стоит отчаиваться. «В тело России... заложена закваска такой веры, которая благодаря глубине и открытой прямоте русского характера может дать чудесные цветы новой духовной жизни».

Ранним утром 18 июня к церкви Кирилла и Мефодия выехала погребальная повозка. Это было частью плана по спасению заговорщиков. Их должны были под видом трупов перевезти на кладбище.

Но когда повозка подъехала к собору, он был уже окружен.

Семьсот солдат начали штурм подземелий.

Перестрелка продолжалась несколько часов. Прорваться в подземелья не удалось. Штурмовавшие пустили слезоточивый газ, потом залили их водой... Заговорщики оборонялись. Когда стало ясно, что им не спастись, те, кто еще оставались в живых, застрелились.

Епископ узнал об этом в тот же день, во время богослужения в берлинском соборе.

Русский эмигрант Никиташин вспоминал: «Во время малого входа к епископу Горазду на кафедру подходит кто-то в штатском и передает записку. Епископ Горазд зашатался, страшно побледнел, спустился с кафедры и ушел в алтарь. ... <Я> прошел в алтарь. Епископ Горазд лежит на чем-то, как бы на кушетке... Разоблачился, но не ушел из алтаря».

На следующий день, 19 июня, епископ написал три письма.

Писал трудно, усилилась тряска в руках. Одно письмо было премьер-министру Крейчиму, другое – министру образования Моравцу, третье – в управление рейхс-протектора. Он писал, что он, и только он, епископ Горазд, несет ответственность за укрывательство заговорщиков и за то, что произошло после.

Он надеялся, что взяв всю вину на себя, он спасет Церковь.

25 июня в 5 часов утра он был арестован.

3 июля 1942 года на Вацлавской площади, где когда-то чехи праздновали создание Чехословакии, была устроена колоссальная манифестация.

– Когда мы шли вместе с рейхом, мы были сильным и славным народом! – разносилось над площадью. – Когда мы восставали против рейха, чешская земля приходила в упадок и опустошалась в войнах! Да здравствуют великолепные немецкие вооруженные силы! Да здравствует чешская будущность!

– Да здравствует Адольф Гитлер! – вскидывала руки в нацистском приветствии толпа. – Слава рейху!

На манифестантов печально глядел святой князь Вячеслав (Вацлав), креститель Чехии, чья конная статуя украшала площадь. На постаменте были выбиты

слова старинной молитвы: «Святой Вячеславе, воеводо земли Чешской, княже наш, не дай погибнуть ни нам, ни детям нашим»...

По лестнице из живых сердец
Германец входит в Градчаны.

– Конным гунном в Господень храм! –
По ступеням, как по черепам...*

Тюремщики с епископом не церемонились.

Как вспоминал один из очевидцев: «Владыку всегда брали на допрос около десяти часов вечера и возвращали совершенно измученным только около пяти утра. Он был так слаб, что не мог даже есть тюремную еду, которую раздавали очень торопливо... Владыка, ослабевший и подслеповатый, трясущимися руками тянулся к ней, но ее часто забирали прежде, чем он успевал ее взять».

Но лучше всего пражскую тюрьму Панкрац в 1942-м описал другой известный ее заключенный, Юлиус Фучик. И темные коридоры, и купание, «когда в бане мылись ходячие скелеты», и поездки в гестапо на допросы.

«Поездка из Панкраца во дворец Печека и обратно становится крестным путем... Эсэсовская охрана “мстит за Гейдриха”. Не успевает машина проехать и километр, как у доброго десятка заключенных лица разбиты в кровь рукоятками револьверов.

Остальным заключенным со мной ехать выгодно, моя длинная борода отвлекает внимание эсэсовцев, и они всячески изощряются, потешаясь над ней. Держаться за мою бороду, как за ремень в подпрыгивающем автобусе, – одно из самых любимых развлечений».

Так же эсэсовцы рвали бороду епископа Горазда.

3 сентября 1942 года в Праге прошел процесс над представителями Чешской православной церкви.

На следующий день, в 14:35, епископ Горазд, протоиерей Вячеслав Чикл и староста Ян Зоневенд были расстреляны на полигоне в Кобылисах. Тела их были сожжены.

Иерей Владимир Петршек был расстрелян на день позже; еще позднее, 24 октября, – девять других членов пражской православной общины.

Деятельность церкви была запрещена, оставшихся православных священников вывезли в Германию на принудительные работы.

ОСТАНОВИТЕСЬ НА МГНОВЕНИЕ
НАША КРОВЬ ВОШЛА В ЭТУ ЗЕМЛЮ
НО МЫ ПОДНИМЕМСЯ СНОВА

Эта надпись высечена на мемориале на месте бывшего расстрельного полигона в Кобылисах.

* Марина Цветаева. «Стихи к Чехии».

Календарные страницы *главного редактора*. Горазд

В мае 1945 года Чешская православная церковь была восстановлена.

28 октября 1947 года на стене собора святых Кирилла и Мефодия была установлена мемориальная доска, с портретами десантников, погибших в соборе, и епископа Горазда. 28 сентября 1995 года в подвалах собора открыт Национальный мемориал.

Чтобы вырос обычный цветок, землю нужно полить водой. Чтобы вырос цветок Церкви, землю нужно полить кровью.

Он, Горазд Второй, полил своей кровью эту землю.

И цветок медленно поднялся и зацвел.

Александр ГАЛАК

Самаркандские монахини

Среди бумаг одной из монахинь Свято-Георгиевского храма в Самарканде сохранился старый листок со стихотворением.

СКОРБЬ ПО ОБИТЕЛИ

Прощай, мать родная, обитель,
Прощай, наша мать, навсегда.
Теперь нам, Святая обитель,
не видеть тебя никогда.
Угасли лампы и свечи
навсегда в храмах святых.
Умолкли священные речи,
и звон колокольный затих.
Зачем ты стоишь одиноко,
зачем не зовешь нас к себе?
А мы на чужбине далекой
льем слезы с тоской о тебе.
Послал нам Господь испытанье,
отнял Он обитель у нас.
И мы все томимся несчастны,
о Господи, вспомни о нас!
Прощай, мать Святая обитель,
Прощай, наша мать, навсегда.
Теперь нам, родная обитель,
не видеть тебя никогда.
Аминь*.

История монашества и его роль в духовной жизни Ташкентской епархии до сих пор мало исследованы. Появление монахов в Средней Азии в основном связано с

---

* Это стихотворение, авторство которого не установлено, известно под заголовком «Стихи о закрытии Киево-Печерской лавры, 1960» (см.: georg-eparhia.ru/files/lichnosti-v-istorii/Nun_Paraskeva_Part-3_3.pdf) и в виде песни «Прощай, наша обитель святая...» (см.: Друцкая М. Народные духовные стихи Тамбовской области конца XX – начала XXI века. Учебно-методическое пособие. – Казань: Бук, 2018. С. 55). Между текстами есть небольшое расхождение, связанное с фольклорным бытованием этого стихотворения. (Прим. ВС.)

годами гонений на церковь, когда повсеместно закрывались храмы и монастыри. Насельники монастырей изгонялись из своих обителей, массово осуждались и ссылались в тюрьмы и лагеря. После срока отсидки перед монахами стоял вопрос – куда податься и как жить дальше? Возвращаться им, как правило, было уже некуда, и монахам оставалось самим как-то приспособиваться к новым условиям жизни. Часть из них находили себе место при немногих действующих храмах и молитвенных домах.

Так в 1930-е годы в Самарканде начинают появляться монахини из различных российских монастырей. В самаркандском Свято-Георгиевском храме с конца 1930-х по конец 1970-х годов служили шесть монахинь и еще три – в Свято-Покровском. Монашеская жизнь протекает прикровенно, поэтому о многих из них мало что известно. Но личности двух монахинь, о которых пойдет речь, настолько неординарны, что они сохранились в памяти многих прихожан. Их судьбы Божиим промыслом однажды пересеклись в городе Ельце. Позже они снова встретились в самаркандском Свято-Георгиевском храме и после этого больше не разлучались, найдя свое упокоение в одной могиле.

Монахиня Иуния

Родителей матушки Иунии (Ульиной) звали Иоанн и Мария. Родилась она в 1875 году. Когда ей было четыре года, в первый день Великого поста мама привела ее в Елецкий Знаменский монастырь и оставила там. Настоятельницей этого монастыря была родная сестра ее матери игуменья Клеопатра (Головачева).

Самым сильным впечатлением для маленькой девочки было то, что в первые три дня Великого поста никто из сестер монастыря ничего не ел и не пил...

Оставшись там жить, Иуния еще в ранней юности принимает постриг и становится монахиней.

При Знаменском монастыре действовала школа живописи для обучения сестер, где, по всей видимости, она и освоила навыки иконописи. Кроме этого сестер обучали также вязанию скатертей и вышивке.

Сразу же после революции советская власть стала искать повод, чтобы закрыть Знаменский монастырь. Сначала сестрам предлагалось создать трудовую артель. А в марте 1929 года монастырь был закрыт по решению горсовета, и уже в мае того же года все монахини были вынуждены покинуть свои кельи. Матушку игуменью Антонию (Криворотову), не желавшую покинуть стены монастыря, насильно выволокли оттуда.

Как многие монашествующие и священнослужители того времени, матушка Иуния тоже прошла через лагеря. Когда ее осудили, ей было 54 года. Она была очень хрупкого телосложения и небольшого роста.

Каким образом матушка Иуния оказалась в Самарканде, точно не известно; она не рассказывала о себе. Вероятнее всего, в 1928 году она была выслана в Среднюю Азию. Спустя три года после осуждения, в 1931 году, она становится членом самаркандской Свято-Георгиевской общины.

После того, как в 1925 году у общины было отнято здание, много лет она не

имела постоянного помещения для богослужений и ютилась в частных домах, арендуя их у разных лиц*. Совершить покупку на собственное имя община не имела права. Чтобы решить эту наболевшую проблему, было предложено приобрести половину жилого дома, оформив покупку на одного из надежных членов общины. Выбор пал на монахиню Иунию. Покупка была оформлена, и в течение нескольких лет матушка Иуния являлась собственницей этого жилья.

Занимать половину дома общине было очень неудобно, да и соседи через стенку жили своей мирской жизнью. Поэтому вскоре решено было приобрести вторую часть дома, и когда это произошло, община «выкупила» у матушки Иунии часть, оформленную на нее.

Матушка Иуния являлась «хозяйкой» молитвенного дома с 1937 по 1945 годы. Когда община выкупила вторую половину дома, то ее оформили уже на монахиню Евдокию и Г.А. Головину. После окончания войны, 27 февраля 1946 года, общине выдали разрешение на пристройку алтаря. На пожертвования верующих и прихожан община понемногу стала приобретать участки вокруг молитвенного дома. Территория стала расти и благоустраиваться. В то время достать самые простые стройматериалы, а тем более – на храм, было целой проблемой. Но, с молитвой и помощью Божией, храм понемногу поднимался и расширялся. Построили помещения для гостей, бухгалтерию и просфорную, крестильную, кухню и кельи для монахинь, звонницу на входе и несколько служебных помещений. В октябре 1946 года новое здание было освящено епископом Ташкентским Гурием (Егоровым) как молитвенный дом.

За годы скитаний по разным помещениям община лишилась многих своих икон. И монахиня Иуния принялась за работу. Она писала иконы масляными красками, достать которые в то время было непросто, а кисточки для письма изготовляла из собственных волос. До сих пор висят написанные ею образа: на иконостасе и на аналое – храмовые иконы великомученика Георгия Победоносца, на дьяконской двери – святого Архистратига Михаила, на стенах, в рост, – святых преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

Специально ко дню тезоименитства настоятеля храма, отца Петра Княжинского, матушка Иуния написала большую, в рост, икону его небесного покровителя, святителя Петра, митрополита Московского. Отец Петр как-то обмолвился с грустью, что у него есть только маленькая иконка святителя Петра. Незадолго до приближавшегося дня тезоименитства отца Петра матушка Иуния тайком заполучила иконочку отца Петра и стала быстро писать большой образ. Через несколько недель работа была закончена. На вечерне накануне дня памяти святителя Петра в храм внесли завернутый в ткань образ. Отец Петр был тронут до слез.

Позже матушка Иуния написала еще образ святителя Григория, а также «Воскресение Христово» и иконы на евангельские сюжеты. Для клироса ею была написана икона «Моление о чаше» и рядом с нею большое распятие. Все эти образа матушка Иуния писала между богослужениями в самом помещении храма.

---

* Об истории самаркандского Свято-Георгиевского храма см.: *Дорофеев Р.* Храм великомученика Георгия в Самарканде // *ВС.* 2014. № 1–2 (XXXIII). С. 9–18; *Галак А.* «Церковь будет устроена вполне...» Из истории самаркандского Свято-Георгиевского храма // *ВС.* 2021. № 1 (LV). С. 34–41. (Прим. *ВС.*)

Среди икон, находящихся в северном приделе Свято-Покровского храма, также есть четыре больших образа, написанных матушкой Иунией на холстах. Написанные ею образа и картины хорошо сохранились до наших дней.

Шли годы, матушку Иунию стали одолевать немощи и болезни, она стала слепнуть и терять слух. Матушка Евдокия – самая близкая из сестер, ухаживала за ней.

Дверь из комнаты-кедьи матушки Иунии открывалась непосредственно в сам храм, – такой была планировка (сейчас это помещение используется под ризницу). Перед началом богослужения матушка Евдокия усаживала матушку Иунию в кровати и открывала дверь ее комнаты в храм, чтобы та слышала службу, а по окончании возвращалась и укладывала ее.

Приблизительно в 1958 году слепнувшая, недвижимая матушка Иуния обратилась к матушке Евдокии со словами: «Посадите меня, матушка». Та выполнила просьбу, поправила подушки и ушла на службу. Вечером, после ужина, прочитав вечерние молитвы и все монашеские правила, подошла к матушке Иунии, чтобы уложить ее на ночь. Но та вдруг сказала: «Оставьте, матушка. Не надо меня класть».

Так и просидела матушка Иуния девять лет, не ложась, с пригнутыми к подбородку коленями. Просидела перед Богом, так как стоять не могла, а лежать перед ним не хотела. Спала она, положив маленькую подушечку себе на колени и опустив на нее голову, руками обняв колени. А когда ноги ее совсем окостенели в суставах, то спала матушка, опустив голову на грудь. До последней минуты жизни она сохранила ясную голову и живо интересовалась жизнью храма, его радостями и невзгодами, службами, вникая во все мелочи, во все подробности. Она знала всех, кто приходил к ней. Узнавала людей по голосу, будучи уже совершенно слепой.

Местные власти неоднократно грозили закрыть молитвенный дом. Однажды, когда снова пошел разговор о закрытии Свято-Георгиевского храма, одной из прихожанок приснилось его здание, обнесенное большими мощными цепями. И в ответ на недоуменный вопрос, что бы это означало, она услышала голос, объясняющий, что цепи – это молитвы матушки Иунии к Богу.

В 1961 году самаркандский уполномоченный по делам религии отобрал у настоятеля, архимандрита Серафима (Суторихина) справку о регистрации. Теперь, хотя храм официально не был закрыт, службы в нем нельзя было совершать. Городские власти намеревались в ближайшее время разместить на территории храма детский сад.

Больше трех лет боролись верующие за возобновление богослужений в храме и в итоге победили. Однажды утром матушка Иуния, которая, будучи не в состоянии ходить, молилась полусидя, зовет сестер и говорит им: «Вы знаете, какой сон я сегодня видела? Открываются ворота нашей обители – и в нее въезжает наш великомученик Георгий Победоносец. Я перепугалась. Тогда великомученик Георгий говорит: “Подождите, у меня дело есть в моем храме”. Входит он в двери храма, подходит к Царским вратам и открывает их. Потом говорит: “Вот теперь всё в порядке”. И после этих слов он выходит из храма. Не иначе что-то будет, может, храм наш откроют?».

На следующий день из горисполкома пришло разрешение на открытие храма, подписанное накануне.

Татьяна Сергеевна Халова рассказала, что в те годы, еще ребенком, она вместе со своим отцом приходила на службы в храм. И однажды во время службы перешла из помещения храма в соседнюю комнату и, встав в дверях, увидела сидящую пожилую женщину в надвинутом на глаза платке и много горящих свечей возле нее. Та назвала ее по имени и подозвала к себе: «Вот Танечка пришла, подойди ко мне». Девочка подошла к матушке Иунии, удивляясь всему происходящему, и та возложила свои руки над ее головой домиком и стала молиться. Татьяна Сергеевна сказала, что до сих пор она помнит то особое чувство, которое трудно поддается описанию, чувство легкости, покоя, радости и удивления, что матушка назвала ее по имени.

Матушка Иуния старалась безропотно переносить многолетние боли и страдания. В последние годы она еженедельно причащалась Святых Таин. Архимандрит Серафим ежедневно заходил к ней утром и вечером, а когда было особенно тяжело – еще и днем. Матушка Евдокия тоже неотступно была рядом с ней, растирая ее спиртовым раствором новокаина с анальгином, который давал временное облегчение. Она мыла, кормила, перестилала постель, читала матушке Иунии на ухо, чтобы та слышала, все правила и молитвы. Бывало, что она звала батюшку, когда ей казалось, что матушка Иуния при смерти.

«Вы что, матушка, думаете, что я умираю? – спросила та матушку Евдокию как-то. – Я вам скажу, когда буду умирать».

И вот однажды матушка Иуния говорит матушке Евдокии: «Матушка, завтра Сретенье!». Та ей возражает: «Ах, что вы, что вы, матушка. Сретенье будет через неделю». «А я вам говорю, – настойчиво повторила матушка Иуния, – что завтра Сретенье». И еще добавила: «Матушка, а вы знаете, что если человек умирает даже без одной минуты до 12 ночи, то этот день и будет днем его смерти?».

На следующий день, 11 февраля 1967 года, она скончалась – и произошла ее встреча с Богом, ее Сретенье. Так она предсказала день и час своей кончины.

Похоронили матушку Иунию в одной ограде с отцом Петром Княжинским. Чтобы уложить ее истончавшее тело в гроб, пришлось ломать окостенелые в согнутом положении суставы ног.

Из девяноста двух лет, прожитых ею, тридцать шесть она прослужила в Свято-Георгиевском храме. Помимо написания икон матушка Иуния несла другие послушания, исполняя обязанности уставщицы, псаломщицы и певчей. К сожалению, сохранилась только одна ее фотография, где монахиня Иуния изображена, когда она еще могла передвигаться; фотографироваться матушка не любила.

Монахиня Евдокия

Екатерина, таково было мирское имя матушки Евдокии, родилась 14 декабря 1891 года в Петербурге, в старинной дворянской семье. Отец ее был из рода Хвостовых, чья родословная была записана с 1341 года. Он занимал пост министра юстиции, затем министра внутренних дел. После того, как Александр Алексее-

вич вступил в конфликт с Григорием Распутиным, он был смещен с должности министра.

У четы Хвостовых было четверо детей. Дважды в год они всей семьей совершали поездки в Москву – в Троице-Сергиеву лавру и в Зосимову пустынь к известному старцу Алексию (Соловьёву).

В 1907 году Екатерина окончила восемь классов гимназии в Петербурге. Все последующие годы она прекрасно помнила французский язык.

Видимо, тогда же она окончила медицинские курсы и в анкетах, в графе «профессия», всегда писалась медсестрой. С началом Первой мировой войны работала в госпиталях Санкт-Петербурга сестрой милосердия.

В 1915 году Екатерине Александровне делает предложение Борис Тимашев. Она очень колебалась в принятии решения, потому что ее жених был далек от веры в Бога. Не зная, как поступить, девушка обратилась за советом и благословением к отцу Алексию. Выслушав ее, он сказал: «Бог благословит тебя выйти за него замуж. Он хороший. А ты ни на чем не настаивай и только крести его в спину незаметно». Так Екатерина и поступила. И супруг постепенно становился все больше и больше верующим.

В 1917 году у них родилась дочь, но прожила всего несколько дней. Роды были очень трудные. Возле роженицы кроме врача находился приглашенный священник. Родившуюся девочку только успели окрестить именем Анастасия, и сразу вслед за тем она скончалась.

Скончался и супруг Екатерины; когда он умирал на ее руках от тифа, то, ненадолго придя в сознание, попросил позвать батюшку, исповедался и причастился Святых Таин. Потом матушка Евдокия часто говорила: «Как хорошо Господь Сам устроил мою жизнь, и замужем я была – словно не была, и девоньку мою прибрал к Себе, и мне открыл путь к Себе через постриг, освободив меня от всех житейских уз».

Произошла революция. Екатерина вместе с отцом, матерью и младшим братом Володей перебираются из столицы в родовое имение в Елец, где вскоре умирает ее отец, а следом за ним, через год, скончался от менингита и 19-летний брат.

Еще задолго до революции ее отец отдал крестьянам безвозмездно все земли своего имения Красное, которое находилось поблизости от Ельца, оставив себе только дом и сад при нем. Поэтому крестьяне в трудные послереволюционные годы всячески помогали ему и его семье. А когда отец умер, то те же крестьяне на руках несли его гроб двенадцать километров от Ельца до родового имения Хвостовых – Воронца. Так же отнесли они туда год спустя и брата Екатерины, Володю...

После смерти мужа и сына Анастасию Владимировну, мать Екатерины, в 1925 году разбил паралич, и в течение семи лет она пролежала недвижимо, в полном сознании и ясном уме. В начале своей болезни, по благословению отца Алексия, Анастасия Владимировна приняла постриг с именем Митрофания. При ее постриге присутствовала монахиня Знаменского женского монастыря Иуния, с которой годы спустя матушке Евдокии предстояло встретиться в далеком Самарканде.

В том же 1925 году приняла монашеский постриг в старом соборе московского Данилова монастыря младшая сестра Екатерины – Татьяна.

Все семь лет, до последней минуты, Екатерина была рядом со своей матерью.

Это были тяжелые и голодные годы. Приходилось продавать или менять на продукты ценные вещи. Своему племяннику Алексею Арцыбушеву матушка Евдокия позже рассказала необычную историю: «Однажды пошла я на базар, что-то купить мне нужно было для мамочки. И пристал ко мне какой-то пьяненький мужичок: “Купи, барышня, иконку”, – и показывает мне какую-то черную доску, и на икону-то не похожую, а что на ней изображено, не видно. Как-то я от него отделалась, не помню. А придя домой, рассказываю мамочке о случившемся. А она и говорит мне: “Катенька, беги скорее на базар, я тебя очень прошу, разыщи этого мужичка и купи у него эту икону”. Побежала я на базар, а мужичок тот всё там, с этой иконой топчется. Купила я у него эту икону, принесла домой и показываю ее мамочке. А мамочка говорит мне: “А ты ее помой, Катенька, теплой водой с мылом”. Начала я ее мыть, а оттуда, из-под векового слоя копоти и черноты, стал проступать и встал во весь рост Архангел Гавриил с лилией в руке, а рядом с ним в монашеском облачении предстала преподобномученица Евдокия. Показываю с радостью мамочке эту икону, она посмотрела, потом поцеловала и, перекрестившись, сказала: “Катенька! Вот тебе Господь и имя монашеское послал”».

А Екатерина уже давно мечтала о постриге. Мать поощряла ее в этом намерении и так сама предопределила ей монашеское имя.

После смерти матери, испросив благословения у старца отца Алексия, Екатерина решила на постриг. Весной 25 марта 1933 года в городе Ельце архимандрит Кронид и игумен Максимилиан совершили над ней обряд пострижения в монахини. Постриг она приняла с именем Евдокия, в день праздника Архангела Гавриила. А икона та, среди многих других икон семьи Хвостовых, потом, спустя годы, окажется в Самарканде, в храме Святого Георгия Победоносца, и будет рядом с матушкой Евдокией до конца.

На обратной стороне иконы, хранящейся в храме, есть надпись, сделанная рукой Евдокии:

Этой святой иконой благословила меня незабвенная моя мама – монахиня Митрофания в день своей кончины 2 декабря 1931 года на постриг в монашество, сказав: «Ты будешь монахиня Евдокия».

Верю словам твоим, добрая моя мамуся. Надеюсь на милость Божию и на твои св. молитвы обо мне.

25/III 1933

Приняв постриг, Евдокия остается жить в Ельце.

В те годы шли судебные процессы с обвинениями деятелей церкви в контрреволюции и стремлении восстановить монархический строй. Во время одного из таких процессов на скамье подсудимых, в числе духовенства во главе с Елецким епископом, оказалась и матушка Евдокия. В 1935 году она была осуждена по статье № 58.

Перед арестом она успела оставить семейные документы и иконы рода Хвостовых на сохранение у одной знакомой в Ельце. Иконы эта женщина сохранила;

спустя годы они окажутся в самаркандском Свято-Георгиевском храме. А вот документы из страха сожгла...

Многие из подсудимых во время того процесса, в том числе и матушка Евдокия, были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Но, милостью Божией, расстрел был заменен десятью годами лагерей.

В телячьем вагоне поехала матушка Евдокия по этапу в Сибирь. Ее определили в камеру с тремя женщинами, осужденными за спекуляцию. Первое время, когда матушка становилась на молитву, в камере раздавались смех и брань. Но через некоторое время отношение сокамерниц изменилось, и к матушке стали относиться с уважением, замолкая и прислушиваясь к словам молитвы...

Там, в Сибири, она стала работать в лагерных санчастях медсестрой. В основном ей приходилось ухаживать за больными туберкулезом.

Иногда заключенным выдавали похлебку, сваренную на костях. Матушка обратилась к лагерному начальству с просьбой заменить ее на молочный суп, и ее просьбу удовлетворили.

За безупречное поведение и хорошую работу матушку Евдокию освободили из лагеря досрочно. По освобождении она получила «минус 12», что означало запрет проживать в двенадцати крупных городах страны. Она выбрала северный Казахстан, отправившись в Петропавловск, а затем в Семипалатинск. Но и в Семипалатинске участковый постоянно заходил к ней и твердил, чтобы она поскорее уезжала куда-нибудь. Шел 1939 год. Перед матушкой встал вопрос – куда податься? И она вспомнила, что в 1916 году, когда она работала в петербургском госпитале, на ее руках умирал один молодой офицер, раненный на фронте. От его ран исходило сильное зловоние, и никто, кроме нее, не желал входить в его палату. А она, тогда еще Екатерина, притерпелась: кормила, мыла его и перевязывала раны. Перед смертью он дал адрес своей сестры, жившей в Самарканде: сообщить той в случае его смерти. Сестра приехала и, узнав, что матушка ухаживала за ее братом до самого конца, сказала: «Если тебе когда-нибудь в жизни будет тяжело – помни, что в Самарканде у тебя есть сестра!».

Эти слова вспомнила матушка Евдокия, перебирая в голове возможные варианты, – и решила ехать в Самарканд.

Оказавшись в незнакомом восточном городе, первым делом она пошла в храм. Вначале в Покровский собор, – но он в то время был обновленческим. Однако там она узнала, что в городе есть и другой храм, не обновленческий, возле центрального кладбища. Пошла матушка дальше, по указанному адресу, и наконец разыскала. Оказалось, что это молитвенный дом. Маленькая комната, занавесочкой отгорожен алтарь, батюшка всенощную служит, народу мало. Закончилась служба, выходит она во двор, – и вдруг кто-то останавливает ее, обнимает и говорит: «Екатерина Александровна, Екатерина Александровна! Да как вы сюда попали?». Она ничего понять не может – кто зовет ее по имени? Вглядывается в лицо: перед нею стоит матушка Иуния, монахиня Елецкого монастыря, что была на постриге ее мамы...

Так и осталась матушка Евдокия вместе с матушкой Иунией жить и служить, читать и петь в храме святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Со временем из Ельца были присланы ее духовные книги и семейные иконы, –

они по сей день хранятся в Свято-Георгиевском храме. В алтаре находится образ Богородицы Скоропослушницы, считающийся среди прихожан чудотворным, на иконостасе – образ Нерукотворного Спаса с неугасимой лампадой и иконы на клиросах – небольшие, но тонкого, изысканного письма, в серебряных ризах.

С ноября 1940 года матушка уже официально числилась работницей храма. Позже она стала вести приходскую бухгалтерию, печатала многочисленные отчеты и деловые бумаги на пишущей машинке, постоянно стоявшей на столе в ее келье. В будние дни читала на клиросе и выполняла еще множество различных обязанностей.

В 1961 году самаркандский уполномоченный по делам религии запретил ей занимать какую-либо должность в храме, и она стала числиться певчей на клиросе.

За все годы служения в самаркандском храме матушка не пользовалась выходными днями и всего лишь раз попросила отпуск, чтобы съездить в Россию.

...Шли годы, трудиться как прежде уже не позволяло здоровье. Матушка Евдокия практически ослепла, и одна из ее близких сотрудниц – Нина Михайловна Самаркина, сопровождала ее от кельи до храма. Матушке шел восемьдесят шестой год, но, несмотря на немощи, она не унывала. Дух ее был бодр.

10 июня 1978 года матушки Евдокии не стало. О последних ее минутах известно, что она лежала в своей комнатке в забытьи. Отец Серафим с несколькими верующими совершал вечернее молитвенное правило у себя в келье, находившейся по соседству. Дверь в комнату к матушке была приоткрыта. Неожиданно оттуда раздался звук падения какого-то предмета. Войдя, все увидели икону, выпавшую из киота, закрытого на крючок. Падая, она ничего не разбила, а только погасила горящую лампаду. Это была та самая икона, которую Екатерина когда-то по просьбе своей матери купила на рынке в Ельце: с изображением Архангела Гавриила с лилиями и святой преподобномученицы Евдокии. Матушка Евдокия лежала уже усопшей...

В храме, в котором потрудились в течение сорока лет, лежала она в простом гробу, обернутая мантией, с постригальным крестом в руках. Отец Серафим (Суторихин) и вся церковь после литургии отпевали новопреставленную монахиню.

Спустя время среди личных бумаг матушки Евдокии были обнаружены несколько помянников, и стало ясно, какой молитвенный труд она несла в течение многих лет. После кончины отца Петра Княжинского и матушки Иунии матушка вписала в свой помянник имена их родных и близких, продолжая молиться за них. В общей сложности помянник матушки Евдокии насчитывал около тысячи имен, где помимо ее многочисленных родственников и предков были записаны имена тогда еще не прославленных Патриарха Тихона и Иоанна Кронштадтского, многих новомучеников и всех Оптинских старцев, священнослужителей и простых мирян, знакомых сестер из Елецкого монастыря, Дивеевских блаженных, членов Свято-Георгиевской общины и еще многих других, с кем сводила ее жизнь.

В течение ряда лет в самаркандский храм приезжал матушкин племянник – Алексей Петрович Арцыбушев (принял монашеский постриг с именем Серафим).

Александр ГАЛАК. Самаркандские монахи

Спустя годы он написал книгу под названием «Матушка Евдокия», в которой очень живо описал жизнь Свято-Георгиевского прихода тех лет и, конечно же, рассказал о самой матушке Евдокии и об архимандрите Серафиме*.

А похоронили матушку Евдокию, по ее желанию, в одной могиле с матушкой Иунией, с которой так чудесно когда-то свел их Господь, и поставили им один общий крест... На надгробной плите начертано: *Радуйтесь и веселитесь яко мзда ваша многа на небесех.*

---

* Арцыбушев А.П. Матушка Евдокия. – М.: Зачатьевский монастырь, 2000.

Людмила БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО), Сергей БОРОШКО

Андижанское землетрясение 1902 года: официальные документы и реальность*

120 лет назад, в 1902 году, Андижан пережил самое катастрофическое и разрушительное землетрясение из всех произошедших в начале XX века в Туркестане. Практически полностью был разрушен сам город и расположенные рядом с ним кишлаки¹.

Это было не первое землетрясение в этом районе. Ферганская долина находится в зоне повышенной сейсмической активности, но сильные землетрясения, с большими человеческими жертвами и полным разрушением кишлаков и городов, случаются нечасто. По летописным источникам известно о землетрясении 838–839 годов в районе Ферганы². В 1620 году произошло землетрясение, при котором был полностью разрушен город Ахсы³. Около 1822 года сильное землетрясение разрушило старейший город Ферганской долины Коканд. 17 сентября 1897 года Ферганскую долину потрясло землетрясение, известное как Уратюбинское⁴.

В 1902 году сейсмическая активность в Ферганской области и на сопредельных территориях возросла, сотрясения почвы отмечались почти ежедневно. 9 августа 1902 года** в соседней с Ферганой Кашгарии произошло разрушительное землетрясение, в котором погибло около 2500 человек⁵. 30 ноября и 2 декабря были зарегистрированы довольно сильные сотрясения почвы в Ташкенте. 3 декабря во многих городах и кишлаках Ферганской долины произошла серия землетрясений. В Ташкенте в старом городе разрушился караван-сарай, в результате чего погиб один и ранило двоих местных жителей⁶.

«...От страшных колебаний земли на дороге образовались трещины»

Но самое сильное землетрясение, с магнитудой 6,4 по шкале Рихтера, произошло утром 3 декабря 1902 года в Андижане.

* Авторы выражают благодарность доктору исторических наук, профессору Михаилу Казбековичу Басханову за содействие в подготовке настоящей статьи.

** Здесь и далее все даты приводятся по старому стилю (Юлианскому календарю).

Его очаг залегал под городом, в десяти километрах от земной поверхности, в эпицентре сила колебаний достигала девяти баллов по шкале MSK-64*. Около 9 часов утра жители Андижана слышали сильный подземный гул⁷. Почва вздыбилась, сбивая с ног и отбрасывая на два-три шага шедших по тротуарам людей. Стены домов качались, падали крыши, заборы. Из домов выскакивали люди, их стоны и крики смешивались с гулом ударов⁸...

Около 9 часов 30 минут произошел второй толчок, затем третий, практически до основания разрушившие Андижан и окрестные кишлаки. В Андижане проживало около 50 тысяч человек и еще около 50 тысяч – в пострадавших кишлаках.

В «русской» части Андижана обрушились все уездные учреждения, гостиницы, почтовая станция, телеграф, отделения банков, военное собрание и казармы. Православная церковь и часовня на братской могиле не разрушились, но дали настолько сильные трещины, что их рекомендовано было не восстанавливать, а взорвать. Удар стихии выдержал лишь хлопкоочистительный завод Познанского, построенный из жженого кирпича, по каркасной технологии⁹.

Эвакуацией военнослужащих руководил поручик Герцулин – батальонный казначей 11-го Туркестанского стрелкового батальона, дислоцированного в Андижане (автор ряда публикаций о Туркестане в газете «Туркестанские Ведомости», журнале «Нива» и др.). Он оставался в казарме, пока не выбежал последний солдат, а затем обернулся, заглянул внутрь здания и спросил: «Все ли?». В этот момент обрушившаяся балка убила его, ударив в висок¹⁰. После убитого осталась жена, за два дня до землетрясения родившая двойняшек. В момент подземного удара она встала с постели, кинулась бежать к детям и упала. Ее подхватила акушерка и вынесла наружу. Новорожденных спас вестовой Герцулина¹¹.

Рядовой 3-й роты Сащук, стоя часовым у денежного ящика и знамени, не покинул своего поста несмотря на то, что падавшие сверху кирпичи и обломки нанесли ему ушибы и ранения. Из-под обломков его спас разводящий.

Всего батальон понес следующие потери: трое убитых (поручик Герцулин и два нижних чина) и 19 раненых (офицер Тучков и 18 нижних чинов)¹².

Корреспондент журнала «Нива» сообщал, что подпрапорщик Еланцев и рядовые 11-го стрелкового батальона собрали и вынесли винтовки из разрушенного здания казармы, благодаря чему батальон сразу встал под ружье и приступил к несению службы¹³. Это утверждение не соответствовало действительности. Туркестанский генерал-губернатор Иванов докладывал:

11-й батальон, с падением казармы и цейхгауза, которые засыпали обломками ружья и патроны, остался безоружным, и потому был переведен в другие города, а на его место из Ново-Маргелана** призваны две свежие роты¹⁴.

О том, что 11-й батальон остался без оружия, упоминал генерал-лейтенант Михаил Терентьев¹⁵.

* 12-балльная шкала сейсмической интенсивности Медведева-Шпонхойера-Карника. Степень колебаний 9 баллов характеризуется обвалом, полным разрушением зданий. Наблюдаются искривление железнодорожных рельсов и повреждение дорог. Происходят обвалы, оползни и осыпания грунта.

** Ново-Маргелан, Новый Маргелан – ныне г. Фергана Республики Узбекистан.

В окрестностях Андижана изменился рельеф местности, били фонтаны воды с песком и галькой¹⁶. Заведующий андижанским казенным опытным хлопковым полем А.В. Дынин, проводивший метеорологические наблюдения в окрестностях Андижана, докладывал, что барометр на станции испорчен¹⁷. Утром он выехал верхом в соседний кишлак Ассак (ныне город Асака). Утро «было скверное, с пронизывающей сыростью и сильным туманом»¹⁸. Землетрясение застало его в дороге:

Вдруг наши лошади заартачились, некоторые стали на дыбы, другие начали брыкаться <...> Придорожные дувалы рассыпались на моих глазах. Деревья сильно качались, нагибаясь к земле <...> Через некоторое время произошел снова сильный толчок. Я проезжал кишлаком, строения которого на моих глазах обратились в прах, подняв целый столб пыли. Мы могли наблюдать, как от страшных колебаний земли на дороге образовались трещины и из них выбрасывало воду <...> Я поскакал в город, откуда доносились страшные крики и шум. Я не узнал города. Это положительно была одна груда из смеси земли, кирпича, дерева и железа. Телеграф не действовал, а поэтому я не мог тотчас же донести о постигшем <...> бедствии. В городе царил хаос¹⁹.

Многочисленных жертв среди русского населения²⁰ удалось избежать, так как их дома были более прочными, чем дома в туземной* части. Во время первого удара «русские» дома устояли, жители и чиновники успели выбежать на улицу, и второй, самый разрушительный удар стихии застал их в относительной безопасности. Обрушения домов русской части Андижана в основном происходили во время второго и третьего удара стихии. Ширина улиц в русской части города была достаточной для того, чтобы население оставалось вне досягаемости от падающих обломков зданий.

В туземной части Андижана были полностью разрушены более девяти тысяч глинобитных домов с тяжелыми земляными крышами; уцелела лишь мечеть, но у нее провалился купол²¹. На месте домов образовались сплошные завалы из глины и пыли. Погребенные под ними люди не имели шансов выжить, поскольку пыль забивала дыхательные пути, и они быстро задохнулись. Гибель местного населения происходила на узких и кривых улицах туземного города, содержащего множество тупиков, и даже тех, кто успевал выбежать из домов, засыпало обломками обрушивающихся строений²². Запруженные обвалившимися домами арыки выступили из берегов и затопили улицы.

Михаил Терентьев, занимавший в то время должность военного судьи Туркестанского военного округа, отмечал, что местные жители сидели на развалинах, под падавшим снегом, без теплой одежды и почти сутки без хлеба²³. Личное имущество жителей туземного города, все дома и хозяйственные постройки, все вещи, продукты питания – все погибло. Основное впечатление, которое производил на всех город, сформулировал корреспондент журнала «Нива»: «Теперь весь Андижан в прошлом»²⁴.

* Здесь и ниже слово «туземный» используется в отношении коренного населения региона, независимо от его национального состава; так же, как и «русский» - в отношении не только этнических русских, но и всего населения, прибывшего в Туркестан из других частей Российской империи, еще не успевших стать здесь «коренным». (Прим. ВС.)

«Население переносит бедствия спокойно, покорно...»

Многие жители «русской» части города сразу же после землетрясения бросились на станцию, стремясь покинуть город. Однако это было невозможно, вагоны и паровоз были сброшены с рельс, на расстоянии до восьми километров от города рельсы были повреждены²⁵. Начальник станции успокаивал перепуганную толпу, пытаясь не допустить паники.

Первым делом необходимо было достать из разрушенного вокзала телеграфный аппарат и оповестить о катастрофе. Никто не решался зайти в телеграфную комнату, поскольку толчки продолжались. Наконец, телеграфист, перекрестившись, вбежал в здание вокзала и вынес поврежденный телеграфный аппарат. Лишь к вечеру 3 декабря удалось его починить и вызвать ближайшую станцию «Федченко» (ныне – Кува). Сообщению вначале не поверили, приняв за глупую шутку...

Первая помощь пришла со станции «Коканд», на которой 3 декабря в 17 часов принял сообщение из Андижана начальник станции Богушерский, отправивший через час и пять минут экстренный поезд с первоочередной помощью. Всего из Коканда в течение первых трех дней было отправлено в Андижан восемь вагонов с провизией, в том числе 150 тысячами лепешек, и теплой одеждой. Из города Ош в первые дни отправлялись в Андижан крупные партии одежды и продовольствия. В Ташкенте телеграмма о гибели Андижана была получена 3 декабря около половины восьмого вечера. Через несколько часов, 4 декабря, в час ночи, из Ташкента вышел поезд с помощью пострадавшим андижанцам²⁶.

В первые дни после землетрясения раздача продовольствия проходила постоянно, голода удалось избежать. очевидцы вспоминали:

Слева около одной юрты громадная толпа туземцев. У входа в юрту среди толпы несколько человек с длинными хворостинами. Тут происходит раздача лепешек <...> Толпа напирает. Слышатся энергичные окрики, а иногда приходится пускать в ход и хворостины. Толпа безгласна, но напирает и напирает. Сила стихийная, которая может стереть с лица земли и самую юрту, и стражей ее²⁷.

Около часа пополудни 4 декабря из Нового Маргелана был доставлен новый телеграфный аппарат²⁸.

Но еще раньше, не дожидаясь починки телеграфа, из Андижана в резиденцию губернатора Ферганской области генерала-майора Георгия Арандаренко с донесением о разрушении Андижана поскакал поручик Черепанов. В 7 вечера он прибыл в Новый Маргелан²⁹. Арандаренко, в сопровождении губернских чиновников и начальника туркестанского почтово-телеграфного округа Дорофеева, выехал на поезде в Андижан. Поскольку на подъезде к Андижану железнодорожные пути были повреждены, оставшееся расстояние они частично проехали на дрезине, но когда и дрезина уже не могла ехать, двинулись пешком, по бездорожью, при -8⁰ С, прибыв в Андижан поздней ночью.

4 декабря командир 11-го туркестанского стрелкового батальона полковник

Зенон Бейнар-Бейнарович отослал из Андижана в Петербург военному министру генерал-адъютанту Алексею Куропаткину телеграмму:

Всеподданнейше доношу, что 3 декабря землетрясением <в> Андижане разрушены все воинские здания, поручик Герцулин убит, производятся раскопки³⁰.

Более обстоятельная телеграмма была получена Куропаткиным 5 декабря от Арандаренко:

По личному осмотру докладываю, что одним подземным ударом третьего декабря около девяти утра весь Андижан разрушен, не осталось ни одного здания русского и туземного города. Падением всех воинских зданий убит поручик Герцулин, смотритель лазарета, чиновник, два стрелка, трое детей, свыше ста туземцев; ранено семнадцать стрелков и до пятисот туземцев. Обращены в развалины все воинские здания, все укрепления, полтора ста домов русского города, около девяти тысяч домов туземцев, все заводы, лавки, школы; сильно пострадали селения, до 500 жертв. Население переносит бедствия спокойно, покорно, никаких беспорядков. Подается помощь продовольствием, из Маргелана прибыли маргеланские роты; помощь деятельно подается; в остальных городах и селах русских благополучно. Здесь землетрясение продолжается³¹.

На основании этой телеграммы Куропаткин составил доклад в Ливадию, где находился в то время император Николай Второй.

В первые дни после землетрясения губернатор Арандаренко был занят оценкой повреждений и координацией работ по разбору обрушившихся военно-административных зданий. В эти дни корреспондент журнала «Нива» утверждал, что на месте Андижана «царит ужас и смерть, и тяжкая нужда оставшихся в живых, но лишенных крова, одежды, куска хлеба жителей»³².

Очевидцы подчеркивали распорядительность, энергию и хладнокровие Арандаренко. Встречу с ним описывал корреспондент закаспийской газеты «Асхабад» Константин Тимаев:

Едем дальше и встречаем едущего верхом военного губернатора Ферганской области генерал-майора Арандаренко*, в сопровождении одного только конвойного казака из Семиреченского войска <...> Генерал отдал какое-то приказание казаку <...> и двинулся дальше шагом, обозревая работы по раскопкам разрушенных домов, которые сопряжены с большою опасностью. Одного солдата 11-го стрелкового батальона основательно придавило при раскопках уездного управления. Его унесли на носилках, а остальные, осенив себя крестным знаменем, снова принялись за тяжелую работу³³.

По окончании раскопок этот батальон был выведен из Андижана. Штаб и две роты размещены в Маргелане, остальные две роты передислоцированы в Ташкент.

6 декабря из Ташкента в Андижан была командирована саперная рота для раскопок и постройки временных барачков, разбора зданий военного ведомства, казначейства, почтовой конторы и других правительственных учреждений. Началь-

* В такой форме фамилия «Арандаренко» фигурировала в официальных документах и сообщениях. (Прим. ВС.)

ник инженеров округа произвел разметку и очистку территорий для будущего восстановления русской военно-административной части Андижана.

Общая стоимость разрушенных построек в русской части города Андижана превысила один миллион рублей³⁴. Стоимость движимого имущества частных лиц в «русском» Андижане оценивалась в сотни тысяч рублей, государственного имущества – не менее чем в один миллион рублей. Суммарный общий убыток в одном только «русском» Андижане составил не менее трех миллионов рублей. Миллионами исчислялись потери хлопковых заводов, разрушенных до основания и не подлежащих восстановлению³⁵.

Всех русских жителей Андижана, военнотружущих и рабочих, присланных на восстановление города, расселили в пригнанных с других станций 500 железнодорожных вагонов. К восстановлению туземного города губернская администрация приступила во вторую очередь. Единственный барак-приют для небольшого числа туземных жителей Андижана был построен русской администрацией и открыт 8 января, спустя более месяца после катастрофы.

Арандаренко распорядился организовать доставку строительных материалов, железных печей, походных кухонь, перевязочных средств и прочего необходимого материала, а также повелел немедленно начать возведение барачков и кибиток. Для обустройства русской части Андижана лесоматериалы поступали в первую очередь. К 27 декабря были выстроены армейские деревянные казармы-барачки и технические помещения³⁶.

По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора Иванова была создана комиссия по подсчету убитых и раненых и определению материального ущерба. Общее число разрушенных кишлаков постоянно корректировалось. Немногочисленные оставшиеся в живых жители кишлаков, похоронив своих близких, большей частью уезжали к родственникам в другие населенные пункты, и опрашивать на местах зачастую было некого. В других кишлаках погибшие уже были похоронены, об их числе русской администрации не спешили докладывать.

Собранные на третий день после катастрофы сведения о числе погибших показали, что к 7 декабря 1902 года:

Погибло в Андижане 1600 человек, в волости Ярбаши – 600, Алтынкуле – 650, Хакене – 700, Мангизе – 20, Кокан-кишлаке – 800, Ассакe – 218. Всего – 4570 человек. Домов разрушено 30112, в том числе русских построек – 130. В Маргеланском уезде убито 229 человек, разрушено домов – 3 тысячи³⁷.

Эти данные были не окончательными: многие погибшие жители «туземного» города еще оставались под рухнувшими зданиями.

Остальные уезды пострадали незначительно. В Ошском уезде от землетрясения пострадали Булак-Башинская и Манякская волости. Из крупных населенных пунктов – Коканд, Наманган и Чимкент. До вечера 3 декабря в этих населенных пунктах фиксировалось до восьми толчков, многие дома дали трещины, обрушились ветхие строения. Человеческих жертв практически не было, но под обрушившимися сараями погибли тысячи голов домашнего скота³⁸.

«...На самодельных носилках корчится маленькая черноглазенькая девочка»

В первую очередь политика туркестанской администрации заключалась в оказании помощи городскому населению. Задача восстановления городов была приоритетной, напрямую связанной с главной задачей ликвидации последствий землетрясения – восстановлением военного и административного управления, почты, железнодорожного сообщения... Предполагалось, что населению в кишлаках будет легче перенести последствия, поскольку имелись запасы продовольствия, скота, наличествовали под рукой строительные материалы, а также то, что это население могло широко полагаться на родственные связи и поддержку.

Землетрясение в Андижане обсуждала мировая пресса. Одно из первых сообщений о нем было опубликовано в газете «Mercury-Register» (Калифорния, США) 22 декабря (9 декабря по старому стилю). Сообщалось, что в Андижане и округе погибло 2500 человек и разрушено 16 000 домов. Отмечалось, что власти не могут справиться с нищетой голодающего населения, оставшегося без жилья³⁹.

«Нью-Йорк Таймс» 24 декабря (11 декабря по старому стилю) писала, что даже самые худшие из предыдущих сообщений о недавнем землетрясении в Андижане сильно недооценивают ужасающие человеческие жертвы. Оценивая первоначальное число жертв в туземном квартале Андижана в 4000 человек, газета сообщала, что из-под руин извлечено только 800 трупов и работы по раскопкам продвигаются медленно. Отмечалось, что русское население размещается в 500 вагонах, ожидая постройки временных барачков. Указывалось, что денежные переводы в помощь обездоленным очень малы⁴⁰.

Газета «Sunday Times» 28 декабря 1902 г. (15 декабря по старому стилю) сообщила, что в результате землетрясения в Андижане погибли 20 тысяч человек⁴¹.

Каково в действительности было количество жертв? В январе 1903 года число погибших во время землетрясения и умерших от ран оценивалось не менее чем в 12 тысяч человек⁴². Терентьев отмечал, что число погибших в Андижане и Андижанском уезде достигало 15 тысяч человек, а вместе с ранеными – до 18 тысяч.

Число погибших было намного больше предварительной статистики, так как местные жители, боясь, что погибших будут анатомировать, утаивали их трупы. Существовала и другая причина: по исламу умерший должен быть похоронен до захода солнца, а предъявление тел погибших могло помешать этому. Местные знахари залепляли раны вареным луком или делали присыпку из золы, и раненые нередко умирали от гангрены⁴³.

Корреспондент «Русской мысли» Константин Тимаев, выехавший 9 декабря за пределы города, сообщал:

По дороге мы были свидетелями потрясающих сцен. Туземцы всюду приспособлялись к окружающей обстановке. Кто раскапывал руины, отыскивая своих близких. Кто устраивал на скорую руку временный шалаш для жилья. Были целые группы молящихся. В некоторых местах на развалинах дымились уже костры и женщины кипятили воду в кумганах (металлические кувшины). Попадались неистово скачущие верховые. Это туземцы спешили проведать своих родственников в других кишлаках или передать печальную весть о гибели. Вид-

но было, что жизнь так или иначе идет. Но вот мы подъезжаем к кишлаку, в котором царит мертвая тишина и никого нет. Наконец увидели одного только туземца, который усердно молится на груде развалин, мало обращая внимания на окружающее. Мы подъехали к нему, и я спросил его, где остальные жители. Воздев руки к небу, он ответил, что из всего кишлака, дворов в 15, он остался только один, а другие погребены под развалинами. Туземец добавил, что под грудой, на которой он молился, лежат убитыми жена и его дети. Утешать этого несчастного мы не могли и, понунив головы от только что виденной сцены, двинулись дальше в свой опасный путь⁴⁴.

В Андижанском уезде пострадали кишлаки по Шахрихан-саю, на протяжении до 53 километров. Кокан-кишлак был совершенно уничтожен, в нем погибла большая часть жителей, числом не менее 600 человек. Поскольку население некоторых кишлаков погибло все полностью, определить их точное число не представлялось возможным. Тимаев отмечал, что покалеченному, оставшемуся без какого-либо жилья и средств к существованию местному населению срочно требовалось медицинское обслуживание, питание и теплая одежда, так как было очень холодно и сыро. В Андижане среди местного населения от голода и холода начали развиваться болезни⁴⁵.

Не обнаружено свидетельств о поквартальном обходе Андижана медицинским персоналом в первые дни после землетрясения, для выявления тех жителей города, которые из-за травм или болезней не могли самостоятельно добраться до фельдшерских пунктов или мест раздачи продовольствия.

Распоряжением окружного военно-медицинского управления для оказания медицинской помощи пострадавшим от землетрясения был сформирован медицинский отряд в составе старшего врача 2-го Туркестанского стрелкового батальона коллежского советника Кирилла Коляго, младшего врача 1-го Туркестанского стрелкового батальона надворного советника Норвило и четырех фельдшеров. Отряд выехал из Ташкента в Андижан вечером 4 декабря. На следующий день туда же выехал военно-медицинский инспектор Туркестанского военного округа Георгий Тарасевич. Из Нового Маргелана по распоряжению Арандаренко были командированы: бригадный врач 3-й Туркестанской стрелковой бригады Садовский, старший врач 6-го Оренбургского казачьего полка Добросмыслов и младший врач Портнягин, младший врач 4-го Андижанского резервного батальона коллежский ассессор Сагатовский, три фельдшера и восемь фельдшерских учеников. Отряд был снабжен медицинскими инструментами и медикаментами, взятыми в Маргеланском лазарете, и перевязочными средствами из городской аптеки.

По отчету Ферганского областного врача Попова, в Андижане и Андижанском уезде до 1-го января 1903 года помощь была оказана 662 раненым, что составляло менее одного процента населения уезда. Из них: в Андижане – 89 русским и 334 туземным жителям, Кокан-кишлаке – 88 туземным, Паласане – 54; Копа – 6; Дон-Кайма – 6; Ассаке – 52.

Первые дни после землетрясения были наиболее тяжелыми. Тимаев так описывал Андижанский медицинский пункт:

Доктор Коляго, сменивший доктора Баранкина, не успевал накладывать повязки, до того было много больных. За четверть часа моего пребывания здесь я видел до десяти вновь при-

несенных больных. Картина была более чем ужасная. Вот мучительно стонет сарт с разбитой рукой, ему делают перевязку. Со лба его катится пот, глаза выражают ужасное страдание, он как-то судорожно кривит рот... В другом месте на самодельных носилках корчится маленькая черноглазенькая девочка, у которой были размозжены обе ноги. Тут старик держит на спине своего внука, со свесившимися, как плети, ногами, перевязанными какими-то грязными тряпками. <...> Доктор, переходя от одного к другому, по мере сил и возможности, облегчал страдания⁴⁶.

Врачебная помощь андижанцам, получившим переломы и различные виды травм, в первые недели была недостаточной. Женщины-мусульманки избегали обращаться к русским мужчинам-врачам. Понимая, что женщины остаются без медицинской помощи, русские женщины – мать и дочь Ясинские, Маркова и Кастюрева – добровольно помогали мусульманкам Андижана. Помощь русских женщин-волонтеров смогла облегчить страдания и сохранить множество жизней. Для медицинской помощи женщинам были командированы сестры милосердия Красного Креста из Ташкента и четыре женщины-фельдшера из Тифлиса. Сестры милосердия Ташкентского отделения Общества Красного Креста не могли двинуться в путь без решения Главного управления Общества в Петербурге и связанных с этим формальностей, таких как переписка, выделение средств и пр. Они приехали 21 декабря, на 18-й день после катастрофы. Такими же ограничениями был связан персонал в Тифлисе. Помимо бюрократических препятствий, фельдшеры из Тифлиса были ограничены и транспортными возможностями для проезда по Каспийскому морю и по железной дороге. Женщины-фельдшеры приехали 10 января, на 40-й день катастрофы. Как заметил Терентьев, помощь сильно запоздала: «первые могли бы прибыть через 22 часа после катастрофы, т.е. к 5 декабря, а вторые к 10 декабря»⁴⁷.

«Лично объехав русский и туземный Андижан...»

5-го декабря в Андижан прибыл Туркестанский генерал-губернатор генерал-лейтенант Николай Иванов. Востоковед Владимир Наливкин, бывший тогда помощником военного губернатора Ферганской области, писал, что перед его прибытием «население Андижана и окрестных селений сгонялось администрацией для расчистки тех улиц, по которым должен был проехать генерал-губернатор»⁴⁸.

Перед отъездом в Андижан Иванов получил телеграмму от императора:

По прибытии вашем на места, пострадавшие от землетрясения, прошу мне довести по телеграфу о дальнейших подробностях несчастья, о числе жертв и о первоначальном размере пособия, которое вы считали бы необходимым иметь сейчас в своем распоряжении⁴⁹.

После осмотра города 5 декабря Иванов телеграфировал Куропаткину:

Лично объехав русский и туземный Андижан, нашел поистине полную картину разрушения. Ни одного целого здания, удары и довольно сильные продолжают и теперь, но дух как в гарнизоне, так и в населении прекрасный. Убытки очень большие. Благодаря умелой распорядительности ферганского губернатора, русское население и войска расположены частью в вагонах, частью в юртах. Для неимущих жителей организовано довольствие пищей. Туземное

население уже копается в своих развалинах, приготовляя временные жилища. Число убитых в туземном населении как в городе, так и в пострадавших кишлаках еще не приведено в известность, но считается сотнями, преимущественно женщин и детей. Слава Богу, что катастрофа случилась днем. Вызываю сапер для руководства раскопками, организую комитет возможной помощи нуждающимся, усиливаю медицинский состав. Генерал-лейтенант Иванов⁵⁰.

На следующий день, 6 декабря, Иванов отослал на имя Императора вторую телеграмму, продублировав ее военному министру:

Волна землетрясения кроме Андижана захватила значительную площадь селений Маргеланского и Андижанского уездов на протяжении в общем до полутора тысяч квадратных верст. В Маргеланском уезде разрушено до двух тысяч жилых помещений, в Андижанском вместе с городом – до двенадцати тысяч. Число убитых и засыпанных туземцев не скоро еще приведется в известность, но считают приблизительно <в> Маргеланском до двухсот пятидесяти человек, в Андижанской волости с городом до тысячи ста душ. Из местных городских сумм я разрешил губернатору взять заимообразно, для довольствия в первое трудное время нуждающихся в пище бедняков из туземного населения, двадцать тысяч рублей, ему же из того же источника выдал пять тысяч рублей для оказания помощи неимущим русским жителям. В силу милостивой депеши Вашего Императорского величества докладываю, что нужда пострадавшего населения великая, придется в тяжелое зимнее время поддерживать население. Особенно тяжело положение офицеров гарнизона и служащих чиновников всех ведомств, они буквально лишились всего. Дома разрушены до основания и под своими развалинами погребли все их имущество. Тем не менее надежда на милость Вашего Величества ободряет их. Трогательную картину сегодня, в день вашего тезоименитства, представлял гарнизон и жители Андижана, молившиеся за своего Царя среди развалин под серым зимним небом, угрожающим дождем или снегом. Определить точно цифру помощи я затрудняюсь, но если Вашему Императорскому Величеству угодно будет приказать первоначально ассигновать пятьдесят тысяч, то первая острая нужда, надеюсь, будет устранена. Саперы прибыли, с завтрашнего дня приступят к раскопкам <...> Одиннадцатый батальон я намерен передвинуть, как почти безоружный, на другие квартиры. Ободрив войска и население, дав нужные указания ферганскому губернатору генералу Арндаренко по оказанию помощи и приюта пострадавшим от землетрясения, и подчинив ему войска андижанского гарнизона, завтра полагаю выехать в Ташкент, куда меня призывают другие необходимые дела по краю⁵¹.

10 декабря просьба Иванова выделить на первую помощь пострадавшим 50 тысяч рублей была удовлетворена⁵².

С 6 декабря приступил к оказанию помощи пострадавшим Андижанский благотворительный комитет. Комитет располагал бюджетом более 10 тысяч рублей, в том числе 3750 рублей были выделены военным губернатором Арндаренко из экстраординарных сумм, находившихся в его распоряжении. Было развернуто шесть врачебно-продовольственных пунктов в Андижане и пяти наиболее пострадавших кишлаках⁵³. Врачам поручено, кроме лекарств, выдавать нуждающимся кошмы (войлок), одежду, циновки, посуду, котлы, рис, чай и лепешки.

Основная координация работ в Андижане и округе осуществлялась Арндаренко. Ему же, по приказу Туркестанского генерал-губернатора, были подчинены войска андижанского гарнизона. Восстановительными работами в Андижане занималось военно-инженерное управление Туркестанского военного округа.

9 декабря Иванов из Ташкента информировал Куропаткина:

Генерал Арендаренко телеграфирует, что <...>, по собранным сведениям, у сельских жителей в большинстве имеются достаточные запасы продовольствия, но ремесленников Андижана и безземельных, вероятно, придется довольствоваться до весны. Туземцы приготавливают зимнее жилье. <...> Ташкентским <комитетом> собрано больше четырех тысяч. Вообще, благодаря Богу, к постигнувшему Туркестан горю относятся сочувственно, и мы направляем пожертвования главным образом для помощи туземному населению, ибо число пострадавших русских невелико⁵⁴.

Утверждение, что пожертвования главным образом направлялись для помощи туземному населению, не совсем соответствовало действительности. Существовала четкая грань между экстренной помощью и компенсацией за утраченное имущество. Помощь была направлена всем группам населения, но в разной степени скорости ее предоставления и объеме, особенно последующих компенсаций. Очевидным фактом явилось предоставление русским, в связи с утраченным имуществом, больших сумм помощи и под меньший процент. Рыночная стоимость имущества городского русскоязычного населения (капитальные кирпичные постройки, имущество – европейская мебель, одежда, утварь и пр.) была выше, чем у городского или сельского туземного населения. Денежные средства из специальных фондов распределялись между русским и коренным населением неравномерно. Практически сразу была оказана денежная помощь военнослужащим и чиновникам русского Андижана.

Помощь туземному населению осуществлялась в основном продуктами, теплыми вещами и строительными материалами. Раздача проходила бессистемно и не могла охватить всех нуждающихся, особенно покалеченных андижанцев, не имевших возможности лично получить помощь в специализированных пунктах выдачи.

8 декабря Куропаткин подал доклад императору, в котором просил одобрения мер хозяйственного и финансового характера:

Согласно телеграмме Туркестанского Генерал-Губернатора от 6-го сего декабря, землетрясение, разрушившее город Андижан, оставило в особенно тяжелом положении всех офицеров и чиновников Андижанского гарнизона, потерявших под развалинами разрушенных до основания домов все имущество. Военские здания погибли все, почему войска размещаются частью в юртах, частью в пустых вагонах. Нужда усугубляется холодным временем года. Генерал-лейтенантом Ивановым было предложено окружному интенданту немедленно отправить в Андижан из интендантских складов запас подстилочной кошмы, наличные юрты, юламейки* и железные печи. Ввиду необходимости оказания скорейшей помощи пострадавшему от землетрясения Андижанскому гарнизону, всеподданнейше испрашиваю все милостивейшее Вашего Императорского Величества соизволение на неотложное принятие следующих мер:

1) Ассигнование из запасного кредита Военного министерства 30 тысяч рублей на возведение временных бараков, спасение уцелевшего имущества и возобновление имущества погибшего.

2) Выдачу пособия офицерам, врачам и чиновникам в размере – семейным полугодового и холостым трехмесячного окладов содержания.

3) Производство усиленного довольствия нижним чинам.

* Юламейка – разборный шатер с деревянным остовом и войлочным покрытием, употребляемый в степных местностях Оренбургского края; также юламейкой называется небольшая палатка у киргизов, крытая кожей.

4) Утверждение распоряжения Генерал-лейтенанта Иванова об отпуске из интендантских запасов, в мере возможности, подстилочной кошмы, юрт, юламеек и железных печей для нужд гарнизона.

Испрашивается: благоугодно ли будет вашему императорскому величеству повелеть исполнить, как предположено⁵⁵.

11 декабря Иванов переслал Куропаткину две телеграммы. Первая содержит информацию о том, что в Андижане все спокойно и губернатор полностью контролирует город:

Погода продолжает стоять хорошо, что облегчает работы в Андижане. Благодаря энергии и распорядительности военного губернатора, начальника инженеров округа, других начальствующих лиц, содействию железной дороги и дружной работе сапер и прочих чинов гарнизона, дело движется успешно и тревожное настроение улегается. До постройки временных барачных войска расположены в юламейках, юртах, снабжены полушубками, кошмой, здоровье отличное. Большинство русских горожан разъехалось, остальные помещены пока в вагонах. Туземное население оканчивает разборку развалин, устраивает временные шалаши, для покрытия которых приобретаются и посылаются как местными, так и Ферганскими, Самаркандскими и Ташкентскими комиссиями плетенки, берданы*, кошмы; высылаются глиняные печи для приготовления лепешек. Медицинская помощь подается 7 врачами; сегодня отсюда отправляются 4 сестры милосердия и 2 врача. По заявлению губернатора, туземное население чувствует заботы о нем и бодро переносит тяжкое бедствие; ни беспорядков, ни жалоб нет⁵⁶.

Во второй телеграмме Иванов уточнил об успешном проведении первоначального этапа работ:

Генерал Арандаренко сообщает сего числа: при отличной погоде разборка развалин сегодня будет закончена. Комитеты помощи на местах открыли действия, все существенные нужды русских и туземцев покрываются ежедневными подвозами необходимого. Население <в> добром настроении. Подземные толчки повторяются значительно реже и слабее⁵⁷.

Копии этих телеграмм были представлены императору, который высоко оценил работу губернатора⁵⁸.

14 декабря в очередном отчете Иванов доводил до сведения Куропаткина, что

...кроме местной помощи пострадавшим, указанной в донесении Генерала Арандаренко, учрежденные по моему распоряжению под председательством Губернаторов и Начальника Закаспийской области Комитеты, в особенности Ташкентский и Самаркандский, выслали уже и продолжают высылать на места катастрофы запасы хлеба, муки и прочих предметов продовольствия, а также одежды и материалов для устройства временных жилищ для туземного населения. Вообще я счастлив засвидетельствовать о полном сочувствии русского и туземного населения края горю, постигшему Андижан. Землетрясение 3 декабря в Андижане и подземные толчки, продолжающиеся и теперь в других местностях края, очень встревожили население, в особенности русское. В Ташкенте и в других городах края, ближайших к месту катастрофы, многие, в особенности женщины, спят не раздеваясь, а в ближайших русских селениях крестьяне уложили свое имущество на возы в ожидании повторения землетрясения, но в виду сокращения числа и силы подземных толчков нужно надеяться, что тревога понемногу

* Бердан (бардан) — грубая камышовая плетенка.

уляжется и жизнь войдет в свою обычную колею. Быстро принятые энергичные меры ослабили зло и облегчили положение пострадавшего населения, и я почти уверен, что если хорошее состояние погоды продержится еще некоторое время, то, по крайней мере, большинство пострадавшего населения будет иметь в скором времени кров, который позволит благополучно прожить до весны. Считаю не лишним добавить, что я предложил Генерал-Майору Арендаренко при выдаче туземному населению денег на продовольствие и устройство /временное/ объявлять ему, что средства эти даются от щедрот нашего монарха. В заключение смею высказать, что настоящее несчастье неизбежно повлияет на сближение туземного населения с нами, ибо население убедилось, что и администрация, и весь русский народ отнеслись сочувственно к горю пострадавших от землетрясения и тотчас же приняли меры к облегчению их тяжелого положения.

Иванов приложил копию с телеграммы Арендаренко, вернувшегося на три дня в Новый Маргелан после восьмидневного пребывания в Андижане. Губернатор Ферганской области докладывал, что указания «по организации помощи пострадавшему населению исполнены в полной мере».

В высоком сознании долга службы, пораженные ужасной картиной всеобщего разрушения жилищ, массового полного бедствия в зимний период времени, в эти девять дней – все делали свое дело, как Царь повелевает, по совести, от чистого сердца и с такой энергией, заботой, какие требовали эти тяжелые дни! В семь часов вечера 3 числа прискакал, по бездорожью, поручик Черепанов в Маргелан с известием о разрушении Андижана, а в 9 часов 4 числа оставшееся без хлеба, за разрушением всех печей, андижанское население получило сорок тысяч хлебов, доставленных поездом из Маргелана, из Оша заботами уездной администрации. С пятого числа подвоз продовольствия из Маргелана, Коканда, Намангана начал усиливаться и, продолжаясь до сего дня, дал вполне достаточное прокормление и всему пострадавшему сельскому населению, также, конечно, оставшемуся без печей. С 5-го же числа горожане стали получать горячую пищу, приготовлявшуюся сперва на вокзале, а затем на центральной площади туземного города, где работали и работают четыре военно-походные кухни, отпуская ежедневно 1500 порций. В четвертый день после землетрясения начался и продолжается обильный подвоз туземных печей, покрытия для временных жилищ туземцев, кибиток для русского населения. Одновременно прибыл из Коканда огромный транспорт хлеба, кошем, одеял, носильного платья, обуви для взрослых и детей от Кокандского благотворительного общества, доставленный лично председательницей Дзердзеевской и членами общества Дреш, Вильде с сотрудниками по раздаче, которую они будут продолжать еще насколько дней. Маргеланское, Наманганское, Ошское <благотворительные> общества также оказали помощь. С первых же дней начались раскопки развалин при участии войск и с помощью рабочих, присланных Маргеланом, Ошем; с первых также дней открыта медицинская помощь, заботливо организованная областным врачом Поповым. Окружное интендантство участливо благовременно высылало с вашего разрешения палатки, хлебопекарни, брезенты для русского населения. Таким образом благодаря Бога, по милости великодушного батюшки царя, общей более чем усиленной заботой всех от старших до младших великое бедствие облегчено значительно и около 100 тысяч душ пострадавших благоговейно прочувствовали царскую милость и теплую христианскую отзывчивость добрых людей, истинных благотворителей в эти грозные дни не смолкавшего землетрясения при солнечной, к счастью, погоде!

В заключение губернатор Ферганской области докладывал, что «за все время порядок ни в чем нарушен не был, население вело себя отлично и случаев грабежа в русском и туземном городе не было», а также что «выезд населения значительно

сократился и сегодня оставалось всего 9 вагонов, занятых русскими семьями, которые на днях устроятся в кибитках»⁵⁹.

Все же, принимая во внимание общее число пострадавших (около 100 тысяч человек), ежедневная раздача полутора тысяч порций горячей пищи была абсолютно недостаточной для жителей разрушенного города.

Из телеграммы следует, что большая часть русского населения покинула город в первые дни после землетрясения и к 11 декабря 1902 года, а оставшееся русское население снабжалось продуктами и товарами первой необходимости. В Андижане оставалось совсем немного русских жителей, разместившихся в девяти вагонах (из пятисот). Часть вагонов были заняты администрацией, войсками и прикомандированными лицами. Туземному населению не было предоставлено право размещения в свободных вагонах.

В телеграмме Иванова военному министру от 16 декабря сообщается, что «в Андижане спокойно» и в русской части Андижана закончен разбор обрушившихся зданий:

Русские служащие управления разместились в юртах, но придется частью расположить в вагонах. Здоровье войск прекрасное; войсковые построики быстро идут вперед. Раскопки развалин закончены. У туземцев жизнь налаживается; за горячей пищей обращаются мало, из чего следует, что свободно продовольствуются сами. Большая нужда в кошмах, плетенках⁶⁰.

Туркестанская пресса была настроена менее оптимистично. 17 декабря в «Туркестанских ведомостях» о положении в Андижане сообщалось:

Погода испортилась, льет дождь, холод усиливается, кошмы в юртах протекают, бараки еще не окончены, грязь по улицам невиданная. Туземное население жмется от холода, юрт очень мало, наскоро сделанные шалаши от дожди испортились <...> В городе заболевания усилились. Необходим лес для постройки барачков, плотники и юрты.

Об этом же писал Константин Тимаев в газете «Асхабад»:

Ощущается сильная потребность в теплом платье. Имущество у всех пропало, и многие спаслись в одном нижнем белье. Ежедневно привозят одежду из Коканда и Маргелана, но это все, пока, капля в море <...> Пищевые продукты приходят также ежедневно, но помощь еще не организована и раздача как жизненных припасов, так и одежды имеет характер случайный⁶¹.

Ответные телеграммы Куропаткина в архивных документах не отложились. Исключением является единственная телеграмма военного министра от 31 декабря генерал-майору Арандаренко, в которой сообщалось, что император начертал на его, Арандаренко, телеграмме: «Весьма доволен распорядительностью и заботливостью, проявленными Туркестанскою администрацией»⁶².

17 декабря андижанская станция и рельсовые пути были восстановлены и установлен бесплатный проезд во все города Ферганской области. К началу января все женщины и дети выехали из Андижана, из мужчин остались только немногочисленные служащие. Русско-китайский банк переехал в Новый Маргелан, нотариус уехал, аптека закрылась⁶³.

Для помощи пострадавшему населению на Среднеазиатской железной дороге по распоряжению департамента железнодорожных дел был установлен льготный тариф (по 1 апреля 1903 года). По нему жертвуемые для пострадавших от землетрясения продукты и вещи доставлялись бесплатно, строительные материалы и продукты, закупаемые пострадавшими от землетрясения для собственных нужд, перевозились по железнодорожному тарифу в 1/100 копеек с пуда и версты⁶⁴.

«С прибытием в Андижан камергера Александровского...»

Большая помощь пострадавшему Андижану была оказана Главным управлением Общества Красного Креста.

15 декабря из Петербурга в Андижан было отправлено более 500 пудов белья, перевязочных средств и медикаментов. 16 декабря в Андижан выехал отряд Красного Креста под руководством Уполномоченного Красного Креста для оказания помощи пострадавшим от землетрясения камергера Сергея Александровского, обладавшего большим опытом работы в условиях чрезвычайных ситуаций⁶⁵. Врачебно-питательные пункты, организованные Александровским после 20 декабря, явились осуществлением идеи соединения медицинской помощи с продовольственной.

На первоначальные расходы Главное управление ассигновало в распоряжение Александровского 25 тысяч рублей, в дополнение к ранее переведенным Туркестанскому окружному управлению Общества Красного Креста 10 тысячам рублей. Во всех учреждениях Общества Красного Креста был открыт сбор пожертвований в пользу пострадавшего населения⁶⁶. По приказанию генерал-губернатора Иванова в распоряжение Александровского были командированы из Ташкента врач Смирнов, восемь фельдшеров и другой персонал⁶⁷.

Не обошлось без недоразумений. Поскольку вечером 20 декабря в Андижан прибыл отряд Красного Креста, 22 декабря оттуда в Ташкент отозвали только что приехавших для оказания помощи местным женщинам сестер милосердия Ташкентского отделения Красного Креста. Лишь благодаря энергичному протесту Арандаренко они были оставлены в Андижане. В дальнейшем деятельность отряда Александровского производилась по согласованию с Арандаренко.

2 января 1903 года Общество Красного Креста открыло платную столовую. Благотворительному комитету было предоставлено право выдавать дешевые обеды рабочим и бесплатные обеды неимущим. Столовая за четыре дня отпустила 470 дешевых обедов по 8 коп. и 120 дорогих обедов по 30 коп. С 5 по 16 января работала большая столовая Красного Креста, отпускавшая дорогие обеды чиновникам. Благотворители за десять дней дали 1845 дешевых обедов, а Красный Крест – 437 дорогих; с 16-го января Красный Крест сдал все это дело благотворителям, которые по 10 февраля отпустили 3258 дешевых обедов и 982 дорогих. Терентьев отмечает, что поскольку обедало в январе 190, а в феврале 170 человек ежедневно, то столовая Красного Креста обслуживала только русских⁶⁸. Не обнаружено свиде-

тельств того, что в этих столовых платно или бесплатно получало горячее питание туземное население Андижана.

Работа общества Красного Креста, направленная на помощь населению Андижана, приветствовалась туркестанским руководством, о чем было доложено в Петербург:

С прибытием в Андижан камергера Александровского, открывшего уже действия Красного Креста, положение нуждающихся значительно улучшилось щедрой раздачей необходимого, устройством барачных пунктов, открытием в русском городе общественной кухни, удешевленной раздачей горячей пищи. Вскоре предполагается открыть приют для детей-сирот туземного города. Местные комитеты работают также успешно, большую помощь оказывают комитеты Ташкентский, Самаркандский, Кокандский. Число обращающихся за помощью туземцев значительно меньше прежнего⁶⁹.

Александровский открыл склад лесоматериалов и общественную лавку, на которую выдал местному благотворительному комитету 1 тысячу рублей.

О деятельности Красного Креста Арандаренко сообщал и позже. 9 января 1903 года он отправил телеграмму на имя генерал-губернатора Иванова, которую последний сразу же переадресовал в Петербург, военному министру Куропаткину. В ней говорилось, что «за 15 дней своего пребывания на месте катастрофы» отряд Красного Креста оказал

...такую широкую помощь русскому и туземному населению, что теперь можно быть совершенно спокойным за благополучное перезимование пострадавших. Кроме обильной выдачи беднейшим продовольствия хлебом и мукою, кроме снабжения массы туземцев барданами, кошмами, котлами, одеялами, обувью и одеждою, с редкою быстротой при личном участии камергера Александровского устроены на базарах и щедро снабжены всем необходимым медицинские пункты в селениях Кокан-Кишлак и Суулдуз; прекрасные два барака в туземном Андижане для мужской и женской лечебницы; значительных размеров барак для детского приюта; на участке русско-туземной школы – аптека с даровым для всех отпускаемым медикаментами; все это в туземном городе удобно расположено и прекрасно обставлено, давая отличный приют также всему медицинскому персоналу. В русском Андижане в построенных средствами Красного Креста обширных деревянных бараках работают ежедневно две столовые и чайная, отпускающая до 400 обедов стоимостью от 8 до 30 коп. На средства же Красного Креста приспособлены 30 вагонов для жилья русских семейств. Существенную пользу приносит также открытая в русском городе общественная лавка с удешевленной продажей предметов первой необходимости. Имеются огромные запасы лесных материалов⁷⁰.

В телеграмме также высоко оценивалась «личная активная деятельность камергера Александровского, неоднократно объезжавшего пострадавшее население»⁷¹.

11 января 1903 года Иванов докладывал Куропаткину:

Уполномоченный Красного Креста для оказания помощи пострадавшим от землетрясения, камергер двора Его Величества Александровский уведомил меня, что, по ознакомлении с положением пострадавших андижанцев, им предложено, с одобрения военного губернатора Ферганской области, принять следующие меры:

1. Взамен врачебно-питательного пункта в туземной части города Андижана устроить ла-

зарет в палатках и бараках с аптекою, откуда будет производиться отпуск лекарств для всего населения города, лишенного городской аптеки, разрушенной землетрясением. Предположение это уже приведено в исполнение.

2. Приспособить 30 товарных вагонов для русских обывателей города на зимний период.

3. Оказать помощь местному благотворительному комитету по устройству при железнодорожной станции платной столовой.

4. Устроить склад предметов первой необходимости для продажи жителям по заготовительной цене и для снабжения врачебно-питательных пунктов.

5. Устроить склад для продажи и выдачи беднейшим бесплатно леса и других материалов на постройку временного жилья.

6. Поддержать врачебно-питательные пункты, открытые в местах, пострадавших от землетрясения, снабдить пункты медикаментами, кошмами, барданами, казанами, мукой, крупой, теплыми вещами и проч.

7. Оказать продовольственную помощь беднейшим жителям кишлаков.

8. Во исполнение воли Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны выстроить для осиротевших после землетрясения детей барак в туземной части гор. Андижана на участке разрушенной русско-туземной школы, что уже исполнено⁷².

Одной из главнейших задач, выполненных отрядом Красного Креста, стал подворный обход туземного Андижана и выезд в пострадавшие кишлаки. При подворном обходе наиболее пострадавших кишлаков, отмечал Александровский, выяснилось, что около пятой части жителей очень бедствуют. Предположено было оказывать им помощь продовольствием, прежде всего – для предупреждения эпидемических заболеваний, которые могли быть спровоцированы плохим питанием и неудовлетворительными по санитарным нормам условиями жизни во временных шалашах.

Александровский также сообщал, что после таких посещений население с доверием начинало относиться к русской медицине и возрастала необходимость медицинской помощи тяжелораненым туземцам. Этот доклад был написан спустя один месяц и одну неделю после землетрясения. Спустя столь длительный срок в Андижане оставались тяжелораненые, которые только лишь стали понемногу доверять русским врачам.

У Отряда Красного Креста был широкий круг обязанностей, включавших врачебную и продуктовую помощь, поставку теплых вещей и строительных материалов, координацию в возведении барачков для столовых и детского приюта. Александровский получал из Петербурга продукты и товары первой необходимости. В случае получения денег в качестве благотворительных пожертвований на них закупались продукты и товары и раздавались пострадавшим. Александровский выдал по одному пуду муки наиболее неимущим четырем тысячам жителей кишлаков. Семьям с малолетними детьми выдавался дополнительно чай и рис. Он уведомлял Петербург, что посылаемая в его распоряжение теплая одежда, приобретаемая на средства ее величества государыни императрицы Марии Федоровны, раздается наиболее нуждающимся жителям⁷³.

Через месяц работы в Андижане, 23 января 1903 года, Александровский сообщал, что «за отъездом нашим из Андижана деятельность Красного Креста будет продолжать Ферганское местное Управление во главе с Председателем Генералом

Арандаренко»⁷⁴. Представителем Управления Красного Креста в Андижане был назначен подполковник Корытов. Ему поручалась ликвидация за ненадобностью ранее открытых Красным Крестом столовой, потребительской лавки и ночлежного дома. Приют для сирот было решено сохранить.

«...В разрушенном городе уже опять кипит бойкая жизнь»

Действия туркестанской администрации были оценены в Петербурге. Заведующий Азиатской частью Главного штаба Федор Васильев предлагал военному министру опубликовать в газете «Русский инвалид» некоторые доклады туркестанской и ферганской администраций о ликвидации последствий разрушительного землетрясения, а также отзыв императора об этой деятельности⁷⁵.

Основная проблема заключалась в том, что в официальных донесениях упоминался практически только сам Андижан. Это было понятно, поскольку именно в нем проживала основная часть русского населения и дислоцировались русские войска. Однако землетрясение, как отмечалось выше, разрушило не только город, пострадала и вся округа, весь Андижанский уезд.

Уже 20 декабря в столичной прессе публиковались сообщения об успешной ликвидации последствий землетрясения. «Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства и столичной полиции» писали:

Местное население, пострадавшее от землетрясения в Андижане, вполне оправилось и с оптимизмом ждет зиму. Туземцы заканчивают разборку завалин и устраивают временные шалаши. На эти цели власти выделили плетенки, берданы и кошмы; также высылаются глиняные печи для приготовления пищи. Из Ташкента в район бедствия отправлены четыре сестры милосердия и два врача. Население находится в бодром настроении. Подземные толчки повторяются реже и слабее⁷⁶.

Еще более жизнерадостную картину рисовал популярный еженедельный журнал «Нива»:

Сарты удивительно скоро применяются к обстоятельствам, и теперь в разрушенном городе уже опять кипит бойкая жизнь. Они ютятся в шалашах, в землянках и арбах; на кучах мусора они устроили из выдерганных из-под развалин кусков леса двускатные курени, прикрыли их кошмами и уже занимаются своими обычными делишками, главным образом, мелкой торговлей. Раздаются песни и музыка, у ворот мечети или медресе седобородые старцы читают нараспев Коран, окруженные многочисленными, сидящими на корточках, слушателями⁷⁷.

За этими заявлениями легко прочитывался их подтекст: пусть сарты займутся сами собой, им не привыкать, они по-азиатски терпеливы... Из числа чиновников губернской администрации лишь Наливкин считал, что ситуация в Андижане была беспокойной. Он сообщал, что землетрясением воспользовалась религиозная оппозиция, выступавшая на улицах разрушенного Андижана и других городов Ферганской области с обличительными речами:

«Вы прогневили Гневного, и он простер на вас и на семьи ваши свою карающую десницу, поразив вас ужасами землетрясения. И как было не карать вас ему, Всевидящему, Всеслышаще-

му, Всезнающему. Не Андижан ли, подобно древнему Содому, был гнездом всякого беззакония; гнездом продажности казиев, гнездом насилий, лихоимства и притеснений администрации, гнездом пьянства, разврата и всеобщей распущенности вашей, людей, дерзающих именовать себя мусульманами? <...> Опомнитесь и покайтесь, если вы не хотите, чтобы десница карающего поразила вас новыми и еще худшими бедствиями. Покайтесь и гоните из своей среды и из своей жизни все то, что, подобно пьянству, проституции, азартным играм, роскоши, бесчестности и всякой неправоте, будучи противным догматам нашей святой религии, уподобляет вас нечистым свиньям и столь же нечистым кяфырам»⁷⁸.

Наливкин утверждал, что именно такие речи велись в разрушенном Андижане, именно об этом говорили у ворот мечети или медресе седобородые старцы, окруженные многочисленными, сидящими на корточках, слушателями. Впрочем, в архивных документах не обнаружено упоминаний о посещении Наливкиным Андижана и его сообщение не подтверждается другими источниками.

23 декабря Иванов докладывал об успешном решении первоочередных задач. Прежде всего, о том, что войска андижанского гарнизона, прежние помещения которого были разрушены, «расположены во временных помещениях, достаточно сухих, теплых и просторных, имеют хлебопекарню, баню, пороховой погреб и даже временную церковь»⁷⁹. Затем генерал-губернатор сообщал о положении «туземного населения»:

Объехав <во> вчерашний день как русский, так и туземный Андижан, и выслушав доклад военного губернатора, равно лиц, командированных мною для объезда пострадавших селений, прихожу к заключению, что туземное население, хотя сильно пострадавшее, но бодро и покорно переносит несчастье; в смысле продовольствия население можно считать в большинстве обеспеченным имеющимися у него запасами. На открытые питательные пункты с каждым днем нуждающегося народа является менее и менее. Главная нужда населения выражается в устройстве временных помещений. Комитеты Ташкента, Самарканда, городов Ферганской области усиленно высылают кошмы, плетенки, барданы, камыш. Нелегко будет народу пережить два-три месяца до весны, но при оказываемой помощи и заслуживающей похвалы самодеятельности населения рассчитываю, что народ справится с бедой. В Андижане я посетил две-три временные туземные постройки и нашел их сносными. Вместе с народом в сохранившейся мечети помолился за Государя и за милости, Им и Государынями Императрицами оказываемые⁸⁰.

Иванов также сообщал, что «медицинский персонал действует в семи пунктах пострадавших местностей», однако к нему обращаются «почти исключительно сильно пораненные с переломами, остальные нуждающиеся являются только на перевязку»; железнодорожная станция (с 21 декабря), почтовая контора и казначейство работают в обычном режиме⁸¹. Заканчивался доклад оптимистически:

Дух как в войсках, так всех служащих, равно у населения русского и туземного, – бодрый и уверенный. <...> Погода стоит удовлетворительная; если не будет больших осадков, надеюсь, народ прозимует безболезненно. <...> Поступающие в мое распоряжение пожертвования стараюсь расходовать умеренно, сберегая на весеннюю нужду, устройство, успокоение населения и принятие экстренных мер. Обеспечение острой первой нужды всецело приписываю энергичной, разумной и хладнокровной деятельности военного губернатора области и всех подведомственных ему чинов. Почтительно прося Ваше Высокопревосходительство настоящую мою депешу доложить Государю Императору, ходатайствую при этом засвидетельствовать о выдающихся заслугах генерал-лейтенанта Янушковского и генерал-майора Арандаренко⁸².

Копия с этой телеграммы была представлена Куропаткиным императору⁸³.

Практически ежедневные телеграфные отчеты Арандаренко содержали подробное описание состояния Андижана. Обобщающий отчет о ходе ликвидации последствий землетрясения он подготовил в конце января 1903 года. В нем, кроме повторявшихся из отчета в отчет фраз о том, что «население пострадавшего от землетрясения района, благодаря обильной, правильно организованной помощи, переживает зиму вполне благополучно» и что «для всех нуждающихся русских и туземцев выдается в достаточной мере продовольствие и одежда», сообщалось:

В русской части города начинают строить дома из двойного каркаса. Благодаря заботам местного комитета русское население обеспечено временным помещением, дешевой пищей из общественной кухни, ночлежным приютом на 50 человек. Туземное население зимует в шалашах без особых неудобств; недостатка в продовольствии и топливе не ощущает. Базары действуют, цены нормальные. Острых заболеваний нет. В Андижанской лечебнице больных – 26, в Полосане – 10, Кокан-Кишлаке – 27, Суялдузе – 2. В детском приюте 25 сирот туземцев. Подземные толчки ежедневно довольно сильные, снегу мало, холод ослабел, 5 градусов ночью⁸⁴.

Далее сообщались уточненные данные о людских и материальных потерях, вызванных землетрясением:

Комиссия, назначенная <военным> губернатором для выяснения потерь населения, вычислила: в Андижанском уезде убито 4353 человек, разрушено построек на 9,5 млн. рублей, потеряно движимости на 600 тысяч рублей, убито скота 6 тысяч голов на сумму 300 тысяч рублей; в Маргеланском уезде убито 285 человек, разрушено построек на 400 тысяч рублей, потеряно движимости на 4 тысячи рублей, убито скота 518 голов. Общая потеря имущества в двух уездах около 11 млн. рублей⁸⁵.

Однако эти цифры были неокончательными, поскольку сейсмическая активность в регионе продолжалась. 18 марта Иванов сообщал Куропаткину о новых толчках и разрушениях:

Землетрясением 15 марта разрушено 957 домов в восьми селениях Аимской волости. Медицинская помощь подается с 16 марта двумя врачами. Для нужд пострадавших высланы кошмы, берданы, плетенки. Продовольствовать нуждающихся придется до 1 апреля. Подземный удар был так силен, что работавшие в поле люди, скот валялись с ног. На Андижане землетрясение не отозвалось, но 16 марта там был сильный толчок с гулом. Денежная помощь пострадавшим будет оказана в мере возможности⁸⁶.

После уточнения, полученного от Арандаренко, Иванов передал 19 марта в Петербург дополнение к предыдущей своей телеграмме:

В Аимской волости оказалось разрушенных 1100 домов; губернатор роздал в пособие пострадавшим 3 тысячи <рублей>. Пострадало также население Массы – Кокан-Кишлакской волости, где разрушено 60 домов. Колебания почвы продолжаются⁸⁷.

В разрушенных 1100 домах Аимской волости проживало не менее 6,5–7 тысяч человек, которым было выделено 3 тысячи рублей, – около 40-45 коп. на человека. Упоминание о том, что выделять продуктовую помощь нуждающимся «придется

до 1 апреля», т.е. в течение лишь двух недель после разрушения их домов и потери недвижимого и движимого имущества, вещей, домашнего скота, продуктов и семенного материала, является весьма показательным и циничным.

Для медицинской помощи было направлено два врача, что было совершенно недостаточно для осмотра и медицинской помощи пострадавшему населению.

«Большинство пострадавших вследствие зажиточности не нуждается в помощи...»

После землетрясения 2 декабря власти приступили к оказанию денежной помощи пострадавшим.

Один из первых документов, регламентирующих эту помощь, относится к 11 декабря. Генерал-лейтенант Иванов докладывал Куропаткину:

Согласно высочайшего соизволения, последовавшего в 11 день декабря 1902 года <...> офицерским и классным чинам Андижанского гарнизона, пострадавшим от землетрясения, выдано пособие в размере – семейным полугодового и холостым трехмесячного окладов содержания. Признавая справедливым оказать такое же пособие и чинам административно-полицейского управления Андижанского уезда, имею честь просить Ваше Высокопревосходительство не отказать исходатайствовать всемилостивейшее Государя Императора соизволение на выдачу поименованным в прилагаемом при этом списке чинам означенного управления, пострадавшим от Андижанской катастрофы, пособий в размерах, указанных в списке и исчисленных применительно к пособиям, выданным чинам Андижанского гарнизона⁸⁸.

Военный министр Куропаткин представил эту просьбу императору, получив краткую резолюцию Николая II: «Согласен»⁸⁹.

Пособия в размере полугодового оклада были выданы 19 чинам административно-полицейского управления Андижанского уезда: уездному начальнику полковнику Дановскому 768 рублей, его помощнику, подполковнику Мичкасову 672 рубля, по 540 рублей участковым приставам Чикунову, Каретникову и др. Пособия в размере трехмесячного оклада выданы девяти медработникам – врачам, фельдшерам, акушерам и др. Всего пособия в размере 9176 рублей 50 копеек получили 22 человека⁹⁰.

Генерал-губернатор Иванов разрешил выдать 15 тысяч рублей на постройку барачков для больницы, помещения полиции и администрации. Офицерам и чиновникам, потерявшим все имущество, выдано было 3 тысячи рублей, по 100 рублей на каждого.

Ходатайство Иванова об оказании финансовой помощи пострадавшему коренному населению было подано лишь в феврале 1903 года. Запрашивалось разрешение на неотложную выдачу ссуды 9539 домохозяйствам, наиболее пострадавшим от землетрясения и оставшимся без средств к существованию:

По окончательно выясненным сведениям имущественные потери туземцев пострадавшего от землетрясения района, не считая убитого скота, простираются до 10,5 млн. рублей. Большинство пострадавших вследствие зажиточности не нуждается в помощи, но, по донесению губернатора, необходимо неотложно помочь в Андижанском уезде 7024 домохозяевам,

Маргеланском – 2515 домохозяевам. Признаю возможным ограничиться выдачей в ссуду от 30 до 35 рублей на домохозяйство, с рассрочкой уплаты на пять лет из одного процента в год. Проценты эти пойдут на покрытие расходов по делопроизводству и счетоводству ссудных операций. Выдачу ссуд признаю возможным приурочить к местным уездным ссудным кассам, в распоряжение коих следует передать ссудный капитал. Поступившие на мое имя пожертвования я пока не расходую, приберегая их к весне, когда потребуется помощь на обсеменение полей и на покупку рабочего скота наиболее нуждающимся. На выдачу ссуд, считая в том числе около десяти тысяч на уезд, требуется триста тысяч рублей, об ассигновании коих в мое распоряжение теперь же я убедительно ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством. <O> выдаче ссуд жителям русского Андижана я войду с дополнительным ходатайством, ибо представленные губернатором данные возвращены ему для переделки⁹¹.

Если учесть, что средний состав ферганской семьи в то время состоял из 5-6 человек, то из 100 тысяч пострадавших около 50 тысяч нуждались в неотложной помощи. Помощь не носила безвозмездного характера, а представляла собой ссуду на пять лет под один процент годовых. Сумма ссуды составляла 5-6 рублей на человека. Императором было разрешено ассигновать 300 тысяч рублей, с выплатой этой ссуды в течение пяти лет.

Зажиточные жители разрушенных кишлаков потеряли не только свои дома, но и источник своего благосостояния – домашних животных, сельскохозяйственные производственные и перерабатывающие предприятия. Но они продолжали считаться зажиточными, с них продолжал взыскиваться земский сбор и подати, автоматическая отмена которых не предусматривалась.

Например, 12 февраля 1905 года житель селения Акяр Ярбашинской волости Андижанского уезда Турябай Каримбаев подал прошение на имя Арандаренко:

При сем имею честь заявить в Ферганское Областное Правление о том, что у меня в селении Акяр Ярбашинской волости имелся хлопкоочистительный завод. <...> В землетрясение завод мой весь развалился, я сам бедный остался без средств по старости жить. Вновь построить завод я был не в состоянии, при этом я заявил Андижанскому уездному управлению, что устроить завод не в состоянии. Не обращая внимания на мое заявление, волостной управитель Алимкул-бек с меня взыскал земского сбора 160 рублей. Мной за 1901 год было внесено в казначейство согласно квитанции 200 рублей <...> а всего за 1901-1902 года – 430 рублей 80 копеек. В настоящее время я получаю опять же платежное свидетельство из Андижанского уездного управления внести в казначейство за 1903 год 180 рублей и штраф 20 рублей. Покорнейше прошу в Областном Управлении сделать распоряжение и разобрать это дело. За что я должен платить деньги, завода у меня и духа нет, за три года я плачу ни за что. Прошу от таковой платы уволить меня, бедного старика⁹².

Вопрос Каримбаева был, по-видимому, решен в его пользу⁹³, однако это был, вероятно, не единственный случай.

Небольшая часть андижанцев, переживших землетрясение, ходатайствовала о сложении недоимок, образовавшихся по налогу на недвижимость, разрушенную землетрясением. 5 мая 1903 года Иванов сообщал министру внутренних дел:

Военный губернатор Ферганской области возбудил ходатайство о сложении недоимки в 5187 рублей 29 коп., образовавшейся на туземном населении Андижана, по налогу с недвижимых имуществ, разрушенных землетрясением 3 декабря 1902 года <...> Недоимщики люди

бедного состояния, с трудом зарабатывающие средства к существованию, и взыскание с них недоимки тяжело отзовется на их материальном благосостоянии⁹⁴.

В итоге вопрос был также решен положительно, и недоимка с пострадавших андижанцев была «сложена»⁹⁵.

Размер помощи русскому и местному населению сильно различался. В Андижане было разрушено около 130 частных домов русских домовладельцев. Иванов и Арандаренко получали прошения от русских домовладельцев Андижана, потерявших свое имущество, о выдаче денежных пособий. Например, 31 января такое прошение подал отставной унтер-офицер и мещанин города Андижана Николай Гуревич:

Вступив на службу из бывших военных кантонистов* в 4-й Туркестанский линейный батальон и прослужив безупречно 15 лет, я за штурм города Ташкента награжден знаком отличия Военного ордена 4-й ст. Всего прожил в Туркестанском крае 43 года, стараясь по мере сил и умения быть полезным обществу и моим детям, причем, для образования их не жалел последнего и потому сын мой окончил курс Петербургского университета и ныне состоит кандидатом на судебные должности во внутренних округах России, а четыре дочери, из которых одна еще учится в Петербурге, получили от меня некоторые – дома в Андижане, а некоторым – приданое деньгами, дома первых тоже находятся ныне в развалинах. Поддерживал я существование свое и своей семьи доходами с двух домов, нажитых многолетним тяжелым и упорным трудом, и из того же дохода платил за учение и содержание в Петербурге младшей моей дочери, но с 3 декабря, после землетрясения, я остался нищим, а к довершению несчастья, будучи лишенным крова, жену мою в ветхой юрте разбил паралич и, несмотря на нахождение в Маргеланской городской больнице, я вынужден был взять ее оттуда с парализованным языком. Вышеизложенное вынуждает меня почтительнейше просить ваше высокопревосходительство обратить внимание на мое бедственное положение и не отказать мне в пособии на лечение и содержание разбитой параличом жены и временное поддержание моего существования. Ваше высокопревосходительство, в течение всей моей 63-летней жизни я никогда не просил ни о каких пособиях, сознавая, что не подобает человеку вообще жить подааниями, а кавалеру, награжденному военным орденом, тем более, и потому прошу верить, что лишь самая горькая нужда заставляет меня ныне отступить от этого правила⁹⁶.

В Андижане были разрушены дома крестьян-переселенцев. Сохранилось прошение крестьянина Спасского поселка Евтихия Безсинного, направленное Андижанскому уездному начальнику:

Имею честь заявить Вашему Высокоблагородию ввиду бывшего землетрясения в гор. Андижане и позднего получения участка земли при Спасском поселке, я не успел переселиться из города в поселок. Землетрясение разрушило мое жилище, в котором я находился в гор. Андижане, и погубило много вещей первой необходимости в хозяйстве. В бытность в гор. Андижане Военного Губернатора я был у него лично, и он мне сказал, что уполномочил Ваше Высокоблагородие распоряжаться средствами и оказывать помощь, приказав мне подать о том прошение, изложив в нем обстоятельства. За несколько дней до землетрясения мною было <...> куплено лесу разного для постройки в поселке на 30 рублей. Из этого лесу мною было заказано 2 стола, за которые я заплатил по 5 рублей за работу. Все вышепоименованное во время земле-

* *Кантонисты* – малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов, сами принадлежавшие к военному ведомству и в силу своего происхождения обязанные к военной службе, а также малолетние рекруты из евреев.

трясения было побито и сломано, так что исправить нет никакой возможности, а лес и столы превратились в щепы. А потому имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие распоряжения Вашего о выдаче мне в поселок юрту, которая могла служить мне за прикрытие от холода и дождя, а также лесу для постройки постоянного жилья, и, если найдется возможность, выдать мне плуг, который был мне обещан еще во время пребывания в Андижане Военного Губернатора одним из членов Благотворительного комитета Красного Креста. Ввиду всего происшедшего я в настоящее время не имею средств тронуться с места и лишен возможности переселиться в поселок, а потому прошу Ваше Высокоблагородие войти в мое положение и оказать мне помощь насколько будет возможно⁹⁷.

Характерно, что в архивах не отложились документы, содержащие прошения коренного населения об оказании им помощи на восстановление жилищ или на компенсацию понесенных в результате землетрясения убытков.

В туркестанскую администрацию и в военное министерство поступали просьбы от русских домовладельцев о выдаче им льготных беспроцентных ссуд.

В феврале 1903 года на имя военного министра Куропаткина поступило коллективное прошение, представленное заведующим Азиатской части Главного штаба. В нем сообщалось, что 105 русских домовладельцев, потерпевших в результате землетрясения убытков более чем на миллион рублей, просили выдать им беспроцентную долгосрочную ссуду на 500 тысяч рублей, т.е. по 5 тысяч рублей на домовладение. Тогда как Арандаренко предлагал выдать на домовладения местных жителей ссуду на пять лет под 1% годовых, по 30-35 рублей на домовладение, т.е. в 166 раз меньше. В стоимостном отношении имущество русских семей было несравненно дороже местных, но если в первом случае речь шла лишь о неотложной помощи остро нуждающимся жителям, потерявшим не только свое имущество, но и близких им людей, то во втором – о компенсации потерь, причем в пределах рыночной стоимости жилья, часто – не единственного. Эта просьба поступила Иванову от ферганской администрации, т.е. от Арандаренко, который признавал возможным (и обоснованным) дать ей ход⁹⁸.

Вместе с тем, туземное население, особенно в разрушенных кишлаках, занятое в животноводстве и сельском хозяйстве, потеряло средства к существованию: не только движимое и недвижимое имущество, но и свой домашний скот и семенной материал на посевную страду весны 1903 года. Подтверждаемые губернской администрацией суммы потерь туземного населения Андижана и Андижанской области (около 100 тысяч человек) оценивались в 11 млн. рублей, т.е. более 100 рублей на человека. Сумма кредита по 5-6 рублей на человека являлась совершенно незначительной.

«Не забудьте нас, русские люди, не забудьте новых сограждан»

В городах Ферганской области с 10 декабря были организованы благотворительные комитеты, куда со всех концов Российской империи поступали добровольные пожертвования частных лиц, общественных и коммерческих организаций.

8 декабря Куропаткин доложил императору, что Военное министерство получило пожертвование от правления Акционерного Общества бумажных мануфак-

тур Познанского и К^о в Лодзи, в сумме 5 тысяч рублей, переведенное военному губернатору Ферганской области⁹⁹.

В ташкентский комитет по оказанию помощи андижанцам с 10 декабря 1902 года по 19 января 1903 года поступило 37499 рублей пожертвований. Редакции газет по всей Российской империи получали денежные суммы и затем переводили их в фонд помощи пострадавшим от Андижанского землетрясения. В газете «Туркестанские ведомости» была открыта рубрика «Крупные жертвования в пользу андижанцев», в которой печатали призывы к пожертвованию и публиковали фамилии жертвователей и суммы, приходящие в благотворительный комитет. Объявление для сбора пожертвований было составлено с поразительной искренностью и человечностью:

Землетрясением 3-го декабря разрушены до основания русский туземный Андижан и селения почти пяти волостей. Убиты в городе и уезде около пяти тысяч человек. Русских жертв мало, больше туземцев, убытки и несчастье громадные. Землетрясения ежедневно продолжаются. Идет дождь со снегом. Сто тысяч туземцев и тысяча русских остались без средств. Местные города оказывают всевозможную помощь деньгами и хлебом. Крайне необходима денежная помощь. Край богатый и плодородный, центр хлопководства. При помощи он быстро поднимется на ноги. Не забудьте нас, русские люди, не забудьте новых сограждан. Туземцы хорошие люди, благодарный народ. Отзовитесь и помогите нам, как помогли чуждым нам бурам, туркам и армянам. Не долгая нужна помощь и мы, русские и туземцы, встанем на ноги и получим возможность в свою очередь помогать другим¹⁰⁰.

21 декабря императрицей Александрой Федоровной для приобретения одежды и обуви пострадавшим беднейшим жителям города Андижана и его окрестностей было даровано 10 тысяч рублей¹⁰¹. 12 января 1903 года императрица повелела устроить благотворительный концерт в пользу пострадавших, сборы от которого, 16 тысяч 445 рублей 34 копейки, были направлены на помощь андижанцам¹⁰².

Пожертвования поступали не только от взрослых, но и от детей.

Так, ученицы Мариинского женского училища в Ташкенте отказались от елки, которую собралась устроить для них почетная попечительница, собрали из собственных сбережений 51 рубль 37 копеек, принесли для малоимущих андижанских детей массу теплых вещей, которые через редакцию «Туркестанских ведомостей» были отправлены в Андижан.

Ученики приходского училища и русско-туземных школ Катта-Курганского уезда отказались от рождественских подарков и елки, устраивавшейся для них на средства, собранные добровольной подпиской, и передали в фонд помощи Андижану 300 рублей, собранные на устройство этой елки¹⁰³.

Для сбора пожертвований порой применялись весьма оригинальные методы. Так, на новогодний бал 1902–1903 годов в здание иркутского Общественного собрания явилась дама в сартском костюме, на котором были изображены «моменты андижанской катастрофы», и приступила к агитации и сбору денег пострадавшим андижанцам¹⁰⁴.

Не обошлось без небольших курьезов. Как сообщал Константин Тимаев: «Редактор-издатель “Закаспийского Обозрения” В. Федоров с разрешения турке-

станского генерал-губернатора приступил в Асхабаде к изданию литературного сборника графа Валериана Веги** "Лиловые сказки". Весь сбор с этого издания предназначался в пользу пострадавших от землетрясения андижанцев. Впоследствии "Туркестанские ведомости" с горечью отмечали, что ни одного покупателя не нашлось на эти "Лиловые сказки"»¹⁰⁵.

В феврале 1903 года поступило пожертвование из Хивинского ханства: от хана Мухаммада Рахим-хана Второго 2 тысячи рублей и от жителей ханства 3 тысячи рублей¹⁰⁶. Император, которому доложили об этом пожертвовании, повелел выразить благодарность хивинскому хану через генерал-губернатора Иванова¹⁰⁷.

По поводу сбора и распределения частных пожертвований раздавались и критические голоса. Терентьев указывал на недостаточные объемы благотворительной помощи: «Частная благотворительность, как среди жителей Туркестанского округа, так и Европейской России, откликнулась весьма слабо»¹⁰⁸.

Наливкин отмечал, что добровольные пожертвования не полностью доходили до коренного населения¹⁰⁹. В первые месяцы после трагедии населению были нужны наличные деньги. Раздача гуманитарной помощи продуктами и вещами была недостаточной для 100-тысячного коренного населения пострадавшего района. Русская администрация, благотворительные комитеты и комитет Красного Креста практиковали продажу горячих обедов, товаров первой необходимости и строительных материалов в специальных пунктах. В архивных документах не обнаружено фактов широкой раздачи денег коренному населению или массовых бесплатных раздач обедов, предоплаченных благотворительными комитетами.

1 марта 1903 года Иванов принял решение о закрытии комитетов по сбору пожертвований в пользу андижанцев. Он мотивировал это тем, что «первоначальная острая нужда» пострадавшего населения «удовлетворена насколько это было возможно», а также необходимостью «сосредоточить все поступающие в пользу пострадавших пожертвования в Главном Управлении»¹¹⁰. Все средства, приходящие пострадавшим жителям Андижана после 1 марта 1903 года, направлялись в фонд Иванова. Общая сумма пожертвований в пользу андижанцев со стороны частных лиц превысила 250 тысяч рублей, в том числе 116 тысяч рублей поступило непосредственно в распоряжение генерал-губернатора¹¹¹. Эти пожертвования были огромными, но они едва превысили 2% от общей суммы ущерба¹¹².

«Возводить постройки... из более солидного каркаса»

Андижанское землетрясение имело и позитивные последствия. Оно стимулировало геолого-сейсмические исследования в регионе, а также проектирование и строительство сейсмостойких сооружений.

Для выяснения фундаментальных причин, приведших к Андижанской катастрофе, Иванов уже в первые дни после нее инициировал проведение исследовательских работ в зоне землетрясения.

9 декабря он сообщал военному министру о посылке «в район землетрясения горного инженера для возможного исследования и изучения вопроса» и хо-

* Псевдоним писательницы Веры Гейман.

датайствовал о командировании в Андижан «из Петербурга комиссии опытных геологов»¹¹³.

Горный инженер Борис Корольков, недавний выпускник Горного института в Петербурге, командированный Ивановым для геологических исследований в Андижанском уезде¹¹⁴, установил тектонический характер землетрясения, его направление и площадь¹¹⁵. Корольков в дальнейшем неоднократно привлекался к изучению различных землетрясений в регионе¹¹⁶, проводил ряд археологических исследований¹¹⁷.

30 декабря, наконец, император повелел

...для производства специальных геологических исследований, для выяснения ближайшей причины Андижанского землетрясения и практических мер для уменьшения наносимого им вреда командировать в Туркестанский край особую экспедицию...¹¹⁸

Руководителем экспедиции был назначен старший геолог Геологического комитета, экстраординарный академик Императорской Академии наук и директор Геологического музея Академии наук Феодосий Чернышёв. В экспедицию входили три инженера: Михаил Бронников, до этого проводивший геологоразведочные работы на Урале, в Забайкалье и Маньчжурии¹¹⁹, геолог-стратиграф и палеонтолог Александр Фаас¹²⁰ и геолог и палеонтолог Валериан Вебер¹²¹.

На экспедицию Чернышева было ассигновано 15 тысяч рублей; на подготовку к ней ушло два месяца. Осмотр русской части Андижана производился с 7 по 12 февраля, туземного города – с 13 по 16 февраля. С 17 февраля по 10 марта экспедиция изучила более 200 пострадавших селений вокруг Андижана.

Во время пребывания Ф.Н. Чернышева в Фергане было получено Высочайшее повеление о том, чтобы, по окончании исследований в Фергане, он отправился в Кашгар для ознакомления на месте с характером землетрясения 9 августа 1902 года. В помощь ему, при изучении геологии Кашгара, был назначен горный инженер Марков и прикомандирован горный инженер Корольков.

Результаты исследования Андижанского землетрясения экспедицией Чернышева были опубликованы в Петербурге в 1910 году¹²², а исследование в Кашгаре явилось основой изучения геологического строения Тянь-Шаня¹²³.

Большое внимание губернской администрацией было уделено разработке правил строительства сейсмостойких зданий в Андижане. Каркасные постройки во время землетрясения пострадали менее всего, поэтому было решено отдавать предпочтение возведению именно такого типа строений¹²⁴.

20 марта Иванов уведомил Куропаткина:

В виду поступающих к военному губернатору Ферганской области заявлений о разрешении постройки частных зданий в Андижане, мною было сделано распоряжение о разработке правил, коими обеспечивалась бы возможная устойчивость зданий против разрушительных действий землетрясений. По составлении означенных правил таковые были рассмотрены особо комиссией, избранною Туркестанским отделением императорского Русского технического общества. Утвердив упомянутые правила и имея в виду, что для Туркестана и, в частности, по отношению к Андижану не издан специальный законодательный акт и не воспоследовало

особого высочайшего повеления, подобно тому, как для Семиреченской области и гор. Шемахи* <...>, в силу коего возможно было бы требовать от частных лиц безусловного исполнения специальных технических мер для ограждения зданий от разрушения их землетрясением, я предложил военному губернатору Ферганской области, по отпечатании названных правил, преподать таковые к руководству, но не в виде обязательного постановления, предполагавшегося к изданию генерал-майором Арндаренко, а в форме советов и наставлений для желающих возвести частные постройки в Андижане и его окрестностях, пострадавших от землетрясения. Вместе с тем я предложил военному губернатору упомянутой области сделать распоряжение о переводе указанных правил на туземный язык и о распространении их среди туземного населения¹²⁵.

25 февраля туркестанский генерал-губернатор Иванов передал Арндаренко распоряжение «О восстановлении и расширении домов и улиц в Андижане после землетрясения», обязывающее последнего разработать генеральный план строительства Андижана, для исключения катастрофических потерь при возможных повторных землетрясениях. Этот документ отражает официальную позицию туркестанской администрации в отношении основной причины беспрецедентно большого числа человеческих жертв во время андижанской катастрофы:

Масса убитых и раненых в туземных поселениях, пострадавших от землетрясения 3 декабря прошлого года, должна быть, по всей вероятности, приписана тесноте улиц и переулков туземных поселений, плохому устройству помещений и главным образом слабости стен и чрезмерной тяжести земляных крыш. Сознывая полную невозможность издавать какое-либо обязательное постановление об устройстве туземцами домов определенного типа, безопасного от землетрясения, ибо туземцы не имеют ни средств, ни возможности привести в исполнение это обязательное постановление, я нахожу, однако, необходимым просить Ваше Превосходительство через туземную администрацию, казиев и других уважаемых народом лиц советовать народу возводить постройки взамен разрушенных из более солидного каркаса, а главным образом, не делать толстых земляных крыш, уменьшив до возможности толщину последних. Существующий обычай, при ежегодной смазке крыш глиною, утолщать слой последней до чудовищных размеров – иногда до 14-15 вершков (62-67 см), не только не полезен, но прямо вреден и не только при землетрясениях, но и в ненастную погоду, когда, особенно зимою, нередко случается падение туземных построек. Но независимо от этого необходимо расширить улицы и переулки, особенно в туземной части Андижана, где полезно было бы некоторые переулки расширить и спрямить. Вполне осуществить это трудно, ибо здесь затронуты частные интересы, и земли в городе стоят дорого, но я надеюсь, что если Ваше Превосходительство примет в деле этом свое авторитетное участие и повлияет на население, то и это затруднение может, хотя отчасти, быть устранено. <...> Для более точного выяснения местностей, где желательно расширение и спрямление улиц, и количества отходящих от этого земель, не признаете ли вы важным поручить теперь же произвести съемку через уездного землемера при участии местных чинов областного правления¹²⁶.

7 мая Арндаренко уведомлял Иванова, что в Андижане до сих пор не выстроено здание тюрьмы и местные гражданские арестанты, исключительно туземцы, число которых порой доходило до 50 человек, содержатся на местной гауптвах-

* В 1859 г. в Шемахе (Шемахинская губерния, ныне – Азербайджан) и в 1887 г. в Верном (Семиреченская область, ныне Алма-Ата, Казахстан) произошли сильные землетрясения, почти полностью разрушившие эти города. 8 ноября 1888 г. Семиреченским областным правлением были утверждены «Правила о возведении зданий, наиболее устойчивых от разрушительных действий землетрясения на основании науки и опыта», по которым велось дальнейшее антисейсмическое строительство Верного. (Прим. ВС.)

те¹²⁷. Однако строительство новой тюрьмы было отложено, «так как еще не решен вопрос о выработке типов стойких построек для возведения постоянных казенных зданий в местностях, подверженных землетрясениям»¹²⁸.

Для разработки правил постройки сейсмоустойчивых домов в Андижане был привлечен военный инженер генерал-майор Илья Пославский. 19 марта Иванов утвердил эти правила и передал их копию военному губернатору Арандаренко¹²⁹. Разработанные правила имели характер советов и наставлений для строителей домов, наблюдение за возводимыми зданиями проводилось чинами технического надзора Андижана.

Арандаренко перевел эти правила на «сартский» (узбекский) язык, они были отпечатаны в типографии Нового Маргелана и распространены в Андижане среди местного населения «для общего сведения обывателей... в видах их собственной безопасности при возможных будущих землетрясениях».

Согласно разработанным правилам, рекомендовалось не возводить сырцовые стены; «наиболее рекомендовались» каркасные стены с изолирующим слоем на цоколе. Лесоматериал советовалось «потреблять потолще размером, сухой, очищать от коры, нижние лежни обмазывать смолой, мазутом и т.п». В кирпичных или каменных стенах рекомендовалось на высоте оконных перекрытий закладывать внутрь кладки железные связки, а также укреплять постройки контрфорсами и утолщениями внизу стен. В отношении внутренней части жилища советовалось «избегать толстых внутренних (штукатурных) карнизов, тяг и лепных работ... Не делать тонких внутренних стен из кирпича или сырца, а класть их столь же толстыми, как наружные или заменять фахверковыми, каркасными или деревянными оштукатуренными переборками». Также предлагались меры по облегчению земляных крыш:

Смазку потолков облегчать большей примесью соломы, слоем камыша, прокладкой барданов и т.п... Всеми мерами следует облегчать крышу, утоньшая смазку земляных крыш, тщательно выравнивать поверхность крыши под смазку /по барданам/; в обеспечение от протекания очень полезно и недорого настлать по ровной тонкой смазке кровельный толь и по нему сделать новую тонкую смазку. Лучшая кровля из оцинкованного железа без труб и желобов, при весе листа в 10 фунтов <4 килограмма> она окажется дешевле камышово-земляной, принимая во внимание постоянный ремонт¹³⁰.

Благодаря следованию этим правилам сейсмоустойчивость зданий увеличилась. Несмотря на постоянные, зачастую – ежедневные толчки в Андижанском уезде в течение 1903 года, обрушений вновь возводимых зданий, гибели населения и материального ущерба удалось избежать.

Военные, административные и гражданские объекты Андижана были в основной своей массе выстроены к лету 1903 года. Туземный город отстраивался значительно медленнее. Это было связано с тем, что финансирование для восстановления домов коренного населения ни Петербургом, ни туркестанской администрацией не выделялось. Единственная уцелевшая мечеть Андижана стояла с провалившимся куполом до 1905 года, а состоящее при этой мечети медресе находилось в полуразрушенном состоянии:

...Потолки в большей части келий обвалились, штукатурка везде обвалилась и образовала кучи, в стенах отверстия, так что жить в этих комнатах опасно, окна и двери частью забиты, частью заперты, все покрывается паутиной. Общая ученическая комната «Хонака» совершенно обрушилась, равно и дувал¹³¹.

Из-за этого учащиеся в медресе не проживали, а приходили туда только днем, на ночь уходя в дома своих родственников, что являлось нарушением правил: ученик каждого медресе обязан в нем проживать до конца учения.

Жители Андижана обратились к начальнику Андижанского уезда за разрешением на восстановление мечети:

Мечеть наша под названием «Чукур-мечеть» была разрушена землетрясением. Не имея возможности восстановить эту мечеть лишь средствами прихода, мы пригласили Мулла Гатаулла Магзума, внука основателя мечети, проживающего в гор. Намангане. Названный туземец принял наше приглашение принять участие в постройке мечети, для чего приехал в Андижан <...> Работа будет произведена под руководством внука строителя мечети Аятаулла Магзума, который принимает на себя главные расходы постройки. Приход готов оказать материальную помощь этому благому делу по силе возможностей. Представляя приговор прихода, просители ходатайствуют о разрешении приступить к работам, пока время в этом благоприятно¹³².

Разрешение было получено. Жители Андижана и приход поручили Гатаулле Магзуму принять на себя главное руководство в восстановлении разрушенной мечети, обязуясь оплатить восстановительные работы. Гатаулла Магзум согласился принять на себя обязанность главного руководителя работ, произвести постройку мечети по старому плану и закончить строительство своими средствами, не обязывая приход оказывать какую-либо помощь¹³³.

Дальнейшее восстановление общественных строений в туземной части Андижана также осуществлялось за счет местного населения, без привлечения денег из губернаторского фонда.

За счет местного населения и по его инициативе строились «туземные» общественные здания и в большинстве кишлаков Ферганской области. Лишь изредка местные жители обращались за помощью к властям. Так, жители Ассакинской волости Маргеланского уезда Ферганской области подали прошение Туркестанскому генерал-губернатору:

«Мы, сообща решили на свой счет открыть у себя в селении Ассака русско-туземную школу, но к нашему сожалению, не имеется у нас ни готового русского дома, ни подходящего места для постройки школы»¹³⁴.

Единственное, о чем просили заявители, это о предоставлении под русско-туземную школу бывшей ассакинской почтовой станции.

Свидетельств о проведении строительно-восстановительных работ в русской части Андижана по инициативе или за счет русских жителей Андижана не обнаружено; как правило, они осуществлялись местной властью¹³⁵.

«Многие, в особенности женщины, спят, не раздеваясь...»

Афтершоки Андижанского землетрясения продолжались практически ежедневно. По мере распространения информации о катастрофическом положении в Андижане паника в Ферганской области лишь увеличивалась. По свидетельству Константина Тимаева, в Маргелане и в Коканде многие жители все ночи после землетрясения проводили в юртах, палатках, арбах, тарантасах... Оставшиеся в домах на ночь не замыкали двери на ключ. Малейший шорох или треск вызывали испуг. Многие теряли самообладание даже при сотрясении пола от шагов проходящего человека или стуке отодвигаемого стула и бросались к выходу из помещения¹³⁶.

Арандаренко докладывал Иванову:

Землетрясение 3 декабря в Андижане и подземные толчки, продолжающиеся и теперь <...> очень встревожили население, в особенности русское. В Ташкенте и в других городах края, ближайших к месту катастрофы, многие, в особенности женщины, спят не раздеваясь, а в ближайших русских селениях крестьяне уложили свое имущество на возы в ожидании повторения землетрясения, но в виду сокращения числа и силы подземных толчков нужно надеяться, что тревога понемногу уляжется и жизнь войдет в свою обычную колею¹³⁷.

16 декабря Иванов, ссылаясь на сообщения Арандаренко, телеграфировал военному министру о новом сильном подземном толчке, в одиннадцать часов ночи с 14 на 15 декабря, который ощущался и в Ташкенте¹³⁸.

7 января Арандаренко сообщал Иванову о новом землетрясении, произошедшем в ночь с 6 на 7 января. Оно «выразилось трещинами в домах Узгена, отстоящего от Андижана на восток около 90 верст; жители в предосторожности покинули сакли, устраиваются в шалашах, вообще, подземные толчки в Андижане, иногда сильные с гулом, продолжаются ежедневно»¹³⁹.

В феврале наиболее сильные толчки имели место в Андижане 6-го и 7-го числа, между 10 ч. вечера и 5 ч. 45 м. утра. От первого толчка паровоз был отброшен с рельс в сторону от полотна.

Очень сильным был удар стихии в марте 1903 года. 16 марта Иванов сообщал военному министру:

15 марта сильным подземным ударом разрушило много построек Аимской волости Андижанского уезда*, убито четверо детей, 300 голов скота. Генерал Арандаренко выехал в Андижан. Аимская волость расположена в 50 верстах к востоку от Андижана. Отголосок землетрясения замечен был в Ташкенте¹⁴⁰.

Из-за продолжавшейся сейсмической активности часть железнодорожных вагонов, в которых были размещены войсковые подразделения, чиновники и русские жители разрушенного Андижана, оставались на железнодорожной станции до 1 августа. Право использования части подвижного состава было оставлено за Арандаренко¹⁴¹.

Ежемесячные колебания почвы продолжались до осени. 2 сентября Иванов докладывал Куропаткину:

* Ныне – на территории Андижанской области Узбекистана.

..Сильный толчок ощущался в ночь с 7 на 8 июля; затем были значительные колебания почвы 24 и 28 июля, и наконец 9 августа, в 2 часа пополудни, было сотрясение почвы, равное по силе бывшим 14 декабря прошлого года и 15 марта сего года <...>. К счастью, все эти колебания почвы не причинили никаких повреждений вновь выстроенным в городе Андижане и его окрестностях зданиям¹⁴².

Докладывал Иванов Куропаткину и о сильных толчках 15 и 18 сентября:

...18 сего сентября в г. Намангане ощущалось довольно сильное колебание почвы. Значительный вертикальный подземный толчок, немало напугавший местных жителей, был 15-го числа этого месяца в 3 часа 56 минут полуночи в г. Ташкенте; толчку этому предшествовал сильный гул, после чего все задрезжалось и застучало; волнообразных колебаний не замечалось, зато явственно ощущалось подбрасывание, из чего можно заключить, что эпицентр должен быть где-нибудь очень близко от Ташкента¹⁴³.

К лету 1903 года были отстроены новые хлопкоочистительные заводы, Андижанский уезд снова стал играть важную роль в выращивании и торговле хлопком. Площади хлопковых посевов 1903 года составили 149 тысяч 736 десятин, что было на 8 тысяч 819 десятин больше, чем в 1902 году¹⁴⁴.

Через несколько лет Андижан полностью восстановился, снова став одним из главных торгово-промышленных центров Ферганской области. Население Андижана приближалось к 80 тысячам человек: всего числилось жителей 76367 (из них 2840 русских), домов 7795 (в русской части около 150), церквей и часовен – 2, мечетей – 236, учебных заведений – 84, в том числе городское училище и русско-туземная школа¹⁴⁵. В Ферганскую область в 1903 году стали вновь массово переселяться крестьяне из центральных областей Российской империи.

Приказом от 21 июня 1903 года Главного управления Российского Общества Красного Креста военному губернатору Ферганской области генерал-майору Арандаренко предоставлено право ношения знака Красного Креста за деятельность по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения жителям города Андижана и его уезда¹⁴⁶.

Андижанское землетрясение 1902 года явилось индикатором проблем, существовавших в русском Туркестане. Было бы неверно оценивать действия русской губернской администрации только положительно, как это в основном транслировалось официальными кругами, либо только отрицательно. Однако заслуга туркестанских чиновников и командированных в Андижан сотрудников Главного управления Общества Красного Креста, геологов, инженеров заключалась в успешном преодолении последствий землетрясения 1902 года, в четко и слаженно проведенных восстановительных работах, в предотвращении межэтнического и религиозного противостояния русской и туземной части Андижана.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Джанузаков К.Дж., Омуралиев М., Омуралиева А., Ильясов Б.И., Гребенникова В.В. Сильные землетрясения Тянь-Шаня (в пределах территории Кыргызстана и прилегающих районов стран Центральной Азии). – Бишкек: Илим, 2003.
- ² См.: Камчыбеков М.П., Егембердиева К.А., Чаримов Т.А., Камчыбеков Ы.П. Макросейсмическое обследование канского землетрясения // Вестник Института сейсмологии Национальной академии наук Киргизской Республики. 2013. № 1 (1). С. 40–49.
- ³ См. трактат Сайида Мухаммад Тахир ибн Абу-л-Касима «'Аджа'иб ат-табакат» («Чудеса разрядов <земли>»), составленный в правление аштарханида Надир-Мухаммад-хана (1642–1645).
- ⁴ См.: Омуралиева А. Исторические землетрясения с $K \geq 13.6$ в пределах Баткенской области и прилегающих территорий: их возможные параметры сейсмических воздействий // Вестник Института сейсмологии Национальной академии наук Киргизской Республики. 2021. № 2 (18). С. 91–105.
- ⁵ См.: Terrible Earthquake in Turkestan // Manawatu Standard. Vol. XL. Iss. 7454. 20 Nov. 1902. P. 2.
- ⁶ <Б.а.> Андижанская катастрофа // Нива. 1903. № 2. С. 35.
- ⁷ См.: Чернышев Ф., Бронников М., Вебер В., Фаас А. Андижанское землетрясение 3/16 декабря 1902 года. (Труды Геологического комитета; Новая серия; Вып. 54). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. 6.
- ⁸ См.: Андижанская катастрофа... С. 36–37.
- ⁹ См.: Мелик-Саркисян С.А. Ферганское землетрясение 3-го декабря 1902 года. – М.: Типолит. т-ва «И.Н. Кушнерев и К°», 1903. С. 10. Сергей Аветисович Мелик-Саркисян – правительственный агроном Ставропольской губернии, автор книг по сельскому хозяйству в Ставрополье, в Средней Азии и на Кавказе.
- ¹⁰ См.: Тимаев К.А. Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 6. С. 175.
- ¹¹ См.: Андижанская катастрофа // Нива. 1903. № 2. С. 37.
- ¹² Там же. С. 36.
- ¹³ Там же. С. 37.
- ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 23–25.
- ¹⁵ См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова. 1906. Т. 3. С. 493.
- ¹⁶ Там же. С. 489.
- ¹⁷ См.: Чернышев Ф., Бронников М., Вебер В., Фаас А. Андижанское землетрясение 3/16 декабря 1902 года. – СПб.: Геол. ком. 1910. С. 5–6.
- ¹⁸ Тимаев К.А. Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 6. С. 166.
- ¹⁹ Там же. С. 166–167.
- ²⁰ Под термином «русское население» подразумеваются не только этнические русские, но всё многонацио-
нальное население Российской империи, переселявшееся в Туркестан.
- ²¹ См.: Землетрясение в Андижане // Нива. 1902. № 51. С. 1024.
- ²² См.: Чернышев Ф., Бронников М., Вебер В., Фаас А. Указ. соч. С. 8.
- ²³ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. – СПб.: Типолитография В.В. Комарова. 1906. Т. 3. С. 491.
- ²⁴ <Б.а.> Землетрясение в Андижане // Нива. 1902. № 51. С. 1028.
- ²⁵ <Б.а.> Андижанская катастрофа... С. 37.
- ²⁶ Там же. С. 179.
- ²⁷ Тимаев К.А. Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 6. С. 173.
- ²⁸ Там же. С. 178.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 9.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 4.
- ³¹ Там же. Л. 6–6 об.
- ³² Землетрясение в Андижане... С. 1026.
- ³³ Тимаев К.А. Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 6. С. 176–177.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 113–113 об.
- ³⁵ См.: <Б.а.> Андижанская катастрофа... С. 38.
- ³⁶ См.: Терентьев М.А. Указ. соч. С. 491.
- ³⁷ Там же. С. 490.
- ³⁸ См.: Мелик-Саркисян С.А. Указ. соч. С. 21–22.
- ³⁹ См.: Earthquake in Turkestan kills over two thousand // Mercury-Register. 23 Dec. 1902. Vol. XLI. N. 132. P. 4.
- ⁴⁰ См.: Earthquake kills 4,000. Appalling Catastrophe at Andijan in Russian Turkestan // The New York Times. 24 Dec. 1902. Vol. 52. Iss. 16526. P. 8.
- ⁴¹ См.: Turkestan Earthquakes // The Sunday Times. 28 Dec. 1902. N. 200. P. 1.
- ⁴² См.: Новое время. 21 января 1903 г. № 9656.
- ⁴³ См.: Терентьев М.А. Указ. соч. С. 496.
- ⁴⁴ Тимаев К.А. Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 6. С. 167–168.
- ⁴⁵ Там же. С. 163.
- ⁴⁶ Тимаев К.А. Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 7. С. 29–30.
- ⁴⁷ Терентьев М.А. Указ. соч. С. 490.
- ⁴⁸ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент: Изд. А.Л. Кирснера, 1913. С. 103. Сообщение об этом отсутствует в других источниках.
- ⁴⁹ <Б.а.> Андижанская катастрофа... С. 39.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 12–13.
- ⁵¹ Там же. Л. 23–25.
- ⁵² Национальный архив Республики Узбекистан (далее – НА РУз). Ф. 1. Д. 13. Л. 1 об. Об этом сообщала русская и иностранная пресса: Czar Sends Aid to Sufferers // The New York Times 1902-12-24: Vol. 52 Iss 16526. P. 8.

- ⁵³ Там же, С. 491.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 39–39 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 68–68 об.; Надпись на докладе: «Высочайше повелено исполнить как предположено. 11 декабря 1902 года. Генерал-Адъютант Куропаткин».
- ⁵⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 46–47.
- ⁵⁷ Там же. Л. 48–51. Отметка на копии телеграмм: «Его Величество изволил читать. 12 декабря 1902 года. Генерал-Адъютант Куропаткин».
- ⁵⁸ Там же. Л. 12.
- ⁵⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 9–10.
- ⁶⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 76.
- ⁶¹ *Тимаев К.А.* Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 7. С. 27–28.
- ⁶² Там же. Л. 14.
- ⁶³ См.: <Б. а.> Землетрясение в Андижане... С. 1025.
- ⁶⁴ НА РУз. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 59.
- ⁶⁵ В 1898–1899 годы в чине штабс-ротмистра Александровский был командирован от Общества Красного Креста в пострадавшие от неурожая губернии Воронежскую, Тамбовскую, Уфимскую и Самарскую для распределения высочайше пожалованных сумм. В 1901 году он организовывал медицинскую помощь в Южно-Маньчжурском отряде в Китае.
- ⁶⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 74–74 об.
- ⁶⁷ См.: *Тимаев К.А.* Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 7. С. 28–29.
- ⁶⁸ См.: *Терентьев М.А.* Указ. соч. С. 492.
- ⁶⁹ Копия с телеграммы генерал-лейтенанта Иванова Военному Министру, из Ташкента, от 31 декабря 1902 года № 920 // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 3.
- ⁷⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 84–84 об.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 85–86. Вдовствующая императрица Мария Федоровна была покровительницей Российского общества Красного Креста.
- ⁷³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 85–86; Л. 89–90.
- ⁷⁴ НА РУз. Ф. 1. Д. 16. Л. 1–5 об.
- ⁷⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 11.
- ⁷⁶ Ведомости Санкт-Петербургского Градоначальства и Столичной полиции. 20 декабря 1902.
- ⁷⁷ <Б.а.> Андижанская катастрофа... С. 38.
- ⁷⁸ *Наливкин В.П.* Цит. соч. С. 105.
- ⁷⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 95.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. На документе генерал-адъютант Куропаткин написал: «Его Величество изволил читать 26 декабря 1902 года». Генерал-лейтенант Владислав Янушковский был в 1897–1903 гг. начальником инженеров Туркестанского военного округа.
- ⁸³ Там же. Л. 96–97.
- ⁸⁴ Там же. Л. 64–64 об. 25 января копия с этой телеграммы была представлена императору и прочитана им на следующий день, о чем свидетельствует надпись на телеграмме Куропаткина.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 137.
- ⁸⁷ Там же. Л. 138. Копии с телеграмм генерал-лейтенанта Иванова были представлены императору 20 марта 1903 г. Там же. Л. 139.
- ⁸⁸ Там же. Л. 115.
- ⁸⁹ Там же. Л. 119.
- ⁹⁰ Там же. Л. 116–117.
- ⁹¹ Копия с телеграммы туркестанского генерал-губернатора военному министру, Ташкент, 4 февраля 1903 года // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 108–108 об.; на телеграмме сделана надпись: «Доложена Его Величеству. Государь император повелел сообщить Министру Финансов. 11 февраля 1903 года. Военный Министр, Генерал-Адъютант Куропаткин».
- ⁹² НА РУз. Ф. 19. Оп. 1. Д. 26575. Л. 3.
- ⁹³ На прошение была наложена резолюция: «Андижанскому уездному начальнику. Если заявлено просителю о том, что завод, разрушенный землетрясением, не был восстановлен и что несмотря на заявление об этом он продолжает получать окладные листы, по коим взыскивается 2% земский сбор с разрушенного завода справедливо, то надлежит удостоверить это, войти в Казенную палату с ходатайством об исключении из оклада одного завода». Там же. Л. 3 об.
- ⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2993. Л. 25.
- ⁹⁵ Там же. Л. 26.
- ⁹⁶ НА РУз. Ф. 1. Д. 12. Оп. 1. Л. 107 об.
- ⁹⁷ Там же, Л. 190 об. Резолюция на прошении: «Прошу Полицейского пристава по проверке выдать удостоверение для представления в Благотворительный комитет».
- ⁹⁸ См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 113–113 об.
- ⁹⁹ Там же. Л. 21. На докладе император написал: «Весьма похвально!».
- ¹⁰⁰ НА РУз. Ф. 1. Д. 16. Л. 96. Л. 5 об.
- ¹⁰¹ НА РУз. Ф. 1. Д. 13. Л. 5 об.
- ¹⁰² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 40.
- ¹⁰³ См.: *Тимаев К.А.* Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 7. С. 31–32.
- ¹⁰⁴ См.: *Каравалева Ю.* Иркутск новогодний. <Б. м.>: Издательские решения, 2018.
- ¹⁰⁵ *Тимаев К.А.* Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 7. С. 31–32.
- ¹⁰⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 111.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 110.
- ¹⁰⁸ *Терентьев М.А.* Указ. соч. С. 492.
- ¹⁰⁹ См.: *Наливкин В.П.* Цит. соч. С. 104.
- ¹¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 126–126 об.
- ¹¹¹ См.: Туркестанские ведомости. № 12. 9 февраля 1903.
- ¹¹² См.: *Тимаев К.А.* Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // Русская мысль. 1903. № 7. С. 31.

- ¹¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 39. На этой телеграмме имеется рукописная пометка синим карандашом: «Исполнить» и поясняющая надпись Куропаткина: «Собственно Его Величества рукою написано "Исполнить". 11 декабря 1902 года. Генерал-адъютант Куропаткин». Ниже он добавил резолюцию: «Надо сначала написать письмо Мин<истерству> госуд<арственным> имуществ».
- ¹¹⁴ См.: *Тимаев К.А.* Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // *Русская мысль*. 1903. № 6. С. 33.
- ¹¹⁵ См.: *Мелик-Саркисян С.А.* Указ. соч. С. 18.
- ¹¹⁶ *Корольков Б.Я.* Верненское землетрясение 23 декабря 1910 года // *Известия Туркестанского отдела Российского Геологического комитета*. 1912. Вып. 8; *Он же.* Каратагское землетрясение 1907 года // *Известия Туркестанского отдела Российского Геологического комитета*. 1913. Вып. 9.
- ¹¹⁷ *Корольков Б.Я.* Бронзовый век // *Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии*. 1906. 11. С. 66–77.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 27–27 об.
- ¹¹⁹ Кроме Андижанского, Бронников позже исследовал также последствия Каратагского землетрясения 1907 г.: *Бронников М.М.* Каратагское землетрясение // *Известия Геологического комитета*. 1908. Вып. 27. № 147. С. 475–515.
- ¹²⁰ См.: *Фаас А.В.* К познанию фауны морских ежей из меловых отложений русского Туркестана // *Труды Геологического комитета*. Вып. 49. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908.
- ¹²¹ С 1920 по 1926 гг. возглавлял Туркестанскую секцию Геологического комитета.
- ¹²² См.: *Чернышев Ф., Бронников М., Вебер В., Фаас А.* Указ. соч. С. 2–3.
- ¹²³ См.: *Наливкин Д.В.* Феодосий Николаевич Чернышев (1856–1914) // *Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники / Под ред. С.И. Вавилова*. В 2 тт. – М., Л.: Гос. изд-во техн.-теоретической лит-ры. 1948. Т. 1.
- ¹²⁴ См.: *Шамсутдинов Р.Т.* История Андижана в документах и материалах (1876–1917 гг.). Andijon: Andijon nashriyot-matbaa OAJ. 2009. Т. 1. С. 65.
- ¹²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 146–146 об.
- ¹²⁶ НА РУз. Ф. 1. Д. 16. Оп. 9. Л. 67.
- ¹²⁷ НА РУз. Ф. 19. Д. 31753. Оп. 1. Л. 3–4.
- ¹²⁸ Там же. Л. 5–5 об.
- ¹²⁹ НА РУз. Ф. 19. Д. 31745. Оп. 1. Л. 1–1 об.
- ¹³⁰ НА РУз. Ф. 19. Д. 31745. Оп. 1. Л. 10–12.
- ¹³¹ НА РУз. Ф. 19. Д. 15726. Оп. 1. Л. 19.
- ¹³² НА РУз. Ф. 19. Д. 15726. Оп. 1. Л. 16 об.
- ¹³³ Там же. Л. 17 об.
- ¹³⁴ НА РУз. Ф. 19. Д. 284. Оп. 6. Л. 11 об.
- ¹³⁵ Например, для восстановления разрушенных землетрясением ограды и сторожки на христианском кладбище Андижана губернская администрация в июле-августе 1903 г. объявила торги на отдачу с подряда этих строительных работ. (НА РУз. Ф. 19. Д. 31744. Оп. 1. Л. 2.)
- ¹³⁶ См.: *Тимаев К.А.* Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 года) // *Русская мысль*. 1903. № 6. С. 162.
- ¹³⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 8 об.
- ¹³⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2991. Л. 76–77. Эта телеграмма была 17 декабря 1902 г. представлена императору, на документе имеется надпись: «Его Величество изволил читать 18 декабря 1902 года. Генерал-адъютант Куропаткин».
- ¹³⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2992. Л. 29. Эти сведения 9 января были сообщены Куропаткину, 10 января последовал доклад императору о состоянии сейсмической активности в Андижане с предоставлением копии телеграммы генерал-лейтенанта Иванова. (Там же. Л. 30–31).
- ¹⁴⁰ РГВИА. Там же. Л. 127. Копия с этой телеграммы была представлена военным министром императору, который ознакомился с ней 19 марта 1903 г. (Там же. Л. 128–129).
- ¹⁴¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2993. Л. 1.
- ¹⁴² Там же. Л. 59.
- ¹⁴³ Там же. Л. 63.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 35, 47. Более полные сведения о состоянии Ферганской области в 1903 году находятся во «Всеподданнейшем отчете Военного губернатора Арандаренко о состоянии Ферганской области за 1902 год и март–июнь 1903 года» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3114.) и в его же отчете о состоянии Ферганской области за 1903 год (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3237).
- ¹⁴⁵ *Семёнов-Тян-Шанский П.П., Масальский В.И.* Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Том 19: Туркестанский край. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена. 1913. С. 731.
- ¹⁴⁶ См. полный послужной список числящегося по армейской пехоте генерал-майора Арандаренко, сост. 18 ноября 1904 года // РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11779.

Александр ДЖУМАЕВ

«...Пользуемся ростовщицеством, пьем вино, злословим, завидуем»

Ранний бухарский период в формировании личности Абдурауфа Фитрата

Биографии выдающегося среднеазиатского просветителя Абдурауфа Фитрата Бухарай (1886/87–1938) ранний период жизни занимает особое место. Он позволяет многое объяснить в его дальнейшей эволюции – как революционера и публициста, ученого с широким кругом интересов и писателя с тонким поэтическим дарованием, соединенным с жестким реалистическим взглядом на мир.

К сожалению, изучение этого периода затруднено отсутствием надежных документальных источников; многие из них, возможно, еще не обнаружены. Среди имеющихся преобладают устные сведения, передававшиеся в бухарских семьях, среди близких людей, родственников и потомков Фитрата, нередко мифологизированные. Этому во многом способствовал сам образ Фитрата, героизированный и неоднозначный.

К традиционным источникам сведений об Абдурауфе Фитрате принадлежат, прежде всего, отдельные антологии бухарских персоязычных поэтов первых десятилетий XX века. Среди них выделяется антология Хаджи Ни‘мат-Аллаха Мухтарама (1880-е годы – 1920) «Жизнеописания поэтов» (*Тазкират аш-шу‘ара*), в которой наряду с биографическими сведениями о поэте приводится и образно-символическая характеристика особенностей его личности и творчества.

Ценные, хотя и краткие и разрозненные, сведения автобиографического характера содержатся в различных сочинениях самого Фитрата, о которых будет сказано ниже. Затем идут труды, воспоминания и свидетельства известных деятелей, связанных с культурой Бухары и историей Бухарской революции, – политиков, писателей, литературоведов, востоковедов, музыкальных этнографов: Файзуллы Ходжаева, Садриддина Айни, Виктора Успенского, Виктора Беляева, Николая Миронова, Муталы (Мутаваккила) Бурханова, Расула Хадизаде, Мухаммаджона Шакури и многих других. Особую ценность представляют устные истории, бытовавшие в старой бухарской семье Бурхановых. Это рассказы композитора Муталы Бурха-

нова, лично знавшего Фитрата¹; его сестры Фатимы Бурхановой, третьей жены Фитрата, и ее дочери – востоковеда-музыковеда и историка культуры Дильбар Рашидовой².

Опираясь на эти материалы, можно в какой-то степени реконструировать ранний период жизни Фитрата и попытаться объяснить формирование некоторых черт его характера, заметно повлиявших и на его личную жизнь, и на научную и творческую деятельность.

Согласно общепринятой дате, фигурирующей в современных изданиях и в официальных документах Фитрата советского времени, он родился в Бухаре в 1304 году Хиджры (то есть в 1886 либо 1887 году³).

О детских годах Абдурауфа, времени, которое он провел в семье, в общении с отцом и матерью, известно немного. Мало сведений и о родителях Фитрата, других членах его семьи. Известно, что отец будущего просветителя, Хаджи Абдурахим, был ростовщиком (*сараф*) и торговцем. Мать, Бибиджан, была бухарского происхождения и родилась приблизительно в 1866 году⁴. Бибиджан («мамушка») не было ее собственным именем; так называли ее в семье⁵. Кроме Фитрата в семье было еще двое детей. Младший брат, Абдурахман Рахимов, в 1918 году вступил в Бухарскую коммунистическую партию и работал наборщиком в типографии Кагана⁶. Сестра Махбуба увлекалась сочинением стихов⁷.

О характере отношений матери и детей в Бухаре того времени мы можем в определенной степени судить по известной работе Фитрата «Семья, или Задачи семейной жизни»⁸. В ней просветитель опирался не только на свои глубокие познания в области мусульманского права (*фикх*) в вопросах семейных отношений, но и, очевидно, на воспоминания о жизни в родительском доме. Фитрат высказывает глубокие мысли о роли матери в воспитании детей:

Известно, что люди <...> первоначальное воспитание получают у своей матери, и точно так же установлено, что первоначальное воспитание считается самым важным; его влияние на расположение духа человека не исчезает [на протяжении жизни]. Мужественный дух человека, особенности его нрава (*ахлак*) и привычек (*адам*) складываются расположением духа в детстве⁹.

Э.А. Каримов сообщил (без указания на источники) еще одну важную деталь, касающуюся отца Фитрата – Абдурахима: «В 1903 г., бросив две свои семьи на произвол судьбы, он почти на 15 лет уехал в Кашгарию. Тяготы воспитания детей полностью легли на мать»¹⁰. А Дильбар Рашидова пишет, что отец Фитрата «уехал в Кашгарию навсегда, оставив здесь две семьи – в Бухаре жену с двумя сыновьями и в Маргелане жену и дочь»¹¹.

В раннем периоде жизни Фитрата следует, по-видимому, искать и объяснение некоторым сложным чертам его характера, которые отмечали современники. «По воспоминаниям мамы, – писала Дильбар Рашидова, – Фитрат в своем отношении к людям самую нежную нежность, с остроумными выдумками и шутками, сочетал с жестокой беспощадностью, вызывавшей к нему неприязнь, не забытой до сих пор многими из тех, кто его знал»¹². Эти черты можно дополнить такими качества-

ми, как отвага, готовность, не раздумывая, защитить друга и единомышленника. В 1936 году Фитрат во время нападков на русского музыкального этнографа Виктора Успенского, с которым у него были дружеские и творческие отношения, буквально набросился на одного из клеветников и угрожал расправиться с ним физически, если он не оставит Успенского в покое¹³.

Каким образом и когда сформировались у Фитрата такие разнородные и противоречивые черты характера, проявившиеся уже в молодые годы?

Некоторые черты его личности, образа жизни и особенности таланта могут быть раскрыты при обращении к раннему письменному свидетельству, сохраненному в упомянутой антологии персоязычных поэтов Бухары «Тазкират аш-шу'ара» Хаджи Ни'мат-Аллаха Мухтарама, составленной в 1908 году¹⁴. Автор выполнял обязанности чиновника администрации при дворе амира Абд ал-Ахад-хана и одновременно принадлежал к кругу бухарских поэтов и литераторов. Сведения из антологии, касающиеся Фитрата, уже приводились исследователями, однако углубленную интерпретацию пока не получили; не переводились они и на русский язык¹⁵.

Мухтарам приводит краткие сведения о поэте, с утонченно-витиеватой, в стиле той эпохи, характеристикой его дарования, и одну его газель на персидском языке¹⁶. Будущий просветитель здесь фигурирует под своим ранним – фактически первым – поэтическим псевдонимом (*тахаллусом*) – Миджмар. «Миджмар» на арабском буквально – курильница, жаровня, предназначенная для возжигания благовоний¹⁷. Этот тахаллус поэта сохраняется до 1909 года, когда вышло в свет его прозаическое сочинение «Муназара» («Спор»)¹⁸, в котором появляется уже новый тахаллус – Фитрат.

Вот текст о Миджмаре (за исключением приведенной газели) из антологии Мухтарама:

Миджмар. *Тахаллус* сжигающего алоэ ('уд) в месте сборища <слушателей> прекрасных повествований и воспламеняющей курильницы на собрании (*маджлис*) красноречивых; рассказчика – конкурента рассказчиков <среди> менял (*сарраф*), – Хаджи Мулла 'Абд ар-Рауфа, сына Хаджи 'Абд ар-Рахима *саррафа*, чей зажигающий луч таланта подобен курильнице на пирушке опьяненных (*базм-и маст'ан*), блестящий от его весьма сладких речений (*галу суз*) <и> надменности его жестких аллегорий. Он признан народом (*халк*), коренной бухарец по рождению (*как-и Бухари*) и приобретению пронизательного (*нукта сандж*) <и> утонченного. В настоящее время он по большей части <проявляет> усердие в приобретении пользы от <...> изучения <книги> «'Акаид». Несмотря на <молодость>, совершенство его речений велико. Эти стихи возжигающих руту (*сипанд миджмаран*) <принадлежат ему>¹⁹.

В приведенном тексте можно обнаружить несколько важных биографических деталей:

- упомянут отец Миджмара (Фитрата) – Хаджи 'Абд ар-Рахим *сарраф*;
- у поэта имелась почетная приставка к имени – *Хаджи*, которая указывает, что ко времени составления антологии Мухтарама в 1908 году Миджмар уже совершил хадж;
- изучение Миджмаром книги «'Акаид», о которой будет сказано ниже, говорит о том, что в это время он еще обучался в медресе;

– участие Миджмара как поэта в маджлисах и пирушках Бухары свидетельствует о его известности и популярности в кругах ценителей поэзии, что подтверждается и общим выводом Мухтарама («Он признан народом»).

Фитрат, как и многие его сверстники, начинал свой творческий путь со стихотворных опытов. Вопреки плачевному экономическому и социально-политическому состоянию, Бухара того времени переживала небывалый расцвет поэзии. В городе трудно было найти образованного человека, который бы не сочинял стихов. Их сочиняли и представители знати и аристократии, правящей элиты, начиная с самого эмира и его сановников, и ремесленники самых разных профессий, и студенты-муллабача. Об удачных стихах, сочиненных каким-нибудь неизвестным студентом медресе, могли тут же узнать поэты высокого социального ранга, вплоть до самого эмира (о чем мы знаем, например, из воспоминаний Садриддина Айни)²⁰. Эмир выступал главным ценителем и критиком поэзии и творчества поэтов. Этот расцвет отразился в составлении более десяти антологий поэтов Бухары и ее окрестностей²¹.

Среди перечисленных характеристик Миджмара (Фитрата) особого внимания заслуживает «надменность его жестких аллегорий» (*дамаг-и амсалаш хушк*). Она более других соответствует тем чертам характера Абдурауфа, которые известны по воспоминаниям современников. Но откуда она могла появиться? Одно из возможных объяснений следует искать, на мой взгляд, в противоречиях между воззрениями сына и отца, возникших, вероятно, уже в ранние годы Абдурауфа. Со временем эти противоречия переросли в серьезные расхождения идейного порядка, поскольку отношение к профессии ростовщика в мусульманской среде было, как правило, негативным.

Был ли отец Фитрата Абдурахимбай состоятельным *саррафом*-ростовщиком или же следует придерживаться существующей точки зрения, что он был «мелким торговцем», принадлежал к небогатым предпринимателям?

В литературе советского времени высказывалось мнение, что отец Фитрата был «мелким торговцем» или «небогатым купцом»²². Впервые это мнение было озвучено, по-видимому, Файзуллой Ходжаевым в книге «К истории революции в Бухаре» (*Бухоро инқилобининг тарихига материаллар*). В главе «Структура и цель джадидской организации» Ходжаев дает краткую характеристику отдельным джадидам, среди которых упоминается и Фитрат: «Фитрат – студент (*толиби илм*), поэт (*шоир*), сын незначительного городского торговца (*унча катта бўлмаган шаҳар савдогарининг ўғли*)»²³. Не исключено, что тем самым Файзулла Ходжаев рассчитывал уберечь своего соратника и идейного наставника от возможных обвинений в «буржуазном происхождении» в будущем.

Ввиду важности вопроса о занятии ростовщичеством в связи с реконструкцией биографии Фитрата, остановимся на нем более подробно.

Проблема ростовщичества заметно актуализируется в среде мусульман-интеллектуалов Российской империи в начале XX века. Ростовщичество в это время воспринимается как яркий признак «европейского мира», новой экономической формации, как инструмент подавления свободы мусульман, а в революционном

лексиконе той эпохи – колониализма. Этими соображениями можно объяснить появление большого числа сочинений, посвященных *закяту*, одному из основных социально-экономических предписаний ислама, – своеобразной исламской альтернативе ростовщичеству. Многие из этих сочинений написаны в Туркестане и Бухаре, они сохранились в рукописях и литографических изданиях. Кроме специальных трудов на эту тему вопрос о *закяте* присутствует в разной степени в сочинениях среднеазиатских теологов общего характера²⁴.

Общественное мнение просвещенных туркестанцев разделилось на сторонников и противников банковской системы; последние считали ее аналогичной ростовщичеству. Этой теме был посвящен ряд материалов в теологическом журнале «Ал-Ислах», начиная с 1915 года – первого года его издания²⁵. Полемика в среде мусульман привлекла внимание Туркестанского Районного Охранного отделения, инициировавшего переписку по этому вопросу²⁶. Для разъяснения ситуации обратились к известному эксперту по проблемам мусульманства Н.П. Остроумову. В ответном письме от 1 апреля 1916 года Остроумов отметил, что «указанная статья имеет серьезное значение для администрации края», и рекомендовал исследовать ее с привлечением специалистов и «при обязательном участии ученого туземца /муфтия или шакирда старшего класса мадрессы/»²⁷. В десятом номере «Ал-Ислах» был приведен *ривайат* (одна из версий хадиса) и заключение о правомерности для мусульман пользоваться услугами банков²⁸.

Тем не менее, в старой Бухаре, как и в остальном исламском мире, ростовщичество продолжало считаться символом жульничества и наживы. Критике образа жизни и «философии» ростовщика была посвящена повесть Садриддина Айни «Смерть ростовщика»²⁹; тема эта отразилась и в других его сочинениях, в том числе поэтических³⁰.

Необходимо, однако, сделать оговорку: наименование *сарраф* не означало, что его носитель был ростовщиком в основном значении этого слова – человеком, предоставляющим ссуды под проценты. Были среди них и обычные менялы, проводившие в Бухаре обмен разной иностранной валюты и местных денег; обеспечивавшие получение денег за пределами Бухары (во время путешествия, хаджа, торговых дел).

Согласно выводу крупного знатока Бухары и ее ремесел Ольги Сухаревой:

Ростовщический капитал занимал в Бухаре во второй половине XIX – начале XX вв. господствующее положение. Даже капиталы, ввозимые в Бухару русскими банками, проходили через руки ростовщиков, взимавших за раздаваемые ими более мелкие ссуды высокий ростовщический процент³¹.

О том, что в Самарканде и Бухаре было немало ростовщиков, свидетельствует и местная топонимика. Как отмечала другая выдающаяся исследовательница истории среднеазиатских городов Розия Мукминова:

О значительной роли саррафов в общественно-экономической жизни Бухары, особенно после того, как она стала столицей государства, говорит наличие в городе торгового перекрестка Чахарсуки саррафан, построенного во второй половине XVI века (он располагался на улице Сар-

рафан, за пределами крепостной стены), караван-сарая Саррафан, улицы Мечети Сарраф-хана, моста менял Пул-и Саррафан, бани Саррафан, сконцентрированных в одном месте, в центре города, недалеко от торгового пассажа Заргаран, построенного при Абдулла-хане II. Здесь же в квартале Саррафан проживали и сами саррафы. «Дом саррафов» – Сарраф-хана – упоминается в произведении Бадриддина Кашмири. Дом этот, как отмечается в одной из грамот, был «известен и знаменит». Через купцов, путешествующих с торговыми караванами, саррафы поддерживали связь со своими представителями в других городах³².

Профессионально ростовщичеством и обменом валюты в Бухаре занимались индусы. Описание этой профессии содержится в популярной в Средней Азии энциклопедии «Восход наук и собрание ремесел» (*Матла' ал-'улум ва маджма' ал-фунун*) Ваджида Али-хана (1846)³³.

Кроме индусов этим делом в Бухаре занимались во множестве и мусульмане. Они обычно предоставляли ссуды под будущий урожай, кредитами под 40, 60, 100 и даже 200 процентов доводя земледельцев до полного обнищания, в особенности в хлопкосеющих районах Ферганской долины³⁴.

Разумеется, для Фитрата, обладавшего острым аналитическим умом и критическим взглядом на положение в крае, эта ситуация не была секретом. Был он в курсе и происходящих теологических споров по данному вопросу. Все это принималось им в расчет при определении собственной позиции по этой проблеме. Отметим, что уже в «Споре» (*Муназара*), рассматривая структуру бухарского общества, Фитрат выделил в нем «группу ростовщиков» (*зурухи сарраф*)³⁵.

Однако если в «Муназаре» Фитрат еще не высказывает своего негативного отношения к ростовщичеству, то в другом сочинении – «Путеводитель спасения» (*Рахбар-и наджат*, опубликовано в 1915 году) – он его уже не скрывает. Фитрат пишет, что хотя мы себя считаем совершенными мусульманами (*мусулмони комил*), но допускаем много различных нарушений и искажений ислама: «пользуемся ростовщичеством (*рибо мехурем*), пьем вино, злословим, завидуем»³⁶.

Позже, став составителем «Проекта реформы в Бухаре Комитета младобухарцев» (1917), Фитрат фактически осудил распространенную в Бухаре и Туркестане практику кредитования, которая находилась в руках ростовщиков – индусов и мусульман: «Разорение дехкан благодаря обычаям ростовщичества всем известно». И далее:

Нужно изыскать средства, необходимые для землеробов. Только при этом условии можно будет воспретить ростовщичество. Для этого необходимо открыть в Бухаре земельный банк. Во всех вилайетах этот банк должен иметь свои отделения. Ежегодно банк должен отпускать дехканам необходимые им для обработки их земель средства за небольшой процент – 2-3 рубля в год. Необходимые средства дехкане будут получать в этом банке. *После этого индийское и мусульманское ростовщичество должно быть запрещено* (курсив мой – А. Дж.)³⁷.

Хорошее знание проблемы ростовщичества в Бухаре и Туркестане позволило Фитрату уже в советское время создать впечатляющий образ ростовщика Мансур-бая в пьесе «Арслан» (1926), показать, как тот грабит бедняков³⁸.

Очевидно, что это негативное отношение к ростовщичеству оказывалось в явном противоречии с «семейным бизнесом» семьи Фитрата. Оно может свидетель-

ствовать о наличии сложностей в его отношениях с отцом, чей способ добывания денег Фитрат осуждал, о возможном его разрыве на определенном этапе если не с отцом, то с его жизненными принципами. Ситуация достаточно типичная для начинающего революционера, и мы видим много подобных примеров в международном и российском революционном движении и даже в мусульманской среде. Однако гипотеза об идейных расхождениях сына и отца требует дополнительного подкрепления существенными доводами.

О материальном положении самого Фитрата в ранние годы его жизни мнения исследователей расходятся. Одни исследователи подчеркивают его зависимость от помощи различных лиц, в том числе просветителя и поэта Мирзо Абдулвохида Мунзима Бухари (1877–1934), издавшего на свои средства книги Фитрата «Путеводитель спасения» (1915) и «Семья» (1916)³⁹. Сообщается также, что материальную помощь Фитрату во время его учебы в Турции оказывал младший брат Абдурахман, а сам Фитрат, чтобы добраться до Стамбула, даже нанялся грузчиком на грузовую торговую баржу⁴⁰. Однако эти данные не подкреплены документальными свидетельствами.

С другой стороны, отдельные события в жизни молодого Фитрата свидетельствуют, что он был вполне материально обеспеченным человеком и, по-видимому, пользовался накоплениями своего отца. Так, на собственные средства он издал в Стамбуле в 1909 году свой первый труд, упоминавшийся выше, – «Спор»⁴¹, а через два года – сборник стихов «Сайха» («Призыв»)⁴²; позже, возможно, и другие свои сочинения.

Примечательно, что сам Фитрат на допросе в НКВД от 25 октября 1937 года назвал себя «выходцем из среды крупной торговой буржуазии Бухары»⁴³. Вряд ли можно предполагать, что он пошел на самооговор и умышленное преувеличение, чтобы усугубить свое и без того тяжелое положение. Скорее всего, эти сведения были уже достаточно хорошо известны и органам НКВД, и в бухарском окружении Фитрата, так что не имело смысла их скрывать.

Таким образом, в ранний период своей жизни в кругу семьи (и в определенной степени – в дальнейшем) Фитрат был достаточно обеспеченным человеком. Это позволило ему не только получить хорошее образование (закончить старый мактаб, медресе Мир-и Араб в Бухаре, обучаться в Стамбуле), но и плодотворно заниматься самообразованием, приобретать для этого необходимые рукописи, в том числе достаточно дорогие, издавать за собственный счет отдельные свои сочинения.

Значительное влияние на формирование личности Фитрата оказали и обучение в медресе Мир-и Араб, и круг его общения в эти годы, до отъезда в Стамбул.

У нас нет полного представления о круге чтения Фитрата – студента медресе. Очевидно, что он, как и другие студенты, полностью освоил традиционный набор обязательной литературы. Об этом мы можем судить по тому детальному обзору учебной литературы медресе, который Фитрат дает в «Споре». Хаджи Ни‘мат-Аллах Мухтарам также пишет, что Фитрат изучал в медресе «Догматы» (*Акаид*)⁴⁴. «Догматы», или «Догматы ан-Насафи» (*Акаид ан-Насафи*) – краткое изложение основ мусульманского вероучения на арабском языке – сочинение законоведа ха-

нафитского толка Наджм ад-Дина Абу Хафса Умара ан-Насафи (ум. в 1142 году)⁴⁵. Оно было обязательным для изучения студентами медресе и пользовалось огромной популярностью. На него, как и на другие канонические труды, писались специальные комментарии (*шарх*). Но именно традиция писать комментарии на комментарии и штудировать их была высмеяна Фитратом в «Муназаре» как крайне консервативное явление, – одна из причин деградации образования и состояния образованного общества в Бухаре. Очевидно, что Фитрат в этом опирался и на собственный большой опыт изучения канонической литературы по фикху, знатком которой он являлся.

На формирование критических взглядов и мировоззрения Фитрата значительное влияние оказали и сочинения таджикского просветителя и философа Ахмада Даниша (Дониша) (1826–1897). С ними Фитрат мог познакомиться в Бухаре уже в молодости, в особенности в период обучения в медресе Мир-и Араб, до поездки в Стамбул. Известно, что благодаря содействию своего друга Абдулвахида Мунзима Фитрат в это время прочитал сочинение Ахмада Даниша «Редчайшие происшествия» (*Навадир ал-вакаи*)⁴⁶. Этот труд, состоящий из нескольких трактатов, был написан философом в 1875–1881 годах и получил распространение среди просвещенного общества Бухары и за ее пределами. Жесткая критика Фитратом современной ему бухарской действительности (в «Споре», «Записках индийского путешественника» и других сочинениях) воспринимается как продолжение социально-критической линии, начатой Данишем. Такая критика содержится и в сочинении Даниша об истории мангитской династии, в особенности периода правления эмира Музаффар-хана (1860–1885)⁴⁷.

Кроме того, на формирование некоторых черт личности Абдурауфа Фитрата и присущей его творчеству раннего периода остро критической и сатирической направленности могли оказать влияние и труды европейских вольнодумцев и мыслителей (в особенности французских), с которыми он мог познакомиться еще в Бухаре по доступным изданиям в переводах на турецкий и другие языки, а затем продолжил их изучение непосредственно в Турции.

Однако для целостного понимания процесса формирования личности Фитрата и его взглядов необходимо расширить изучение различных причин и факторов, включая историко-политический контекст той эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отдельные короткие рассказы и высказывания Муталия Бурханова о Фитрате были записаны автором этих строк во второй половине 1990-х годов во время бесед с композитором (хранятся в архиве автора). Некоторые рассказы М. Бурханов включил в свои воспоминания, опубликованные в сокращенном виде в Бухаре (см.: *Бурханов Мутал. Кўнгил хазинаси (Бурхоннома)*. – Бухоро: «Бухоро» нашриёти, 1998). Сохранилась и полная, неопубликованная версия воспоминаний М. Бурханова в машинописной копии, один экземпляр которых он подарил автору этих строк.

² Воспоминания Дильбар Рашидовой, основанные на рассказах ее матери, содержат интересные подроб-

ности и детали, связанные с личной жизнью Фитрата. В полном виде воспоминания опубликованы в: *Рашидова Д. Профессор Фитрат в нашей семье // Памир*. 2011. С. 101–123.

³ Нам не удалось обнаружить в доступных источниках и исследованиях число и месяц рождения Фитрата. По этой причине год его рождения по Хиджре, охватывающий часть 1886-го и часть 1887-го годов, обозначен двумя годами. Обычно в научной литературе указывается только один год – 1886. Другая дата рождения Фитрата следует из сочинения «История, обильная датами» (*Тарих-и касира*) Салими. В ней сообщается, что Фитрат после завершения изучения обязатель-

ных наук в Бухаре в 1327 г. Х. (1909 г.) в возрасте 25 лет отправился для продолжения учебы в Стамбул (Мухаммад-Салим б. Мухаммад-Рахим Бухари Салими (1850/1851–1930). Тарих-и касира. – Бар хашийа: Тазкират ал-асхаб. – Ташкент: Литография Гулам Хасан Арифджанова, 1914. С. 329–330). Вычтя 25 из 1909, мы получаем иную дату рождения – 1884 год. Учитывая, что Салими составил свое сочинение в Бухаре и мог пользоваться данными, полученными если не от самого Фитрата, то от близких ему людей, эта дата также заслуживает внимания.

⁴ См.: Қосимов Б. Маслакдошлар. Беҳбудий, Ажзий, Фитрат. – Ташкент: Шарк, 1994. С. 71.

⁵ См.: Рашидова Д. Указ. соч. С. 107.

⁶ См.: Каримов Э.А. Развитие реализма в узбекской литературе. – Ташкент: Фан, 1975. С. 93; Гулмуродзода П. Ибрати аҳли хунар // Абдурауфи Фитрат. Оила ё худ вазоифи хонадори. – Душанбе: Ирфон, 2007. С. 3.

⁷ См.: Каримов Н. Фитратнинг синглиси (Ёдном) // Ўзбекистон адабиёти ва санъати, № 5 (4040), 29 январь 2010. С. 3.

⁸ Абд ар-Рауф Фитрат. Аила йа худ вазоиф-и ханадари. Нашир ва сахиб-и имтиязаш: Мирза Абд ал-Вахид Муназим. – Баку: Дар матба'а-йи «Мактаб» таб'-и гардид, 1916.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Каримов Э.А. Развитие реализма... С. 92.

¹¹ Рашидова Д. Указ. соч. С. 115, 118. Сам по себе отъезд в Кашгар в ту эпоху был обыденным делом. Коммерсанты нередко вели свои торговые дела в обоих городах – Бухаре и Кашгаре. Немало бухарцев, занимаясь делами в Кашгаре, возвращались время от времени в Бухару. Например, в нашем распоряжении имеется датированное началом XX века письмо одного делового человека из Кашгара в Бухару, в котором он сообщает о приобретении недвижимости в Кашгаре, чтобы обеспечить своих детей на будущее. Далее он извещает, что, завершив свои дела в Кашгаре, придет в Бухару, чтобы совершить зийрат к могиле Баха ад-Дина Накшбанда (личный архив автора).

¹² Рашидова Д. Там же. С. 107.

¹³ См. об этой истории в нашей статье: Джумаев А.Б. Открывая «черный ящик» прошлого // Музыкальная Академия. 2000, № 1.

¹⁴ Датировка этой антологии принципиально важна при определении некоторых событий раннего периода жизни и творчества Фитрата; она влияет на точность изложения его биографии. О времени завершения своей антологии в 1326 году Хиджры (1908 г.) дважды упоминает сам автор, Хаджи Ни'мат Аллах Мухтарам (Хочи Неъматуллои Мухтарам. Тазкират-уш-шу'аро. Бо тасхех ва муқаддимаи Асгар Чонфидо. Зери назар ва бо дебочаи Камол Айни. – Душанбе: Дониш, 1976. С. 14, 236). Более ранняя дата написания – 1903–1904 гг. – была предложена Р. Хадизаде в книге «Источники к изучению таджикской литературы второй половины XIX в.» (Сталинабад, 1954), она в основном и закрепилась в научной литературе (см.: Қосимов Б. Аллома адиб // Фитрат. Чин севиш. Шеърлар, драмалар, мақолалар. Тўплаб нашрга тайёрлов-

чилар: Н. Каримов, Э. Каримов, Ш. Турдиев. – Ташкент: Фафур Гулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1996. С. 6; Шарипов Р. Туркистон жадидчилик ҳаракати тарихидан. – Ташкент: Укитувчи, 2002. С. 83). Однако эта дата была оспорена издателем антологии Асгаром Джанфида, который вернулся к авторской датировке – 1908 г. (Хочи Неъматуллои Мухтарам. Тазкират-уш-шу'аро. С. Ҷ и Ҷ)

¹⁵ См.: Қосимов Б. Аллома адиб... С. 6; Гулмуродзода П. Ибрати аҳли хунар ... С. 5.

¹⁶ См.: Хочи Неъматуллои Мухтарам. Тазкират-уш-шу'аро... С. 319.

¹⁷ Миджмар использовался и для возжигания сипанда, или испанда (исрыка, руты) – растения, широко применявшегося в бытовых и лечебных целях жителями позднесредневековой Бухары. Об этом говорится и у Мухтарамы: «возжигающие руту» (сипанд миджмаран).

¹⁸ Полное название – «Спор бухарского преподавателя медресе (мударриса) с одним европейцем в Индии по поводу новометодных школ». См.: Фитрат. Муназара-йи мударрис-и Бухараи ба йак нафар-и фаранги дар Хиндустан дар бара-йи макатиб-и джадида. Таб'-и аввал. Асар-и Фитрат Бухараи. Аз тараф-и сахиб-и асар нашр хахад шуд. – Стамбул: Матбу'а-йи Исламийя, Хикмат, 1327/1909.

¹⁹ Хочи Неъматуллои Мухтарам. Тазкират-уш-шу'аро... С. 319.

²⁰ Айни Садриддин. Воспоминания / Перевод с таджикского Анны Розенфельд. Издание подготовили А. Розенфельд, А.А. Семенов, Н.А. Кисляков, А.Н. Болдырев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 219, 282–284, 316–317, 393, 395, 396, 397–399, 401–402, 414–415 и др.

²¹ Маниязов А., Сатторов А. Литературоведение // Таджикская Советская Социалистическая Республика. [Энциклопедический однотомник]. / Гл. редактор М. Асимов. – Душанбе: Главная научная редакция Таджикской советской энциклопедии, 1984. С. 296.

²² См., например: Каримов Э.А. Развитие реализма... С. 92.

²³ Хужаиф Файзулло. Бухоро инқилобининг тарихига материаллар. – Самарканд-Тошкент: Ўзбекистон давлат нашриёти, 1926. С. 19.

²⁴ См.: Батыркаев Т.О. Закат // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Том II. / Составитель и отв. редактор С.М. Прозоров. – М.: Восточная литература, 2018. С. 166.

²⁵ Большой интерес представляет публикация в форме вопросов и ответов редакции журнала. См.: Бонка хусусандаги саволларга жавоб // Ал-Ислах. – Ташкент: Литография О.А. Порцева, 1334/1916 г., второй год издания, № 4. С. 110–118.

²⁶ См.: Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз). Ф. И–461. Л. 8–16.

²⁷ См.: НА РУз. Ф. И–461. Л. 8–8 об. Здесь, как и в других аналогичных случаях, мной сохранено правописание архивного документа.

²⁸ Бонка муомаласининг жавозина ривоят // Ал-Ислах. – Ташкент: Литография О.А. Порцева, 1334/1916 г., второй год издания, № 10. С. 300–304.

- ²⁹ *Айни Садриддин*. Смерть ростовщика (в новой дополненной редакции). Перевод с таджикского О. Сухаревой. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957.
- ³⁰ См., например, в его газели: *Айни Садриддин*. Воспоминания... С. 914.
- ³¹ *Сухарева О.А.* К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). – Ташкент: Издательство АН УзССР, 1958. С. 107.
- ³² *Мукминова Р.Г.* Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV–XVI вв. – Ташкент: Фан, 1985. С. 119–120. К этому списку объектов, связанных с деятельностью *саррафов* в Бухаре, можно добавить «базар *саррафов* Бухары» (*базар-и саррафан-и Бухара*), упомянутый в жизнеописании Шейха Баха ад-Дина Накшбанд (ум. в 1389 г.), составленном в начале XV века (*Мухаммад Бакир бин Мухаммад Али*. Макама-и Хазрат Ходжа Накшбанд. / Издал книго-торговец Мулла Султан б. Мулла Сабир Бухари. – Бухара, 1327/1909. С. 29).
- ³³ *Ваджид Али-хан*. Матла'ал-улум ва маджма' алфунун. – Лакхнау: Навал Кишор, 1326/1908. С. 348–351.
- ³⁴ См.: «О причинах развития в Фергане культуры хлопка» // Туркестанское Сельское Хозяйство. – Ташкент, 1909, № 2. С. 109–112; *Хотамов Н.Б.* Банковский капитал в развитии хлопководства Средней Азии накануне Великого Октября // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук, № 2 (120), 1985. С. 3–9; *Зелькина Е.* Земельная реформа в Средней Азии // Революционный Восток. Журнал научно-исследовательской Ассоциации при Коммунистическом Университете трудящихся Востока имени И.В. Сталина. [Выпуск] № 3. – М., 1928. С. 146; также: с. 141–142, 144–145.
- ³⁵ См.: *Фитрат*. Муназара-йи мударрис-и Бухараи... 1327/1909. С. 5.
- ³⁶ *Абдурауфи Фитрати Бухорои*. Роҳбари начот // Садои Шарк, Душанбе, 1992, № 7–8. С. 19.
- ³⁷ Программные документы мусульманских политических партий 1917–1920 гг. – Oxford: Society for Central Asian Studies. P. 58–59.
- ³⁸ См.: *Рыбник А.М., Турсунов Т.Т.* Общая характеристика периода 1925–1929 годов в развитии узбекской советской драматургии // Узбекский советский театр. Книга первая. / Отв. редактор А.М. Рыбник. – Ташкент: Наука, 1966. С. 221.
- ³⁹ См.: *Айни Садриддин*. Намуна-йи адабийат-и таджик. Кисм-и аввал, кисм-и дуввум, кисм-и севвум. – Москва: Центральное издательство народов СССР, 1926. С. 541, 543; *Табаров С.* Мунзим. – Душанбе: Ирфон, 1991. С. 39.
- ⁴⁰ См.: *Каримов Э.А.* Развитие реализма... С. 93.
- ⁴¹ См.: *Айни Садриддин*. Намуна-йи адабийат-и таджик... С. 533. Титульный лист стамбульского издания «Муназара» содержит следующий текст: «Сочинение Фитрата Бухараи. Издается автором сочинения» (Асар-и Фитрат-и Бухараи. Аз тараф-и сахиб-и асар нашр хахад шуд). Существует мнение, что сочинения Фитрата, как и других просветителей, были изданы в Стамбуле и доставлены в Туркестан при поддержке созданного в Стамбуле «Бухоро таълими маориф жамияти» (*Ражабов Қ.* Ёш бухороликлар // Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 3 том. – Тошкент, 2002. С. 494). Однако это мнение (в том, что касается расходов на издание) расходится с упоминанием самого Фитрата о его собственном вкладе в издание своих книг.
- ⁴² См.: *Айни Садриддин*. Намуна-йи адабийат-и таджик... С. 535.
- ⁴³ Протокол допроса обвиняемого Фитрата Рауфа Рахимовича от 25 октября 1937 года. Кириш сўз ва изоҳлар билан нашрга тайёрловчи Қ. Ражабов // Тарихнинг номаълум саҳифалари: хужжат ва материаллар. Биринчи китоб. / Тўпловчи ва масъул муҳаррир Н. Каримов. – Тошкент: Фафур Ғулом номидаги нашриёт-матбаа ижодий уйи, 2009. С. 110.
- ⁴⁴ *Хочи Неъматуллои Мухтарам*. Тазкират-уш-шу'аро... С. 319.
- ⁴⁵ См. этот труд в переводе на русский язык: *Наджм ад-Дин ан-Насави*. Ал-'Ака'ид ан-Насафиййа (Насафиев символ веры). / Перевод с арабского и комментарии К.Х. Идрисова. – М.: Садра, 2016.
- ⁴⁶ См.: *Гулмуродзода П.* Ибрати аҳли хунар... С. 4.
- ⁴⁷ См.: Трактат Ахмада Дониша «История мангитской династии». Перевод, предисловие и примечания И.А. Наджафовой. – Душанбе: Дониш, 1967.

Оскар КУЛЬМАН

Обозначения времени в Новом Завете

Перевод с немецкого, предисловие и примечания диакона Евгения Абдуллаева

Книга известного протестантского богослова и историка Церкви Оскара Кульмана «Христос и время» вышла в 1946 году и вскоре была переведена на все основные европейские языки. Ее содержание емко раскрывается в подзаголовке: «Раннехристианское понимание времени и истории». Исходя из анализа новозаветной терминологии для обозначения времени, Кульман показывал близость христианского понимания времени, как прямой линии от Творения к Концу, к ветхозаветному, в противоположность античному представлению о мировом цикле*. Эти идеи стали почти хрестоматийными для современной философии и богословия, в том числе и Православного**.

Оскар Кульман (Oscar Cullmann) прожил долгую жизнь, почти полностью совпавшую с границами XX века. Он родился в 1902 году в Страсбурге, изучал в Страсбургском университете классическую филологию и евангелическое богословие. В 1930–1938 годах был профессором кафедры Нового Завета. С 1938 по 1972 годы преподавал новозаветное богословие и историю Древней Церкви в Базельском университете (с 1968 по 1972 годы был его ректором). С 1948 года также был профессором Сорбонны и ряда богословских учебных заведений Парижа. Скончался в 1999 году в Шамони (Франция).

Русский перевод «Христа и времени» до сих пор отсутствует – как и других известных работ Кульмана***. Ниже предлагается перевод одной главы из этой книги, в которой анализируются основные обозначения времени, встречающиеся в новозаветных текстах, – прежде всего *καρὸς* и *αἶών*. Перевод выполнен по третьему, 1962 года, немецкому изданию книги****. Некоторые сноски и фрагменты сносок, отсылающие к историко-богословской литературе почти вековой давности и во многом устаревшей, при переводе опущены; добавлено несколько пояснительных примечаний.

* Изложение основных идей этого сочинения Кульмана и ряда других см. в: Хулан В., *прот.* «Линия Христа»: время и история в богословии Оскара Кульмана // Христианское чтение. 2022. № 1. С. 106–120.

** На книгу Кульмана ссылались в своих работах прот. Александр Шмеман (*Шмеман А., прот.* Введение в литургическое богословие. – М.: УМСА-Press, 1961; репринтное издание: М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С. 82–83) и прот. Иоанн Мейендорф (*Мейендорф И., прот.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы. Введение в изучение / Пер. Г.Н. Начинкина под ред. И.П. Медведева и М.М. Лурье. – СПб.: Византинороссика, 1997. С. 253. (Сер. «Subsidia Byzantinorossica», 2)).

*** Напр., «Пётр. Ученик – апостол – мученик: историко-богословская проблема Петра» (1952); «Христология Нового Завета» (1957); «Иисус и революционеры его времени. Богослужение, общество, политика» (1970) и др.

**** *Cullmann O.* Christus und die Zeit. Die urchristliche Zeit- und Geschichtsauffassung. Mit einem «Rückblick auf die Wirkung des Buches in der Theologie der Nachkriegszeit». 3. – Zürich: Evangelischer Verlag, 1962.

Вера и мышление первых христиан исходили не из пространственного противоречия между *посюсторонним* и *потусторонним* (*Diesseits – Jenseits*), а из временного различия между *прежде*, *теперь* и *затем* (*Ehemals – Jetzt – Dann*).

Говоря это, мы не имеем в виду, что пространственного противоречия между видимым и невидимым мирами для них не существовало. В Новом Завете присутствуют невидимое небо и видимая земля; действуют невидимые силы и власти, а человек наблюдает только видимые дела, совершаемые земными агентами этих сил¹. Но этот невидимый ход событий сам полностью подчинен ходу времени. Суть не в пространственных оппозициях, а в проводимом верой разграничении между временами. Так, создатель Послания к Евреям в своем известном определении веры (Евр. 1, 11) называет ее, прежде всего, *осуществлением ожидаемого*, т.е. будущего. Тем самым он и отсылает к процессу времени, и дает идущее далее определение веры как *уверенности в невидимом*.

Подчеркнуто временной характер всех проявлений веры связан в Новом Завете с ветхозаветным восприятием времени, которое в свою очередь обнаруживало влияние парсизма². Тем не менее, как будет показано в этой и в следующих главах, именно новозаветные тексты придают всякому откровению привязку во времени; в них впервые последовательно проводится мысль о центральном значении времени для спасения и веры, не в смысле спасения иудеев, а скорее в качестве полного осуществления того, что лишь подразумевалось в ветхозаветной религии.

В этом отношении весьма характерна терминология Нового Завета. В ней встречаются все обозначения времени, имевшиеся в греческом языке; особенно часто – для дня (*ἡμέρα*), часа (*ῥα*), момента (*καιρός*), времени (*χρόνος*), ограниченного мирового времени (*begrenzte Weltzeit, αἰών*) и вечного мирового времени (*ewige Weltzeit, αἰώνες*). Не случайно мы постоянно встречаемся в Новом Завете с этими и подобными обозначениями, среди которых стоит упомянуть и выразительные слова «сейчас, ныне» (*νῦν*) и «сегодня» (*σήμερον*). Мы находим все термины, достаточные для того, чтобы представить этот темпоральный аспект, особенно в богословском свете.

За всем статистическим и лексикографическим материалом, относящимся к этим словам, мы можем обратиться к более старым и более поздним словарям новозаветной лексики, особенно к лексикону Г. Киттеля³, который стремится выявить богословское значение рассматриваемых слов. Конечно, богословское понимание неизбежно наталкивается на ограничения в отдельных трактовках одного слова. В последующем обзоре мы постараемся показать, как даже эта терминология отражает отличие раннехристианского мышления о времени.

Два понятия, которые лучше всего объясняют новозаветную концепцию времени, обычно передаются словами *кэрос* (*καιρός*) и *эон* (*αἰών*). Нелегко найти адекватный перевод для этих многозначных понятий. Их перевод должен определяться богословским содержанием, следующим из контекста; хотя, как показывают лексиконы, эти термины могут использоваться в Новом Завете и не в богословском значении.

Характерной чертой *кэроса* является то, что он связан с определенным момен-

том времени (*Zeitpunkt*), имеющим фиксированное значение, в то время как *зон* обозначает длительность времени (*Zeitdauer*) вообще, определенный или неопределенный отрезок времени (*Zeitstrecke*). В Новом Завете оба термина служат, прекрасно дополняя друг друга, для характеристики времени, в котором происходит история спасения⁴.

Кэрос в мирском смысле – момент времени, благоприятный для какого-либо предприятия; момент, о котором давно говорили, не зная его фактической даты; фиксированный день, который, говоря современным языком, можно назвать «днем икс». По человеческому разумению, это момент, особенно подходящий для исполнения того или иного плана, что и делает его *кэросом*. В этом, мирском, смысле Феликс говорит апостолу Павлу: *когда найду время (καιρόν), позову тебя* (Деян. 24, 25).

То же самое используется в Новом Завете в отношении истории спасения. Однако здесь не человеческое размышление, а *божественное* решение делает ту или иную дату *кэросом*, точкой времени, занимающей особое место в исполнении Божественного плана спасения (*Heilsplannes Gottes*). Поскольку реализация этого плана привязана к таким временным точкам, или *кэросам (καιροί)*, избранным Богом, это и есть история спасения. Ибо не все отрезки текущего времени составляют историю спасения в собственном смысле, а те особые точки, *кэросы*, выделенные из времени как целого.

То, что мы уже говорили во Введении об отношении истории спасения к всемирной истории, находит свое обоснование в этом центральном новозаветном понятии *кэроса*. Если смотреть с точки зрения человеческой истории, выбор *кэросов*, составляющих историю спасения, произволен. Новый Завет дает в качестве принципа Божественного «избрания» *кэросов* только всемогущество Божье (*göttliche Vollmacht*): *времена и сроки (καιροί), которые Отец положил в Своей власти* (Деян. 1, 7). Людям, даже апостолам, не дано знать дату будущих *кэросов*; апостол Павел напоминает фессалоникийцам о возможном внезапном их наступлении (1 Фес. 5, 1 и далее)⁵.

Откровение Иоанна Богослова (1, 3; 11, 18) также обозначает решающий момент эсхатологической драмы как *кэрос* и говорит о нем, что он «близок» в том же смысле, в каком близость Царства Божия провозглашается в синоптических Евангелиях. В этом эсхатологическом значении *кэрос* также появляется в синоптических Евангелиях (Лк. 19, 44; 21, 8) и в Первом послании апостола Петра (1, 5). Как в упомянутых отрывках, так и в апостольских посланиях *кэросы* относятся к еще не наступившим этапам истории⁶. В этих посланиях подчеркивается, что всемогущество Божие определяет эти моменты в контексте всего Его Промысла, особенно добавлением к существительному *кэрос* прилагательного *ἰδίος*, «соответствующий»: *даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время (ἡν καιροῦς ἰδίους) откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих* (1 Тим. 6, 14-15).

В том же Послании к Тимофею показано отношение той же Божественной линии спасения этих еще не наступивших времен-*кэросов* к уже прошедшим: *предавший*

Себя для искупления всех. Таково было в свое время (καιροῖς ἰδίους) свидетельство (1 Тим. 2, 6).

В полном согласии с этим, и Послание к Титу обозначает время явления проповеди Христовой, уже ставшее прошлым, тем же термином καιροῖς ἰδίους: *в свое время явил Свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога (Тит. 1, 3).* Так и Первое послание Петра описывает как кэрос время события Христа, которое, с точки зрения евангелиста, уже завершилось. Ветхозаветные пророки, пишет он, исследовали, *на которое и на какое время (καιρὸν) указывал сущий в них Дух Христов, когда Он предвозвещал Христовы страдания и последующую за ними славу (1 Пет. 1, 11).*

Не только в вере Церкви после смерти Христа это центральное место кэроса в божественном плане спасения связывалось с миссией воплотившегося Христа; сам Иисус, согласно синоптическому свидетельству, описывает свои Страсти как Свое время-кэрос; этим греческим словом Евангелист, без сомнения, точно передает арамейское слово, которое использовал Господь. Во время приготовления к Тайной вечере Иисус посылает своих учеников с поручением: *Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое (ὁ καιρός μου) близко (Мат. 26, 18).* Нам вспоминается первая проповедь Иисуса: *Приблизилось Царствие Божие (Мк. 1, 15).* Таким образом, кэрос, на который Иисус указывает как на завершение Своей земной миссии, имеет решающее значение в ходе событий, ведущих к Царству Божию. Мы знаем это из других слов Иисуса, независимо от употребления слова кэрос. Уже в самом факте явления Иисуса, прежде всего в совершенных Им исцелениях, мы слышим, что Царство Божие вошло <в этот мир>. То, что решающий момент смерти и Воскресения Христа и достигнутой таким образом победы над миром демонов уже возвещается в предшествующих кэросах Его земного пути, становится ясно в другом отрывке Евангелия от Матфея, когда одержимый бесами говорит: *пришёл Ты сюда прежде времени (πρὸ καιροῦ) мучить нас (Мат. 8, 29).*

Нигде то, что в Новом Завете понимается под кэросом, не выражено так ясно, как в поистине классическом отрывке Ин. 7, 3 и далее, в котором Иисус говорит своим неверующим братьям о Своем входе в Иерусалим: *Мое время (ὁ καιρός ὁ ἐμὸς) еще не настало, а для вас всегда время (ὁ δὲ καιρός ὁ ὑμέτερος πάντοτε ἐστὶν ἔτιμος) (Ин. 7, 6).* Это означает: для них нет кэроса в значении новозаветной истории спасения, нет моментов времени, которые установил Бог в Своем всемогуществе и которые, следовательно, имеют особое значение в отношении Его Промысла⁷. Для других там применяется только мирское употребление слова кэрос, где все зависит исключительно от человеческого решения, благоприятен кэрос или нет. Они могут идти в Иерусалим в любое время; Христос не может, ибо он стоит в сердцевине божественного Промысла, кэросы которого строго определены Богом.

Но на основании миссии Христа уже в *настоящем (Gegenwart)* раннехристианской общины был дан божественный кэрос для верующего: *Ибо время (ὁ καιρός) начаться суду с дома Божия (1 Пет. 4, 17).* Отсюда требование в Посланиях Колоссянам (Кол. 4, 5) и Ефессянам (Еф. 5, 16) «выкупить» кэрос⁸; и если «западное» прочтение Рим. 12, 11 правильно, Павел призывает своих читателей служить кэросу⁹. В этих отрывках имеется в виду кэрос настоящего времени, значение которого в

Божественном Промысле известно верующему на основании *кэроса* прошедшего, то есть смерти и Воскресения Христа.

Итак, мы видим, что в *прошлом, настоящем и будущем* существуют особые божественные *кэросы*, из соединения которых возникает единая искупительная линия¹⁰. Необходимость соединения *кэросов* друг с другом особенно ясно выражена в 1 Тим. 2, 6, в связи с двумя другими отрывками из пастырских посланий.

Это понимание особых моментов времени, в которые Бог, исполняя свой план, осуществляет спасение, не связано только с термином *кэрос*. Для выражения той же идеи служат и другие новозаветные темпоральные понятия, опять-таки имеющие отношение к прошлому, настоящему и будущему. В первую очередь мы должны здесь упомянуть слова *день* (ἡμέρα) и *час* (ῥα).

Чтобы обозначить начало будущей эсхатологической драмы, первоначальное христианство переняло у иудаизма понятие *день Господень* (יום Яхве)¹¹. В Мк. 13, 32 Иисус говорит *о дне же том, или часе*, о котором никто не знает.

Здесь снова те решающие события, связанные с миссией Иисуса, явившегося во плоти, называются в особом смысле *днем*, или, как предпочитает говорить Евангелие от Иоанна, *часом*. Когда в Евангелии от Луки (13, 32) Иисус говорит: *се, изгоняю бесов и совершаю исцеления сегодня и завтра, и в третий день кончу*, мы сразу вспоминаем приведенный выше отрывок из Евангелия от Иоанна, где Иисус объясняет, что Он Сам связан с определенными временами-*кэросами*.

Прежде всего, однако, мы должны здесь вспомнить многочисленные отрывки из Евангелия от Иоанна, в которых Иисус говорит о своем *часе* и где в каждом случае имеется в виду час Его смерти. Это центральный момент, центральный *час* в событии Христа. Но из него падает отсвет на другие места в повествовании Иоанна о жизни Иисуса, где упоминается тот или иной час. Примечательно, что именно Евангелие от Иоанна, в остальном проявляющее гораздо меньший интерес, чем синоптические, к хронологическим и географическим рамкам земной жизни Иисуса, дает поразительно точную хронологическую привязку некоторых повествований: «это было в такой-то час». Вероятно, Четвертый Евангелист намеревается тем самым показать, что жизнь Христа действительно являлась событием спасения и поэтому связана со временем, установленным для нее Богом. В отличие от неверующих братьев Христа, Его время не *всегда настало* (Ин. 7, 6).

В этом смысле мы также должны понимать и часто встречаемое в Новом Завете выразительное слово «ныне» (νῦν), когда подчеркивается то, что *настоящее* апостольского времени особым образом принадлежит истории спасения и, таким образом, выделяется из всех других времен, как, например, в Кол. 1, 26, где сказано *о тайне, сокрытой от веков и родов, ныне (νῦν) же открытой святым Его*¹². В подобном же смысле автор Послания к Евреям говорит о своем времени как о «сегодня» (σήμερον, гл. 3, 7, 13, 15).

Таким образом, и здесь мы видим, что все эти понятия относятся к моментам или, по крайней мере, к четко определенным периодам времени как в прошлом, так и в настоящем и будущем, которые Бог избирает для осуществления Своего плана спасения. И делает Он это таким образом, что их соединение в свете этого плана образует единую смысловую временную линию.

Термины, рассматриваемые до сих пор, группировались вокруг центрального понятия *кэроса* и характеризовали важнейшие этапы времени, взятые *обособленно* друг от друга. Другое слово, *зон* (αἰών: «период времени», «век»), которое так же часто встречается в Новом Завете, напротив, фокусируется на продолжительности времени и выражает его длительность.

Это слово, как и древнееврейское *олам*, иногда приобретает пространственное значение и означает «мир», становясь, таким образом, синонимом греческого κόσμος («мир», «вселенная»)¹³. Однако в подавляющем большинстве фрагментов мы находим первоначальное, темпоральное употребление этого слова.

Весьма разнообразное употребление слова *зон* в новозаветных текстах чрезвычайно поучительно для понимания раннехристианской концепции времени. Это слово служит в них для обозначения как *точно определенного* периода времени, так и *неопределенной* и *неисчислимой* длительности, которую мы переводим словом *вечность*. То же самое понятие, которое относится к нынешнему *лукавому веку* (Гал. 1, 4), может быть эпитетом Бога, *Царя веков* (1 Тим. 1, 17). Это многозначное использование одного и того же слова, которое имеет аналог в употреблении еврейского *олам* и персидского *зурван*, поможет нам далее, в отдельной главе, точнее определить отношение между временем и вечностью в Новом Завете.

Однако уже здесь можно сделать вывод, что вечность, как она понимается в новозаветном контексте, не должна истолковываться в платоновском или современном философском смысле, как некое отсутствие времени. Это ясно из того, что, когда речь идет о вечности, употребляется множественное число αἰῶνες («века»). Хотя это можно отчасти объяснить некоторой риторической склонностью к литургическому пафосу, уже само то, что о вечности можно говорить во множественном числе, доказывает, что она не означает ни прекращения времени, ни безвременья, но только бесконечное и, следовательно, непостижимое для людей течение времени; или, точнее, соединение неограниченного ряда ограниченных мировых периодов, чью последовательность может обозреть только Бог.

Таким образом, в Новом Завете противопоставлены не время и вечность, а время ограниченное и неограниченное, бесконечное. Но от вполне темпорального образа мышления в Новом Завете не отказываются даже тогда, когда говорится о безграничном времени. Оно – тоже время, и отличается только тем, что оно не ограничено. Когда новозаветные авторы, говоря об исчисляемом времени, оглядываются *назад*, они пишут ἐκ τοῦ αἰῶνος или ἀπ’ αἰῶνος («от века») или даже ἀπὸ τῶν αἰῶνων («от веков»)¹⁴¹⁵; когда смотрят *вперед*, они пишут εἰς αἰῶνα или εἰς αἰῶνας («на веки»). Оба употребления согласуются с таковыми в Ветхом Завете. Итак, термин *зон*, которым обозначается вечность, имеет вполне временное значение.

Отсюда мы можем понять знакомое словоупотребление в Новом Завете, также уходящее своими корнями в иудаизм, в котором *век* используется для выражения божественного разделения времени на *этот, нынешний век* (αἰῶν οὗτος или ἐνεστώς) и на *век грядущий* (αἰῶν μέλλον). Здесь, опять же, различие времени и вечности не означает их противоположности; неверно и то, что «век сей» означает время, а грядущий век – безвременье. Скорее, следует внимательнее относиться

именно к будущему характеру грядущего века, выраженному через причастие¹⁶. Грядущий век еще не присутствует как вечность. Безусловно, существует радикальное отличие между двумя веками, из которых один характеризуется как «лукавый» (Гал. 1, 4); но это не в том смысле, что один временен, а другое безвременен – в обоих случаях имеется в виду одно и то же, называемое «веком». Лукавство этого эона и его противоположность грядущему связаны не с его временностью как таковой, а с *событием*, играющим определяющую роль в начале этого периода времени, – с Грехопадением. Грехопадение не создало времени, но сделало причастным силе зла событие, заложившее начало этого века, тогда как событие, закладывающее начало века грядущего, состоит в победе над силами зла.

Конечно, между этими двумя эонами, настоящим и будущим, существует различие во времени. Но оно касается только вопроса о пределах этих веков. Нынешний век ограничен в *обоих* направлениях: в направлении прошлого – творением, в направлении будущего – событием конца мира (Endgeschehen). Грядущий век ограничен с *одной* стороны, но безграничен с другой; его начало ограничено, так как оно начинается событиями, ярко описанными в Апокалипсисе, но для его конца не ставится граница. Иными словами, он без конца, но не без начала, и только в этом смысле он «вечен». Именно из того, что библейский грядущий век имеет начало во времени, видно, что его вечность не такова, какой она была, например, в представлении Платона.

Если мы хотим понять изначальное христианское использование слова αἰών («век»), мы должны полностью освободиться от всех философских концепций времени и вечности. Подытоживая, можно сказать, что временной смысл этого слова в единственном и во множественном числе предполагает только большую продолжительность времени, а именно:

1. Время во всей своей бесконечной протяженности, которое не ограничено как в обратном, так и в прямом направлении и, следовательно, есть вечность¹⁷;

2. Ограниченное время, которое лежит между Творением и концом мира и, таким образом, тождественно «нынешнему», «этому» веку¹⁸;

3. Промежутки времени, ограниченные в одном направлении, но не ограниченные в другом, а именно:

а. Период, на который указывает словосочетание ἐκ τοῦ αἰῶνος, («от века»), т.е. время, предшествующее Творению. Со стороны Творения оно имеет конец и, следовательно, ограничено; но в обратном направлении оно безгранично, бесконечно и только в этом смысле вечно. Оно упоминается очень редко, даже вскользь, в Новом Завете.

б. Время, которое выходит за пределы настоящего века (αἰῶν μέλλον, «грядущий век»). В так называемом событии конца оно имеет свое начало и, следовательно, предел; но в прямом направлении оно безгранично, бесконечно и только в этом смысле вечно.

Этот схематичный обзор показывает, что только это простое (naiv) понимание прямолинейности бесконечного времени может рассматриваться как основа новозаветной истории спасения. Вдоль этой последовательно прямой линии веков лежат времена-кэросы, определенные Богом. И точно так же, как Бог установил

отдельные провиденциальные точки или периоды истории спасения, Он разделит время на века-эоны, в которых эта история совершается.

Как и все новозаветные обозначения времени, слово χρόνος («время») также не имеет в виду время как некую абстракцию. Само это слово употребляется в Новом Завете не так, как в греческой философии, где оно служит для обозначения времени как такового, как некой проблемы. В Новом Завете мы встречаемся с хроносом в непосредственном отношении к истории спасения, как в смысле *кэроса*, так и в смысле *зона*, или как обозначение крайнего срока чего-либо. Таким образом, даже известное место в Откр. 10, 6, где говорится, что *хроноса* больше не будет, не следует понимать так, как если бы имелась в виду эра безвременья; скорее, по аналогии с Авв. 2, 3 и Евр. 10, 37, это следует перевести: «Умедления больше не будет»¹⁹.

Терминология Нового Завета показывает, что, согласно раннехристианскому представлению, время в его бесконечном продолжении, как и в его отдельных периодах и моментах, дано Богом и управляется им. Поэтому *все* Его дела настолько самоочевидно связаны со временем, что время воспринимается не как проблема, а как, скорее, естественная предпосылка всего, что происходит по его Промыслу. Отсюда и преобладающе временной характер терминологии раннехристианских текстов. Каждый отдельный пункт истории спасения имеет свое определенное место во времени. Например, о законе в богословско-догматическом отрывке из Гал. 3, 17 сказано совершенно ясно, что он явился через 430 лет после обетования его Аврааму; иначе говоря, в процессе спасения закон *пришел потом* (Рим. 5, 20). Да и весь предшествующий этому экскурсу в Рим. 5, 12-14 богословски полностью привязан к хронологии.

Однако Христос, который сам является Божественным Словом откровения, посредником во всех божественных действиях, настолько полно и тесно связан с бесконечным божественным временем, что создатель Послания к Евреям может изложить Его природу в терминах времени: *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

Точно так же Откровение Иоанна говорит о Его месте в Божественной вечности, когда оно определяет Его как Того, Кто есть *Первый и Последний, Начало и Конец* (1, 17; 2, 8; 22, 13).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Такова исполнительная власть государства для *властей века сего* (1 Кор. 2, 8).

² О возможном влиянии парсизма (зороастризма) на древнееврейскую религию см.: Zaehner R.C. The Comparison of Religions. – Boston: Beacon Press, 1959. P. 134–153. На сегодняшний день эта гипотеза, имевшая немало сторонников в конце XIX – середине XX веков, воспринимается более осторожно. (Прим. Е.А.)

³ Имеется в виду пятитомный «Богословский словарь Нового Завета» («Theologisches Wörterbuch zum Neuen Testament», 1933–1979), вышедший под редак-

цией немецкого протестантского богослова Герхарда Киттеля.

⁴ Понятие «история спасения» (Heilsgeschichte) является центральным для историко-богословской концепции О. Кульмана. Оно отражает восприятие истории как процесса спасения Богом человечества. Подробнее об этом см. Хулан В., *прот.* Указ. соч. (Прим. Е.А.)

⁵ *О временах же и сроках (περί δὲ τῶν χρόνων καὶ τῶν καιρῶν) нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью* (1 Фес. 5, 1-2).

⁶ См. также 2 Фес. 2, 6, где мы слышим, что и для явления антихриста установлено свое время-кэрос.

⁷ Без использования слова кэрос та же идея присутствует в сюжете пира в Кане Галилейской (Ин. 2, 4), которая в целом образует точную параллель с Ин. 7, 1-13. Когда Иисус говорит своей Матери: *...что Мне и Тебе, Жéно? еще не пришел час Мой (ἡ ὥρα μου)*, его слова имеют то же значение, что и ответ, данный в Ин. 7:6. <...>

⁸ *Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем (τὸν καιρὸν ἐξαγοραζόμενοι)* (Кол. 4,5); *... дождав временем (ἐξαγοραζόμενοι τὸν καιρὸν), потому что дни лукавы* (Еф. 5, 16). Глагол ἐξαγοράζω первоначально означал «выкупать, искупать». (Прим. Е.А.)

⁹ Речь о стихе: *в усердии не ослабевайте; духом пламенейте; Господу (τῷ κυρίῳ) служите*. В некоторых ранних переводах этого послания на латинский греческое τῷ κυρίῳ было прочтено как τῷ καιρῷ и переведено как «времени служите» (tempori serventes), что было отмечено как ошибка уже преп. Иеронимом Стридонским в «Послании к Марцелле» (ок. 384 г.). Правильным такое «западное» прочтение считается не может. (Прим. Е.А.)

¹⁰ Что весь «профанный» процесс определяется божественными временами-кэросами, мы слышим в речи апостола Павла на Ареопаге: *Бог произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена (προσθεταγμένων καιρῶν) и пределы их обитанию* (Деян. 17, 26). Здесь возникает проблема отношения между священной историей и всеобщей историей.

¹¹ См. Деян. 2, 20 (из Иоил. 2, 31); 2 Тим. 1, 12; 1, 18; 4, 8; Деян. 17, 31.

¹² Ср. Еф. 3, 5; Рим. 16, 25.

¹³ См., например: Евр. 1, 2.

¹⁴ См. Еф. 3, 9. Церковнославянский: *от вѣкѡвъ*. Синодальный перевод: *от вечности*. (Прим. Е.А.)

¹⁵ Выражение *прежде веков* (πρὸ τῶν αἰώνων, 1 Кор. 2, 7) не доказывает, что вечность была безвременной, потому что лежит до времени. Либо *века* употребляются здесь в смысле ограниченного времени (между творением и концом), либо, что также вероятно, мы имеем здесь пространственное понимание *веков* (см. выше). В последнем случае выражение *прежде веков* представляет собой точное соответствие выражению «прежде создания мира» (πρὸ καταβολῆς κόσμου, Еф. 1, 4; Ин. 17, 24; 1 Пет. 1, 20).

¹⁶ «Будущность» этого грядущего века выражена не только через μέλλον, но и через причастия ἐρχόμενος и ἐπερχόμενος.

¹⁷ Этому использованию αἰών соответствует прилагательное αἰώνιος, «вековечный», «вечный». Поскольку вечность в этом смысле рассматривается только как атрибут Бога, прилагательное αἰώνιος может терять значение времени и используется в качественном смысле божественно-бессмертного.

¹⁸ В смысле ограниченных эонов в 1 Кор. 10, 11 говорится о *конце веков*. С Христом наступила заключительная фаза ограниченного мирового времени.

¹⁹ Кульман имеет в виду производный от существительного χρόνος (время) глагол χρονίζω, означающий, кроме «проводить время», также «медлить, задерживаться». В этом смысле говорится об «умедлении» Бога в суде над миром в источниках, на которые ссылается ученый: в греческом переводе Книги пророка Аввакума: *...Ибо видение относится еще к определенному времени и говорит о конце и не обманет; и хотя бы и замедлило (οὐ μὴ χρονίσῃ), жди его, ибо непременно сбудется, не отменится, и в Послании к Евреям: Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит (οὐ χρονίσει).* (Прим. Е.А.)

О целомудрии. О Божественной Литургии

О целомудрии

...Целомудрие состоит не только в том, чтобы воздерживаться от блуда и плотских удовольствий, но чтобы свободным быть и от прочих страстей.

Прп. Ефрем Сирин (ок. 306–373)

Целомудренный из желания нравиться людям – не целомудрен; он стремится не к добродетели, а к славе.

Свт. Василий Великий (330–379)

Целомудрие <...> есть благоразумное распоряжение всеми <нашими> душевными движениями, гармоническое действие всех душевных сил.

Свт. Григорий Нисский (около 335–394)

Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; сам возраст уже делает его целомудренным. Удивительнее среди волнения наслаждаться тишиной, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству.

...Могу указать многих таких, которые по природе отвращаются от общения с женщинами <...>; но скажи мне, называть ли их за то целомудренными и будем ли мы их увенчивать и прославлять? Никак. Целомудрие есть воздержание и преодоление похотей через <внутреннюю> борьбу.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Целомудрие есть всеобъемлющее название всех добродетелей.

Начало целомудрия – безмолвие.

Прп. Иоанн Лествичник (ум. не позже 649 г.)

Целомудрие все страсти укрощает, удерживает звероподобные стремления души и тела и управляет их к Богу.

Прп. Петр Дамаскин (XII в.)

<Целомудрие – это> полная мудрость, сколько умственная, столько же и нравственная.

Николай Федоров (1829–1903)

...Холодные люди <...> не знают целомудрия. Эта добродетель знакома только тем, кто тепел, сердечен и способен любить.

Антон Чехов (1860–1904)

Твой осквернивший образ и сластем поработив*. Сладости мира губят духовную жизнь, с ними теряется холодная трезвенность духа, ясность мысли, контроль над собой, рассеивается внимание, слабеет воля, ослабляется, растекается, растрепывается личность.

Сила девства – сияние нерастраченного пола – сублимируется в высшие духовные ценности. Целомудрие – условие и источник настоящего творчества.

Иерей Александр Ельчанинов (1881–1934)

...Слово «целомудрие» указывает на здравость, неповрежденность, единство и вообще нормальное состояние внутренней духовной жизни христианина, цельность и крепость личности, свежесть духовных сил, духовную устроенность внутреннего человека

Иерей Павел Флоренский (1882–1937)

...Целомудрие заключается в том, чтобы человек понял, что его тело является святыней, что его тело не может просто быть предметом игры, что его тело принадлежит ему и Богу, и что Бог общается с нами не только душевно и духовно, но и телесно. <...> И возвращая его (тело – Е.А.) Богу, мы его делаем чистым. Целомудрие именно заключается в том, чтобы к своему телу и к своей душевности так относиться, как к святыне, которая пронизана Божественным присутствием. И когда человек вступает в телесное общение в браке, это не осквернение, это момент, когда человек другому человеку, который его любит, который его уважает, который к нему относится с благоговением, отдает свою чистоту... <...> ...Целомудрие не в воздержании, не в отрицании плоти, а в том, чтобы в своей плоти увидеть святость и поделиться с другим человеком его святыней.

Митр. Антоний Сурожский (Блум, 1914–2003)

Обычно оно (целомудрие – Е.А.) отождествляется только с понятием половой чистоты: целомудрие противопоставляется разврату. Но первоначальный, настоящий смысл этого слова неизмеримо более глубокий. Оно складывается из двух слов: *целый* и *мудрый*. <...>

* ...И сластем поработив, и Твой осквернивший образ... – из 1-й молитвы Василия Великого из Последования ко Святому Причастию.

Целое – значит противоположное всему частичному, тому, что вырвано, отделено, изолировано от целостного. Целый, целостный – да, именно тут, в этой жажде, в этом видении целого и целостного как желанного заключается основной пафос христианства. Всякий грех, всякое зло – это всегда и прежде всего раздрание, нарушение целостности. <...> Человек, которым владеет страсть, любая – от самой мелкой страстишки до всепоглощающего огня так называемой большой страсти – это человек, потерявший себя как целостность, всё целое свое подчинивший какой-то части. <...> И призыв Христа – это призыв к человеку восстановить свою целостность, вернуться к полной человечности.

Целостность же ведет к мудрости. И опять-таки нужно понять огромную разницу между умом и мудростью. И преступник, и одержимый страстью, и всякий, кто выбрал часть и частное в ущерб целому, может оставаться при этом очень умным человеком. <...> Но ни в зле, ни в страсти, ни в какой частичности, раздробленности и ущербленности нельзя остаться мудрым.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

О Божественной Литургии

Как обыкновенный хлеб, который ежедневно едим, есть жизнь тела, так Этот, сверхъестественный, есть жизнь души.

Киприан Карфагенский (ум. 258)

Что делать мне с грехами своими, не знаю; не видит ум мой, чем мне смыть и очистить себя. Если бы вздумал я омыться водами, то малы для меня моря, и реки недостаточны, чтобы очистить меня. <Только> если омою себя Кровью и водою из ребер Сына Божия, то очищусь.

Прп. Ефрем Сирин

Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что хотя в нем есть зерна, но их не видно и различие их неприметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом. Мы питаемся не один одним, другой – другим, но всё одним и тем же Телом.

Свт. Иоанн Златоуст

Бог тебе не враг, а врач – исцелить тебя, а не погубить хочет. Зачем же избегаешь Его Божественной Чаши?

Свт. Димитрий Ростовский (1651–1709)

Христос пришел на землю спасти грешников, а не праведников. Точно так нисходит Он Своим Святым Телом и Своей Всесвятой Кровью в грешного человека и спасает его. Не сочувствие к нашей праведности и к нашим достоинствам при-

влекает к нам Господа, но Его милосердие к нашей греховности и немощи, нами сознаваемой и оплакиваемой. Кто по возможности употребляет все усилия, чтобы воздерживаться от грехов, и при сознании своей греховности и немощи приступает к Господу, того Господь приемлет. Он отвращается от тех грешников, которые приступают к Нему без благоговения и без намерения оставить греховную жизнь. Такие принимают Святые Тайны в осуждение себе.

<Как> солнце всецело изображается в каждой смиренной, но чистой капле росы, так и Христос в каждой христианской православной церкви всецело присутствует и предлагается на Священной Трапезе...

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Литургия есть вечное повторение великого подвига любви.

Николай Гоголь (1809–1852)

Литургия есть вечеря, трапеза любви Божией к роду человеческому. Около Агнца Божия все собираются на дискосе – живые и умершие, святые и грешные...

Прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

Не нужно ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная Литургия.

Прп. Нектарий Оптинский (1858–1922)

Много чудных цветов на пажитях церковных, но всех прекраснее роза – Божественная Литургия. Дивны драгоценные камни Церкви нашей – обряды, но всех их ярче блистает бриллиант – Божественная Литургия. Все источники, все ручейки, таинства наши, сливаются в глубочайшем святейшем таинстве Божественной Литургии.

Сщмч. Серафим (Звездинский, 1883–1937)

Церковь прежде всего или больше всего – это Литургия. <...> И если Церковь непостижимо для нас предопределена в Совете Божиим еще тогда, когда не было мира, то тем самым и средоточие ее – Литургия. <...> Вот почему мы ощущаем так ясно блаженную и любящую вечность, теплую, как материнское лоно, больше всего на Литургии. Вот почему на Литургии мы дышим воздухом совсем иного мира.

Сергей Фудель (1900/1901–1977)

Так, вознося нас на небо, Литургия ставит нас лицом к лицу с абсолютной *ответственностью совести и сознания*, которых требует от нас Церковь, если мы исповедуем себя христианами. Нам всё дано и потому спросится много. В свете пришествия и присутствия Христа всё становится бесконечно серьезным, приобретает бесконечное значение. И именно Литургией, таинством этого пришествия и присутствия вечно судится и сама Церковь и каждый из нас в ней.

Прот. Александр Шмеман

Литургия – не просто обряд, выражающий религиозную жизнь христиан, и не простое воспоминание о давно прошедшем. Она прежде всего – действие Божие. Бог призывает Церковь Свою интенсивно жить любовью, соединяющей ее с Ним и объединяющей ее в единое тело Его Сына. Это также действие самой Церкви: в нем она предстоит Богу и воспринимает от Него свет и тепло, которые затем излучает в мире.

Прот. Александр Мень (1935–1990)

Иерей Сергей КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

Избранные записи в Фейсбуке последних лет*

Рано утром причащал на дому одного человека, немного обсуждали с ним нашу общую болячку, название ее примерно такое: бесы, борющиеся меня, цепляют своими крючками не за что иное, как за нажитое мной, имеемое во мне «имущество». За «жемчужину».

У бесов – работа такая, чего ж теперь, они ее исполняют исправно. Кстати: у них к нам, как бы нам это странно ни казалось, в общем-то «ничего личного», у них нет с нами «отношений» – отношения с нами бывают только у Бога, Он к нам равнодушен. А этим – всё равно (а ведь как тонко нас знают, всю эту нашу психею! А ведь как, вроде бы, пристрастно присасываются!.. и тем не менее).

Эта грядка, на которой растут «отношения» – теплая грядка человеческого, или, как говорили отцы, «душевного», весьма известна – сто раз говорили-переговорили уж – как рассадник инфекций; но, как ни странно, именно она возвращает и инсектицид против бесов и их прилогов. Бесы не выносят вот этого человеческого, терпения вот этого, соединенного со смирением и детской просящей верой. Потерпишь с молитвой – они рано или поздно не выдерживают, зажимают носы, как от вони, и с раздражением разбегаются. К слову, в тоталитарные эпохи, свидетельствуют многие, именно о такое вот человеческое, немощное вроде бы, но терпеливое – разбивались громады лагерного ада.

Так вот, проблема – в связи с вышеозначенными петлями и крючками: как научиться иметь, не имея? Отрепетировав технологию, вызубрив, условно говоря, пятитомник «Добротолюбия»? Или, как всегда, в немощи сушу, ждать – подарка, чуда?..

«Я сама была такую

Триста лет тому назад...» –

дребезжащим голосом пела старушка империя, а деревянный мальчик слушал, и деревянные слезы выступали на деревянных его глазах.

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–4 (LV–LVIII), 2021; 1–2 (LIX), 2022. (Все примечания – ВС.)

Сегодня – Родительская суббота.

Помяни, Господи, всех моих ближних, от века усопших.

Моя немощная рассеянная память-однодневка – пусть окрепнет, исцелится. станет частью Твоей вечной памяти.

У Надежды Мандельштам, во «Второй книге», есть высказывание, которое зацепило меня, думаю на эту тему: «В моей молодости вопрос о смысле жизни подменялся поисками цели. К этому так привыкли, что многие и сейчас не видят различия между смыслом и целью. А в те годы вопрос о цели ставила молодежь, ухаживавшая в революцию. Цель была одна: осчастливить человечество. Что из этого вышло, мы знаем. Цель и смысл не одно и то же, но проблема смысла в молодости доступна немногим».

Вспомнил, как Игорь рассказывал про свою племянницу: «Машке – пять лет. Сидит, тяжело вздыхает. – Машка, чего вздыхаешь? – Не удалось!.. – Чего тебе не удалось? – Пожить не удалось!..»

Возможно ли противостояние отдельной личности – массивному общественному (и шире – мировому) злу? Вполне возможно. Это явил на своем примере – на кресте – Христос. Он же открыл нам и основания этого противостояния: они богочеловечны, они божественны. Речь здесь не идет о конфессиональности-партийности-гендерности и прочем личности. Этой личностью может быть любой безымянный зек, легший лагерной пылью в мерзлую общую яму; любой подросток, бунтующий против того, что он ищет смысла, а общество навязывает ему цели; любой пользователь соцсетей, высказавший открыто свое мнение в защиту чьего-то достоинства; любые волонтеры, бесконечно трудящиеся над спасением бездомных животных... Словом, любые миллионы личностей, противостоящие той или иной бетонной стене в чаянии человечности, милосердия, услышанности, свободы и так далее и так далее.

И не о результативности, о видимом успехе такого противостояния речь, и не о том, какие именно плоды – в зависимости от того, что именно на грядке посадили и чем и как поливали, – могут взрасти на этом основании, – о том, что само основание («личное») укоренено в богочеловеческом и божественном.

Есть люди, которым при словах «жизнь вечная» становится сильно не по себе, которые просто тошнятся и взрываются, слыша о ней. Это не обвинение: это люди, сильно мучающиеся жизнью, чем-то в ней. Для них «жизнь вечная» представляется как непрерывная жизнь, как конвейерный допрос в НКВД: следователи меняются, а допрашиваемый – тот же, и ему не дают спать, передохнуть, перелистнуть страницу обыденности... Страшное мучение.

Бедные, бедные.

Между тем, жизнь, в целом, местами прекрасна.

Например, иду я сейчас после вечерни домой. И прохожу мимо кофейни – в со-

седней девятиэтажке, на первом этаже, у нас такая вполне себе кофейня, с кошками на вывеске. Она у нас в Минусинске одна такая, чем живет – неизвестно. Но живет.

Увидел я кофейню – и разбудил трех своих повелителей: Поджелудочную, Сосуды и Кошелек. Что, говорю, разрешите ли вы мне чашечку крепкого ароматного кофе выпить? Проснулись Поджелудочная, Сосуды да Кошелек, позевали, посмотрели на меня через мохнатое плечо оценивающе, посоветовались меж собой вибрисами, и говорят: ладно уж. Повернулись на другой бок, вытянули хвосты и опять стали спать. А я им почтительно поблагодарствовал и вошел в кофейню.

В кофейне – всё как в старые добрые времена, в не этом географическом месте: итальянская кофемашина, запах кофе, негромкая музыка регги, все дела. За стойкой – бариста (как, кстати, будет феминитив от этого слова?), приятная юная девица, колдует над заказом – на капучино палочкой иероглифы рисует. Говорю: здравствуйте! мне бы эспрессо доппио, двойной то есть, с собою. Она на меня в некотором замешательстве посмотрела и говорит: ну, вы знаете, что это – крепкий натуральный кофе, свежемолотый и свежесваренный, без молока?.. Настолько я был изумлен и позабавлен, что невольным жестом стянул маску на бороду и растянул рот до ушей. Да, конечно, говорю! Уж я надеюсь! Надеюсь, что кофе – именно крепкий натуральный, свежемолотый и свежесваренный! В размере 60 миллилитров, как и положено двойному эспрессо! Девица говорит: Ну просто, знаете, бывает, что вот заказывают этак-то, а потом им горько.

В мозгу моем моментально, как на стене у царя Валтасара, вспыхнули огненные слова: «Горько мне! Горько! Горько! – завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе»*. Но цитировать я не стал, сдержался, сказал только: Штош! понимаю вас! всякие бывают ситуации!

А потом только, идя в темноте до дому (у нас в шесть вечера темно уже) с бумажным стаканчиком в руке, и нюхая в нем носом и отхлебывая из него, дал уж волю смеху, конечно.

Нюхая – потому что кофе был весьма хороший.

Подумал сегодня: свобода (в любых изводах, как бы мы ее там ни понимали) – это путь, дорога от родного в никуда, то, что не дается детям, дается только взрослым.

Обретая свободу, человек утрачивает то, что было в детстве, даже не то что «защищенность» там, «комфорт», «буйство глаз и половодье чувств», это всё частности... утрачивает некую *полноту*.

Утрачивает то, что могло бы утратить дерево, если бы захотело перестать быть деревом, то есть и собой – и Божьей креатурой одновременно. (Но дерево – не человек, ему не то что проще... но по-другому; про него совсем другой разговор).

Но откуда, откуда человек узнает, что он – Божий, если не обретет свободы, то есть если не утратит детство и полноту?..

Да, за такое знание приходится очень дорого платить – но (думаю это прямо сейчас, только вот додумался, дожил) не стоит ли оно того? И если всеми силами

* Из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

сохраню то, чем мог бы расплатиться за свободу – да надо ли оно мне станет после, не станет ли мое не отданное за свободу богатство, любое, от коллекций марок и «жувачных» этикеток, от одуванчиковых полей и сказок детства до денежных богатств, репутации, здоровья, самой жизни в зрелости и старости, – тугой удавкой на шее, стариком на плечах?..

Обретая свободу, покидая Ган-Эден*, я становлюсь проклят и не-Божий – но не стократно ли Божий, чем раньше, если начинаю сознавать Его, плакать о Нем, жаждать и искать Его?..

Христос обещал, что все эти концы рано или поздно сойдутся.

Буди, буди.

Опять натолкнулся в ленте на рекламу – книга о сексе и близости, о проблемах в этой области...

На мой взгляд, все проблемы в этой области, то есть в границах постели, условно рещи, на которой лежат двое (троих-семерых не беру в расчет, тут не про акробатику и не про изысканные раздражения чувствилищ...), сводятся к одной – к вопросам:

а кто ты мне?

а кто я тебе?

Короче, – к вопросу про любовь. Ничего нового...

Сдается, что все беды и проблемы людей (имею в виду вот тех людей, которых я вижу вокруг каждый день, которых ты видишь вокруг каждый день, а не общие идеологические «категории») – от того, что нету любви. Или ее не хватает, или вообще нету; или она искажена, изломана, извращена до неузнаваемости.

И вот что я вижу своими глазами – то, о чем говорил апостол евангелист Матфей, в 24 главе: *И, по причине умножения беззакония, во многих охладает любовь.*

Смотрите – ведь именно это и происходит.

А что такое это самое «беззаконие»?..

Я отдаю себе отчет, что в комментариях на эту тему могут набежать адепты всяких теорий заговора и проч.; но все равно назову это слово, потому что, думаю, это очень важно. И непонятно, что именно это такое – «беззаконие», и как и в чем оно «умножилось»...

Я думаю, в данном контексте поминаемое в Евангелии беззаконие – это то самое, о чем позже говорил гениальный (не побоюсь этого слова) апостол Павел, в этой его знаменитой фразе из письма к солунянам: *Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.*

Тайна, тайна, именно – человеческая, как личность, любовь, вера человеческая есть тайна. Настоящая и подлинная тайна. Ответа на вопрос – а в чем тайна, – и я не знаю, и вы, которые свои скорые персты занесете (ну, если занесете) над комментарием, – не знаете. Но тайна беззакония – точно есть.

---

* Эдемский сад (др.-евр.).

Введение Пречистой Девы Марии во храм.

Вероятно, и Ее родители, и другие окружающие люди что-то думали насчет Нее, как-то видели Ее жизнь, Ее будущее, примеряли, «кем» она будет, – то есть примеряли социальные роли, прикидывали маски, видели не личность, а функцию... Примерно так бывает со всеми и у всех. Я и сам так всегда смотрю на себя, совершенно не различая в тумане тревог, страхов, мечт, иллюзий, кто я сам-то такой.

Как там у Мертона: «Слову не дано постичь голоса, которым его произнесли»^{*}; но слово может полностью довериться этому Голосу – и в Нем обрести самого себя, свою подлинную личность. А это невероятнее, эта тайна – несказаннее, чем какие бы то ни было «функции».

Пречистая – невероятная, не только потому, что родила Сына Божия (это ведь тоже можно свести к функции: «почитаем Тебя за то, что»). Она невероятная, потому что стала самой собой, обрела себя в Боге как личность. В этом – тайна святых.

Подумал: зачем вообще святые пишут книги? Зуд тщеславия, графоманская склонность к писанию? – нет, конечно. Наверно, от одиночества: то, что они обрели, нажили, открыли, – невозможно хранить в консервной банке, надо поделиться; а тем, кто рядом – часто, бывает, рассказывать бесполезно, не понимают, у всех ведь разная жизнь, до кишок и сердца доходит – только свое... Потому пишут – и бросают на ветер, всем. И кто-то, может статься, и через тысячи миль и годы, находит – и опознает как свое, такое бывает. И слава Богу, что бывает.

Свобода человека – это не пресловутая «свобода выбора». Последней часто оперирует враг, искушая человека.

Свобода гораздо глубже, выше, таинственнее.

Знакомый рассказывает: «При входе в торговый центр требуют предъявить куар-код. Сидит молоденький паренек. Я предъявил ему в телефоне свой куар-код. Он долго сосредоточенно всматривался в него, потом пропустил... Поразительно! Что он там разглядел невооруженным глазом?» – «Напрасно иронизируешь, – говорю. – Может, не таким уж и невооруженным, технологии-то широко шагают...»

Тут в одном блоге встретил разговоры про церковные облачения. И стал вспоминать: каков был мой первый подрясник? Вспомнил: он был темно-синий, пошитый из мощного дешевого габардина. Летом в нем было жарко и чесотно, зимой – стеклянно и холодно, но это же – первый подрясник!.. «Его, как первую любовь, России сердце не забудет».

Еще вспомнилось: однажды, в те же далекие 90-е годы, одному деревенскому батюшке добрые прихожанки пошили подрясник. Но, поскольку шить церковных облачений они не умели, они взяли выкройку женского халата и сшили по ней, с вытачками, с выпуклостями под бюст...

---

^{*} Из книги «Семена созерцания» (1949) монаха-трапписта, священника Томаса Мертона (1915–1968).

Подумалось, что «эталон» в отношении святости мы (условные «мы») часто понимаем как внешнее, внешние атрибуты... в то время как эталон (в моем разумении) – внутреннее: любовь ко Христу, страх Божий, Богообщение, покаяние, смирение, отвержение себя... Помните, есть знаменитое: Христос – центр, мы идем к Нему всяк со своей орбиты, и чем ближе к Нему – тем ближе и меж собой... К этому прибавлю: да, ближе; но, становясь друг к другу ближе в движении ко Христу, вряд ли мы становимся – одинаковыми, унифицированными. Неповторимость личности сохраняется, мню.

Святые – удивительные все-таки семечки. Способны прорасти в какой угодно почве, синодальной, буржуазной, советской, хоть в бетонной.

Раз, наверное, в восьмой натыкаюсь в ленте на одну и ту же театральную рекламу: «Испытайте видения режиссера-иконоборца», и раз в восьмой отвечаю одно и то же: «Нам ево и даром не надь, и с дьяньгами не надь».

Сейчас прочел пост про одного голливудского актера (весьма, кстати, хорошего), что вот, мол, у него в возрасте 84 лет деменция, он плохо себя чувствует, и все поклонники боятся, что умрет, и «ах, какой пассаж».

Были времена, когда я бы посочувствовал, но тако, а теперь тоже сочувствую, но инако.

Более всего сочувствую поклонникам актера. Которые, уж не знаю, искренне или нет, решили, что он будет жить на земле если не вечно, то уж каких-то жалких лет 200-300 точно.

И которые так сильно поражены его деменцией.

Когда ко мне приходят люди средних лет и жалуются на своих стариков, я обычно озвучиваю соображение такое: милый ты мой, ну вдруг мы с вами, если Бог даст, доживем до 80 или 90 годов (чего тот же Бог лично мне да не дай! но... тут уж как получится), и что с нами-то будет? Думаете, будем блистать, что ли?.. Не будем, как младенцы, тупые и капризные, под себя срать, не будем и ближних изводить? ну дак и вот.

Что делать? где таблетку от старости и смерти взять, спрашиваете? да откуда я знаю. Давайте пока что тренироваться, что ли, вот на тех самых, кто сегодня есть... тренироваться в любви, если можно так выразиться.

И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие! Ученики ужаснулись от слов Его. Но Иисус опять говорит им в ответ: дети! как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие! (Мк. 10, 23-27)

Сказал, и повторил еще раз. Потрясающе.

Некоторые считают, что тут речь чисто и только о деньгах. Ну или о таких явных «богатствах», на которые можно надеяться вместо надежды на Бога, как крепкое здоровье, таланты всякие, принадлежность к влиятельной и сильной группе и пр.

А ведь самое богатое богатство, например, – нажитый «свой ум» (тот самый ум, которым, и по Толстому, и по Ларошфуко, «все довольны»), жизненный опыт, всё то, чем мы воспринимаем и оцениваем мир, его явления, людей, себя, идею Бога и Самого Бога. Представьте, например, какого качества богатство было в этом отношении у юноши, который с молодых ногтей исполнил *все* заповеди, упомянутые Иисусом (тут хоть какую-нибудь одну на миллиметр пытаешься исполнить, и то!..), причем так, что Иисус по правде «полюбил его».

Последний же враг истребится – смерть*.

Господи, скорее бы уже.

Вдруг подумалось: смерть ведь не просто пассивное не-бытие, ничто, прекращение активности; смерть, напротив, полна люто кипучей активности – активности зла и греха, она квинтэссенция зла; смерть полна войны.

И даже в простом, обывательском смысле, война никогда не прекращается: если не свист снарядов – то разговоры о войне; не война, так «военные слухи»... Актуальность войны отменяет актуальность Христа, делает Его фигурку нелепо торчащей посреди театра военных действий; фигурка эта всегда тут не к месту, путается под ногами, сбивает строй, некуда, не к чему ее приспособить, разве что приколотить на штандарт, да это и то – если есть время, досуг перед атакой... Христа здесь едва терпят (как говорила моя бабушка: «Вперед не забегай, и взади не отставай, и в середине не мешайся!»); люди, живущие войной и заботами войны, говорят мне с сердцем: оставим эти разговоры на мирное время, если только оно будет, на чаепитие в садике при самоваре, при варенье, при пчеле, при выживших домочадцах, оплаченных счетах и нормальном давлении – и эти еще из лучших; обычные – просто кричат, кричат, каждый из кричащих не слышит ни себя, ни друга друга, слышит не себя и не друг друга – каждый и все из них слышат только войну...

Еще цитата; уже – для другого какого-то разговора или размышления... Но пусть тут побудет пока: «Оглашаемый или христианин, желающие стать воинами, да будут отвержены, потому что они презрели Бога» («Апостольское предание» св. Ипполита Римского, гл. 16).

Из будней кота Басё: в рейтинге скорбей у него сейчас первое место, наравне с уколами, занимает страшная трагедия – пока был в больнице, ему подстригли ногти. Басё пошатаываясь ходит по квартире, пытается ногтями драть разные дерущиеся места, в глазах его горит ярость благородная и воспоминания о том, как он всегда любил эти ногти грызть и расплёвывать по всему полу. Так и человек. Всё выдержит – трус, потоп, нашествие иноплеменных, социальные и техногенные катастрофы, а запрети ему в носу ковыряться и шарики катать – и кранты, экзистенциальная бездна.

...Зима лютая. Ангара, поселок Манзя (ударение на «а», по-тунгусски – «яма»), леспромхоз небольшой, самое начало 70-х годов. Мы только что туда переехали. Ходили с отцом в поселковую общественную баню (одно из самых мучительных

---

* 1 Кор. 15, 26.

переживаний жизни – в предбаннике напяливать, надирать майку на влажное туловище...). Идем домой, скрипим – точнее, отец идет, санки везет, я на санках еду, чурбачки рук и ног, укутан, но все во мне дышит, пол-лица отделено от возможного лиха стеной шерстяного колкого шарфа, шарф пахнет любимым, отцовским: папиросы «Беломор», одеколон «Шипр», еще что-то. Мороз, темно, в выси – фиолетовая чернота неба всех цветов радуги, звезды с кулак, ну там все эти кантовские дела, полет, беспредельность, полнота.

Почему Церковь и во все времена, и сегодня, такая невзрачная какая-то, почему правы (хотя и не в самом главном и неокончательно) любые ее критики? Одна из причин (я сейчас не о грехах и немощах составляющих ее человек) видится мне очевидной: потому что она создана Христом, она – Христова. А Он Сам выбрал для себя это крайнее самоуничтожение, соединенность с крайней смертной человеческой невзрачностью, ради любимых Им людей: *недуги наша прият и болезни понесе**. Совершенный кенозис** и совершенное послушание Отцу, и все это в любви и Духом Святым, как-то так.

И некрасивая Церковь все это несет в себе, и иначе она и не могла бы выглядеть перед очами глядящего на нее мира.

О некрасивости земной нашей Церкви (ну то есть что она вот такая, какая уж есть, слабая перед всякими силами мира сего, грешная, делает что попало, достойна всякой критики, и проч., «и пошлые пятки, и грудь колесом»***). По нашим земным психологическим меркам, понятно, какой же влюбленный хотел бы лицедреть, как его возлюбленная обкакалась, какие у ней трещины и натоптыши, перхоть и прочее; какое у нее бывает дурное настроение, какой запах изо рта по утрам... Влюбленный, может, вытесняет из своего поля зрения все это, а любящий – нет. Христос не любит наших грехов и слабостей, конечно, – но любит нас самих и видит все это неблагообразие совсем в ином свете. Он – как любящий и верный муж, проживший с нами всеми как с женой жизнь в браке. Он воспринял на себя всю эту некрасивость как крест, как старик – истерики, памперсы и альцгеймер своей старухи. (Завершить пассажем, что вот, мол, и от нас, христиан, Он ждет того же по отношению к ближним, то есть и к наличествующей днесь церковной организации в том числе, – ну да это и так понятно, тысячи раз говорено).

Сколько вокруг спикеров!

Говорит много, напористо, пафосно, нетерпимо, доказательно и со знанием дела, широко и активно разевая рот, как персонаж из «Маппет шоу»... приглядишься – и точно: вон из зада у него торчит рука кукловода.

Еще о притчах Христовых.

Где-то в голове звучат слова, вроде бы – Льюиса, точно не помню из которой книги, но смысл их таков.

* Мф. 8, 17.

** *Кенозис* – Божественное самоуничтожение Христа через вочеловечение вплоть до вольного принятия Им крестного страдания и смерти.

*** Из стихотворения Николая Олейникова «Чарльз Дарвин» (1933).

Христианство – юродиво по своей сути и противостоит мейнстриму. Всякому времени оно бросает в лицо то, о чем время забыло, или то, о чем время предпочитает помалкивать. Если общество сурово и жестоко, ригористично, – ему более всего напоминают о Божьем милосердии; если общество всеядно, расплывчато, как силикон, – ему напоминают о Божьей строгости и святости. То есть во всякое разное время христианство – как то делали всегда пророки – поворачивает под угол зрения, выпячивает ту или иную, как правило, непопулярную днесь, добродетель.

Так что сегодня, трактуя притчу про мытаря и фарисея, я вполне отдаю себе отчет, что мытарево возгласие Богу о милости современностью вполне себе трактуется так: «Зачем все эти обряды, законы и молитвословия, достаточно сказать пару слов от сердца!..», что подразумевается как пандан к пресловутому слогану нецерковных: «Бог у меня в душе, и нафига ваша Церковь».

Э нет, ребята, хочу сказать я. Общество Израиля тех времен было насквозь религиозное. Конечно, как и все смертные человеки, отдельные израильтяне грешили и пытались повернуть закон так и сяк в свою сторону; и были там такие даже частности, типа знаменитых сундукеев, близких к партии правящего класса и «не верящих в воскресение». Но это именно что частности, а в основном Израиль был крепко верующим в Бога Единого и признающим незыблемость Его заповедей.

Так что ваши гнилые телеги про «Бог у меня в душе» в данном случае не прокатывают.

Понять смысл притчи Христовой о мытаре и фарисее может только тот, кто большую часть жизни живет в заповедях Закона. И фарисей старался его соблюдать, и мытарь старался, он, уж простите, никак не был атеистом или там «розовым бесполом пони» в современном понимании. Оба они были верующие иудеи. И только со стартовой площадки общей веры и заповедей Закона можно начинать что-то про них трактовать.

Как-то сидели мы за обедом в трапезной при соборе. Какая-то тетенька громко говорила, сетовала на молодежь, что они вечно в гаджетах и книг не читают и идут напрямик в геенну огненную, и как она у сына своего школьника забрала телефон и заставила читать Жюль Верна, вот какая она дескать православный молодец. Сидевший рядом со мной иеромонах вслух ответил: «А я, помню, сильно любил в юности Жюль Верна читать. А потом в тюрьму угодил на полгода...».

Установившаяся звенящая тишина была лучшими аплодисментами для сей краткой проповеди.

Памяти прекрасной эпохи.

– Отгадай, что за зверь: лежит у дороги, всем проходящим задает загадки, кто не ответит – убивает.

– С человеческим лицом зверь?

– С человеческим.

– Социализм.

Где-то в ленте встречал чьи-то слова: «Ученые бывают разные. Бывают ученые от Бога, бывают – с Божьей помощью, бывают – Божиим попущением».

Еще более это относится к священнослужителям.

Сегодня в этом, как его называют, в «православном секторе рунета», много всяких толкований на притчу о блудном сыне.

Не хочу их множить, ну вот поверьте...

Одно примечу: такой блудный сын, и умный, и совестливый, думается мне, – не может не возненавидеть самого себя. В тот ли момент, как очнулся у корыта с рожками, чуть позже ли, чуть раньше...

Тошнить начнет от самого себя.

Он же понимает, что наделал.

А, ребята, это осознание – это ад.

В аду не только окружающимися томятся – сами себя ненавидят. И от самих себя опростаться не могут...

Почему покаяние и считается первейшей скорой помощью против: кому-то выложить – не себе! большому, важнейшему, чем я, – чтоб чирей вскрыли.

Раскаяние... нет, это не то: там всё изливаешь именно самому себе; там всё само в себе замкнуто, там только в тлеющую совесть подливается бензин, только ненависть к самому себе увеличивается... а вот покаяние – это выход, там, где написано «выхода нет».

Милосердие как чудо, если по-простому рещи.

И оно – есть.

Лично свидетельствую.

Не то чтоб «с небес ангел» – а просто есть. И через людей, и через обыденности, по-всякому. Бог придумает, у Бога всего много.

Есть.

Бог пришел в нашу историю и в нашу конкретную жизнь и никогда, ни за что не оставит ни меня, ни тебя, ни вон того, никого.

Потащит и вытащит.

Неделя о Страшном суде сегодня.

Притча о Суде – широко известна...

Думаю: ох как ошибаются те, которые, ссылаясь на притчу, думают спастись одними только «добрыми делами», а внутри – не трогать свои залежи суетности, ненависти, осуждения, поисков врага, самопревозношения, немилости, непокаяния, нелюбви... Да и не получатся добрые дела для ближнего, если не трогать себя – внутреннего.

И пойдут одни – в муку вечную, другие – в жизнь вечную*. Ну сколько можно рассуждать о том, что вот, мол, за что Бог создал ад, за что туда пошлет на муку!.. С собой я всё принесу на Суд, с собой. Изнутри меня всё выйдет и станет – моей наружей...

---

* Мф. 25, 46.

Бог может и даже хочет простить абсолютно всех. Но если покаются. Видимо, для тех, кто не ведал, что творил, Он на кресте не исключил возможности прозрения, ведения и покаяния.

В разговоре с одним человеком (позиционирует себя индуистом, живо интересуется христианством), вдруг торкнуло: вне личного, личностного – нет ничего живого. И всё живое в нашем мире – личностно, всё возводимо к Отцу, Сыну и Духу, Богу Единому, живой Личности. И человек имеет личное участие во всем живом – и личную ответственность, перед всем живым и за всё живое. Как-то так, точнее не могу выразить.

Сегодня после Литургии, выйдя для отпуска и посмотрев на собравшихся людей, подумал: а ведь благодать Божия, которую я, ты, ты, вот они, она, чувствуем здесь и сейчас в храме, – сложна. Наверняка какая-то часть этой благодати – это и благодарность нам, от тех, о ком мы молимся, от живущих или ушедших, далеких или близких, любящих или ненавидящих нас. Молимся – хоть как, как можем, истово ли, торопливо ли, на бегу или вдумчиво, с какими-то чувствами или не особо... Эта благодарность непременно есть, просто мы иногда не знаем о ней, не чувствуем ее, иногда она – таинственна. *Тайнообразующа*, как говорится (кого образующая?.. что?..). Она – есть, ведь молитва – еще и вид связи между.

Сегодня – великопостная Родительская суббота. Поминал всех, в том числе и тех, чьи имена прислали френды в ФБ и в Телеграме...

Из книги Михаила Кунина «Отец Александр Мень»:

«Он говорил мне, что на отпеваниях и похоронах он испытывает разные чувства, – вспоминает Владимир Илюшенко. – «Иной раз начинаешь отпевать – как будто камни таскаешь в гору, а в других случаях наоборот – необыкновенную легкость ощущаешь». Это не зависело от того, знал он покойного прежде или нет, – это зависело исключительно от «качества» покойного, от того, какую жизнь он прожил. Сколько он их перевидал!..»

Думаю, всё это знакомо и мне, и другим священникам...

(Еще – немалое значение имеют те, кто собрался вокруг гроба на отпевании, молятся ли они вместе с тобой, вместе с Церковью, или нет).

Сорок мучеников Севастийских.

Сегодня служил Преждеосвященную. В конце, перед тем как давать крест, много проповедовать не стал, но сказал братьям и сестрам то простое, о чем думал сам. Ведь эти мученики, воины знаменитого 12-го Молниеносного легиона, Legio XII Fulminata, сформированного еще Юлием Цезарем и просуществовавшего почти пять веков, были – кадровые солдаты, воевать умели хорошо, и все были вооружены. Но на насилие со стороны начальства, принуждавшего их приносить языческую жертву, они в ответ не подняли мечи – они применили совсем иное оружие: смирение, кротость, прощение мучителей, веру, то оружие, которое им дал Христос.

Вчера вечером у нас снова был сильный пожар, эпицентр – снова в районе дач близ ж.д. станции. Успели погасить (сгорело 300 гектаров леса, 20 домов. Но люди вроде бы не пострадали). Немало помогло то, что к ночи ветер утих, а ночью – пошел дождь...

Несколько прихожан, да и не только прихожан, а людей, просто зашедших в собор, не сговариваясь, рассказывали, что сегодня ночью видели необычные. яркие сны. В большинстве случаев – видели Богородицу. Одна женщина во сне увидела какую-то поразившую ее икону Богородицы, «как живую», наутро специально приехала в собор, но такой иконы не нашла. Другая – что видела во сне всех нас, местных священников (назвала меня и других по именам), над нами – синее небо, в нем – Богородица, а на небе написаны какие-то очень важные слова, но она их не запомнила, только последнее слово: «ПОМНИТЕ!», а о чем – тоже внятно сказать не смогла.

Все мы знаем, что снами увлекаться не следует и т.д., но... не смог не поделиться.

День преподобного Иоанна Лествичника. Лестница в небо... Все отцы в голос говорят важное насчет этой лестницы: на ней нельзя останавливаться. Если думаешь, что всё, харэ, вот этой благодати, этого добра и этой духовности мне и так хватит, буду здесь жить, – скатишься вниз. Движение вперед – жизнь, остановка – смерть.

О. Игнатий умер вчера, после операции на поджелудочной, не приходя в сознание. Сначала ушел в очередной запой, оттуда – в реанимацию с диабетическим кетоацидозом и кучей прочих болячек, и вот... 47 лет. Завтра, в Лазареву субботу, отпеваем его у нас в соборе, а хоронить повезут в Кочергино, на монастырское кладбище.

Может, кто-то помнит из разных моих записок воспоминания про некоего иеромонаха N, который пошил себе красный подрясник? Которому на Рождество в деревне благотворители-торговцы подарили чемодан бюстгальтеров? Который не выспался, потому что ночью молился за весь мир, вымолил (условно) Бразилию, а впереди – Монголия? Который... в общем, там можно книгу собрать. Вот, это о. Игнатий (он, кстати, как-то хотел было все свои истории записать, да не успел). Истории там, правда, такие... пользуясь образами романа Пелевина, я бы не рискнул «записать их на храмовый целлулоид», они все смешные, местами страшные, острые, неканоничитийные, а рассказчик он блестящий. Но все – подлинные, а не знал бы я о. Игнатия и всего этого сам, а где-то прочитал бы – думал бы, выдуманно...

Зачем Господь воскресил Лазаря?

Думаю, это тайна, и никто не знает, зачем.

Конечно, есть известные ответы.

Одни скажут: «Потому что Он любил его!», и в Евангелии же так сказано.

Другие скажут: «Чтоб показать чудеса и силу Божию, чтоб неверующие поверили!»

Третьи скажут: «Лазарю была уготована великая миссия быть епископом на Кипре!»

Да, все эти доводы знаю, и все они резонны. Но сам в себе особого созвучия этим ответам я не шибко-то нахожу. Чувствую: нет в них всей правды. (Все реплики далее – от себя самого привожу, на «учительность» не претендую).

Чудеса явить? Да кого убеждали чудеса?.. Вон те же фарисеи и книжники – не только Иисуса искали убить, как свидетельствует Иоанн, но и того же Лазаря. Чтоб не портил имаго мунди*. Не колебал бы веры в людях. Если мне, например, кто портит мой имаго мунди, оскорбляет теми же чудесами мои религиозные чувства, мои убеждения сомневает, – да я сгоряча разорвать готов. Да и вообще, стал бы Господь манипулировать живым человеком ради проповеди, его жизнью и смертью?..

Ну, насчет «величия» быть епископом, хоть на Кипре, хоть где бы то ни было – вообще лучше помолчу.

Любил друга Лазаря? И ради этого не дал ему умереть, упокоиться? Не отпустил? Поступил бы я так со своим другом? Вы бы поступили? Вон мы вчера вечером в морге о. Игнатия обряжали к погребению, в многочисленные монашеско-иерейские облачения, – вернул бы я его сейчас в жизнь, вот в *эту* жизнь, в годы его борьбы и вполне себе адских мук, в которых он пребывал заживо?..

Вообще, может, я-то бы так и поступил, с каким-нибудь любимым мною человеком. Из эгоизма. «Ой да на кого же ты меня покидаешь». «Ой да как же я-то буду без тебя». «Мама/папа, не спи, не смей спать, будь со мной из-за меня, мне страшно, мне скучно, хочу пить, и писать, и сказку, и не с кем поиграть».

Конечно, скажете, что сравнивать нельзя, что «Его мысли – не наши мысли».

Но ведь и я про то же говорю.

Зачем воскресил – неизвестно, тайна.

И то, и другое, и третье, и десятое – все доводы, вероятно, имеют место быть в этом потрясающем событии, и про любовь, и про чудеса, и что там еще множества проповедников про это говорили и говорят, – но в основе всего и больше всего – тайна великая.

А я смотрю на мир, людей, Бога – и не вижу этой тайны, я слеп и слаб и туп, очи имею и не вижу, уши имею и не слышу, а вижу обрывки, моменты, по которым – туда же! – составляю «мнение», и по этому мнению пытаюсь и свою жизнь устроить, и сужу мир, людей, Бога...

Тайна воскресения Лазаря, связанная с тайной Христова Воскресения.

Которое и я испытаю, потому что хочу этого. По крайней мере, думаю, что хочу. Хотя ничегошеньки не понимаю и не знаю об этом.

Может, так и лучше, и милосерднее – не знать.

Потому что сильно подозреваю: воскресение будет – не приятное просыпание под пение птичек, лучики солнца, аромат сваренного (кем-то, пока я дрых) кофе, и впереди каникулы и релакс.

Воскресение будет – взрыв. Удар.

* Образ мира (лат.).

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь»

По сравнению с которым все, что я до сих пор знал об ударах, как пух одуванчика под шквальным ветром.

«Боль – признак того, что ты жив».

Примечательные слова, я сам их не раз употреблял, и в стихотворении как-то раз, и в беседах – неоднократно.

Всё так, боль – признак того, что ты жив.

Господи, но всё же как тяжело, когда это – единственный признак...

Господи, утешь, помоги тем, кому сейчас больно.

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...»

На вопросы ВС отвечает поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

– Когда мы договаривались об этой беседе, вы написали, что ждете «небанальных вопросов». На фоне огромного количества интервью и задававшихся вам вопросов трудно, конечно, найти что-то новое, небанальное... К тому же в этой рубрике у нас довольно традиционный набор вопросов о «поэзии и вере». Поэтому простите, что начну с банального, биографического. «Верующим я был всегда, но я не был церковным человеком» (вот уже начинаю цитировать из интервью...). А когда это пришло в стихи? Или в ваших стихах эта христианская тема была уже изначально?

– Атеистом я не был смолоду. Но считал, что у меня свои отношения с Творцом и посредники мне ни к чему. Хотя в детских впечатлениях много бытовых церковных вкраплений: например, красный угол с лампадкой в доме у бабушки и т.п. Крещения своего, конечно, не помню: меня крестили в младенчестве, чуть ли не втайне от мамы, которой могло бы не поздоровиться на ее службе, если бы это узналось.

Религиозная тема стала впервые важной составляющей творчества, когда после университета я уехал из Москвы работать на Соловки. В таком знаковом месте обострилось не только мое гражданское, но и религиозное чувство. С тех пор тема поруганной большевиками Русской Церкви никогда меня не оставляла – буквально до наших дней. В первом номере «Нового мира» за этот год в одном лирическом стихотворении она «вдруг» прозвучала вновь:

Тогда другою была Отчизна –
ее растерзанные обители,
ее подспудная укоризна.

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...» На вопросы ВС отвечает поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

– *А насколько о христианстве говорили и думали в кругу «смогистов»?* Пусть даже на уровне каких-то образов, идей (для середины 60-х это уже было революционно)? У Губанова христианских образов довольно много в стихах, хотя и в очень неожиданных, порой сомнительных (даже художественно, не говоря уже – религиозно) сочетаниях...*

– Тогда в самиздат религиозное еще не пришло. В этом смысле Губанов опередил время. Будучи человеком религиозным, он совмещал эту тему с, так сказать, русской вольницей есенинского типа.

– *И, раз уж спросил о СМОГе, – вопрос немного в сторону (тут у меня, скорее, профессионально-философский интерес). В СМОГ входил историк философии Арсений Чанышев, ничем особенно ярким, на мой взгляд, в науке себя не проявивший, но как личность, как тип «советского философа» – довольно интересный. Вы помните его?*

– Очень смутно. В ту пору кто только не называл себя смогистом! То была потребность значительной части столичной интеллигенции отмежеваться от обрыдлой советской идеологии. СМОГ был первым неподцензурным объединением после войны. Официальная литературная карьера, конечно, нам не светила. Но зато мы дышали кислородом, не отравленным никакой конъюнктурой.

– *А когда у вас возник интерес к русской религиозной философии? В одном интервью вы связываете его с периодом своей вынужденной эмиграции: «проштудировал книги выдающихся русских мыслителей, высланных большевиками в 1922 году»; упоминаете Семена Франка... Задаю этот вопрос, поскольку, как мне кажется, философия (именно религиозная) и изобразительное искусство – это два очень важных, если не основных, «внелитературных» источника вашей поэзии.*

– Оказавшись в эмиграции в 1982 году, я, разумеется, с жадностью набросился на все то, что удавалось заполучить в России с огромным трудом на короткое время, да еще и в бледной машинописи. Но читать русских мыслителей, слава Богу, у меня появилась возможность еще в 1974 году, когда я оказался в дружеском сообществе московских «неофициальных» интеллигентов. Тогда я прочитал «Вехи», «Из глубины», несколько книг Льва Шестова, Николая Бердяева, Семена Франка и других. Это типично для многих из моего поколения: мы приходили в религию не через отцов церкви, а благодаря Достоевскому, даже Толстому, ну и русским философам.

– *У поэта, пишущего то, что можно назвать «духовной лирикой», есть, как правило, какие-то свои, наиболее близкие ему тексты из Священного Писания... Есть ли такие у вас?*

---

* СМОГ («Смелость, Мысль, Образ, Глубина») – литературное объединение молодых поэтов, созданное Леонидом Губановым, Юрием Кублановским и Владимиром Алейниковым в 1965 году. Одно из первых в СССР независимых творческих объединений.

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...» На вопросы ВС отвечает поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

– Ну, разумеется. Это – Крестный путь Спасителя, а также рождественские и пасхальные страницы Евангелия.

– *Кстати, если говорить о последних опубликованных стихах: кто этот Иоанн, которому посвящено стихотворение «Роза» (из январского «Нового мира» за прошлый год)? Иоанн Предтеча? Иоанн Богослов? Иоанн Златоуст? Или какой-то другой?*

– Это «просто-напросто» мой старший внук Иоанн. У моей дочки восемь детей: две дочери и шесть сыновей. Иоанн – начинающий театральный режиссер. Я написал это стихотворение в его присутствии и решил его ему посвятить.

– *Благодарю, теперь понятно... С 2010 года вы входите в Патриарший совет по культуре. Это больше некое почетное, формальное членство – или что-то удалось сделать, по крайней мере – поднять какие-то вопросы?*

– Честно сказать, это, пожалуй, именно так. Но у себя на родине в Рыбинске, если я обращаюсь к властям с какой-либо просьбой, это добавляет моей фамилии весу. А следовательно, есть шанс быть лучше услышанным. К сожалению, есть в нашем Патриаршем совете люди мне чужие. Например, одна дама, которая в думский комитет по культуре включила первым делом Макаревича и даже... некоего Шнура.

– *Вы не идеализируете современное положение РПЦ: с горечью пишете и о ее чрезмерном пиетете перед властью имущими («Новый мир», 2013, № 3), и о засилье «масс-бизнес-культуры около нее, в ней» («Новый мир», 2021, № 6). Преодолимо ли это, на ваш взгляд, и если да, то как? Или это просто стоит воспринимать как неизбежную «уступку времени»?*

– Прежде всего, я хочу поблагодарить вас за внимательное ознакомление с моей публицистикой.

В начале 70-х годов я прочитал открытое самиздатовское письмо Солженицына патриарху Пимену, – оно произвело на меня тогда очень сильное впечатление. В ту пору я был особенно горячо жаждущим и алчущим правды молодым человеком и никакие компромиссы меня не устраивали. Последние семь лет до эмиграции я сам проработал при церковных приходах в Москве и Подмосковье дворником, истопником, сторожем. Не секрет, что церковная изнанка была тогда очень некрасивой: страх перед советской властью пронизывал всё и вся. Я не тотчас понял его подоплеку, уходящую в 20-е и 30-е годы, когда гонения на нашу Церковь были пострашнее, чем в древнем Риме. Теперь я понимаю, что Церковь в ее повседневной житейской ипостаси – часть общества. А потому имеет много не столько своих, сколько его родимых пятен. Но, несмотря на это, приходская жизнь – лучшее, что есть сегодня в России.

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...» На вопросы ВС отвечает поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

– И еще один традиционный для этой рубрики вопрос. Кто из современных русских поэтов, пишущих на, условно говоря, христианские темы, вам близок? Насколько могу судить по вашим отзывам – Олеся Николаева, Светлана Кекова... Кто-то еще?

– Добавлю сюда Марину Кудимову и некоторых, не буду перечислять их имен, поэтов-агностиков, которые, однако, все-таки ближе к религии, чем к атеизму. За что я не терплю советскую поэзию, так это за ее антирелигиозный пафос, который вызывает у меня тошнотворное чувство. Теперь поэтам не надо присягать атеизму, и это вселяет надежду, что современная поэзия не потеряна для русской культуры.

* * *

Купина небес неопалима.
Колосятся иней, снег.
Ночь светла от голубого дыма.
Темен мой ночлег.
И хрустят дорожки в дольном мире,
днем горевшем золотым огнем,
чтобы было и тесней и шире
мне в Отечестве своем.

...Рабьим страхом душу не унижу:
этот снег и жечь,
черный сад и голубую крышу
я беру как есть
– в жадном тигеле расплавить снова
– Господи, благослови –
косность речи и свободу слова,
дар Твоей любви.

1978

Из цикла «Сумерки на Босфоре»

С каждым годом всё тяжелей бывает
мне читать евангельские страницы
про арест, и пытки, и поруганья,
и уж вовсе, вовсе невыносимо
про предательство Петром Иисуса,
перекрытое петушиным криком.
Будто сам себя я при этом вижу
у костра, и жарко лицу, но холод
по спине бежит, и сжимают сердце
мне тиски предчувствия новой веры,
новых бед несметных
и упований.

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...» На вопросы ВС отвечает поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

Скоро одряхлеют арены Рима,
все его триклинии и парилки,
и завалит густо идущим снегом
нашей кровью пропитанные опилки.
Провиденье русским обрубит лапы:
не видать им тусклых огней Босфора.
Но не быть ему и под властью Папы.
Не пойму, кому здесь дается фора.
Неужели Всемирному Халифату?
Но пока – сиреневому закату
в глубине гостиничного коридора.

5.V.2013

* * *

Отчаянный холод в мертвом заводе, пустые стены
и бушующий ветер, врывающийся в разбитые
стекла окон. Жизнь замерла. Доносятся тревожные
крики чаек. И всем существом ощущаю ничтожество
человека, его дел, его усилий.

*Из последнего письма о Павла Флоренского
с Соловков (4.VI.1937)*

Волны падают стена за стеной
под полярной раскаленной луной.

За вскипающую зыбью вдали
близок край не ставшей отчей земли.

Соловецкий островной карантин,
где Флоренский добывал желатин

в сальном ватнике на рыбьем меху
в продуваемом ветрами цеху.

Там на визг срываться чайкам легко,
ибо, каркая, берут высоко

из-за пайки по-над массой морской
искушающие крестной тоской.

Все ничтожество усилий и дел
человеческих, включая расстрел.

И отчаянные холод и мрак,
пронизавшие завод и барак,

хоть окрест, кажись, эон и иной,
остаются посегодня со мной

Грех роптать, когда вдвойне повезло:
ни застенка, ни войны. Только зло,

«Теперь поэтам не надо присягать атеизму...» На вопросы ВС отвечает поэт Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

причиненное в избытке отцу,
больно хлещет и теперь по лицу.

Преклонение, смятение, боль
продолжая перемалывать в соль,

в неуступчивой груди колотьба
гонит в рай на дармовые хлеба.

Распахну окно, за рамы держась,
крикну: «Отче!» – и замру, торопясь

сосчитать, как много минет в ответ
световых непродолжительных лет...
1999

Источник

...Чем листья зыбистей, слоистей
и вовсе занесли крыльцо,
тем интенсивней, золотистей
становится твое лицо.
Хоть на запястье бледен все же,
когда ты в куцем свитерке,
со свастикой немного схожий,
едва заметный след пирке.
И нестеровская с цветными
вкраплениями серизна
навек с родными
возвышенностями и иными
пространствами сопряжена.

...Когда в приделе полутемном
вдруг поднял батюшка седой
казавшееся неподъемным
Евангелъе над головой,
мне вдруг припомнился витии
ядоточивого навет:
заемный, мол, из Византии
фаворский ваш и горний свет.
Пока, однако, клен и ясень
пылают тут со всех сторон
в соседстве сосен, –
источник ясен,
откуда он.

«Писать икону – это таинство...»

О ташкентской иконописной мастерской

От редакции. Десять лет назад в одном из служебных зданий недалеко от ташкентского Свято-Успенского собора была открыта иконописная мастерская. О ее работе, сотрудниках и о том, что такое православная иконопись сегодня, редакция ВС побеседовала с руководителем мастерской **Михаилом СОРОКИНЫМ** и одной из ее сотрудников, художником-иконописцем **Александрой (Рано) КИСТ**.

– Расскажите, пожалуйста, как была создана иконописная мастерская при ташкентском Свято-Успенском кафедральном соборе.

М.С. Иконописная мастерская была открыта по благословию владыки Викентия в 2012 году. Изначально она замысливалась как иконописная школа, и потому через нее за десять лет прошло довольно много людей. В процессе становления многие, конечно, отсеялись.

– Кто трудится в мастерской? Как попадают в нее?

М.С. Трудятся в ней совершенно разные люди, разных возрастов, профессий, разного уровня подготовки (кто-то пришел после художественных учебных заведений, кто-то вообще не имел образования и какого-либо опыта). В нашем деле людей объединяет вера, трудолюбие, смирение...

А.К. У нас замечательный коллектив. Сегодня в мастерской трудятся Любовь Нелюбович, Ирина Кокозиди и ее сын Владимир, Елена Шеламонова, Людмила Емелина, Екатерина Макарова, недавно к нам присоединилась Елена Галиева... Сама я в иконописную мастерскую попала случайно, после смерти моего мужа, – хотя, наверное, и не случайно. Иконопись и роспись храмов – для семьи нашей не чуждое направление*. Сама я – профессиональный художник, окончила художественное училище имени Бенькова в Ташкенте, отделение живописи, и стажировалась

---

* Супруг Александры Кист, *Александр Алексеевич Кист* (1937–2018), доктор химических наук, действительный член Российской Академии естественных наук, был племянником иконописца инокини Иоанны (Рейтлингер), духовной дочери протоиерея Сергия Булгакова, долгие годы жившей в Ташкенте (см. о ней: *Белевцева Н.* Ташкентский круг сестры Иоанны (Рейтлингер) // ВС. 2016. № 3 (XLI). С. 75–83).

в Варшавской художественной академии. По благословию владыки Викентия прослушала вечерние катехизаторские курсы... Коллектив мастерской, в котором я имею честь работать, сложился задолго до моего появления здесь.

– Как вообще становятся иконописцами?

М.С. Легче всего сказать: «По промыслу Божьему», и это будет совершенная правда. Одни приходят в иконопись через профильные учебные заведения, другие совершенно случайным образом. Если говорить о нашей мастерской, то есть здесь люди, которые хотели и искали возможности заниматься этим делом, есть и те, с кем просто пересекались на каких-то посторонних объектах. Например, с Владимиром Байдаловым мы познакомились во время росписи детского дома-интерната. Мне в тот период нужен был сотрудник в мозаичную мастерскую. Владимир заинтересовался, откликнулся, и мы достаточно долго и плодотворно трудились вместе. Наверное, без его участия нашей мастерской не было бы выполнено ни одной мозаики. Были и те, кто не задержался у нас надолго. Бывает ведь, что люди заканчивают профильные вузы, но со временем, в силу тех или иных обстоятельств, уходят из профессии. А в иконописи, как и в любом другом искусстве, чтобы добиться реальных результатов, необходимо очень много трудиться.

А.К. Иконописцем может стать только православный христианин, и это правильно. Иконы ведь пишутся в сопровождении молитвы, начинаешь работу и заканчиваешь с молитвами.

– А как выглядит рабочий день в мастерской?

М.С. Чтобы ответить на это вопрос, наверное, было бы правильным прийти в мастерскую и понаблюдать со стороны. Для меня многие процессы уже стали обыденностью, а человеку стороннему они могут показаться очень интересными. Наверное, как и в любой другой профессии.

– Что было уже сделано за время существования мастерской?

М.С. Самое главное – были подготовлены специалисты, которые могут писать иконы, изготавливать мозаики и участвовать в росписи стен храма. Если говорить о конкретных работах, то это росписи усыпальницы и нижнего придела храма во имя Царственных страстотерпцев, алтарь храма во имя Александра Куштского в Чиназе. Множество мозаичных икон, украсивших храмы Ташкентской епархии: это и Кафедральный собор, и храм женского монастыря, и семинария, и старая епархия, и часовня во имя святого Георгия, и храм в честь Иоанна Кронштадтского в Кувасае; множество икон для Епархии. В данный момент мастерская работает над иконостасом для храма Покрова Пресвятой Богородицы в Дустабаде.

А.К. Для меня самым главным событием была роспись церквей в Солдатском, в Чиназе и уникальной часовни при Успенском кафедральном соборе, придел апостола Фомы.

– Мозаичные иконы, украсившие Свято-Успенский собор, другие православные храмы и здания епархии, – техника в церковном искусстве Узбекистана достаточно новая. Как она появилась в наших краях, и как происходит работа над мозаичными иконами?

М.С. Если говорить о самой технике исполнения мозаичного панно, то она здесь далеко не новая, в Ташкенте были и есть мастера, которые в этом неплохо разбираются. Тут скорее дело не в самой технике набора мозаики, а в ее содержании. Для того, чтобы изготовить мозаичную икону, необходимо разбираться в канонах церковного искусства. Работа над созданием панно происходит практически так же, как и над написанием иконы. Сначала подбираются образцы, желательно древних авторитетных мастеров или школ, при необходимости разрабатывается иконографическая схема, затем – эскиз, и уж затем по эскизу, по благословению духовенства, набирается сам образ.

– Возникают ли у наших иконописцев какие-то контакты с иконописцами из других городов и епархий? Известно, например, что несколько лет назад над росписями в Свято-Успенском соборе, других храмах нашей епархии работали иконописцы из Екатеринбурга...

М.С. Да, по возможности поддерживаем связь с мастерами из России, а когда кто-то приезжает к нам поработать, то стараемся обмениваться опытом. Некоторые из учеников нашей мастерской проходят стажировку в иконописных школах России.

А.К. Ярким событием было знакомство с Геннадием Викторовичем Поповым, более двадцати лет возглавлявшим музей Андрея Рублева в Москве, и его супругой Брониславой Борисовной Поповой. Беседа с этими людьми поменяла мое отношение ко многому... Новый серьезный опыт пришел в Солдатском, когда довелось работать с московскими иконописцами в Покровском монастыре. Это было знакомство не только с новой деятельностью, но и с интереснейшими людьми. Москвичи делились своими знаниями, умениями, опытом, этот этап моей жизни стал переломным. В какой-то момент я поняла, что наконец-то нашла свое призвание. Но впереди много было сложностей, не все дается легко. Для меня в овладении секретами иконописи также стало знаковым знакомство с Николаем Шушалыковым, иконописцем из Екатеринбурга... Светлая память добрейшему человеку и талантливейшему иконописцу!

– Над чем сейчас трудится мастерская?

М.С. Сейчас мы работаем над росписью храма во имя преподобного Александра Куштского в Чиназе. Пишем иконостас для Покровского храма в Дустабаде.

– Были ли какие-то особенно памятные эпизоды в работе мастерской?

«Писать икону – это таинство...» О ташкентской иконописной мастерской

М.С. Выделять особые моменты в работе достаточно сложно, потому что каждая серьезная работа – это маленькая жизнь, за время которой могут происходить те или иные события.

А.К. Да, писать икону – это таинство, особое состояние и отношение к тому, что ты делаешь. Сложно передать словами этот трепет и свое чувство...

Алексей УСТИМЕНКО

Перелистывая прежние дни...

Отрывки из дневника, начатого 10 апреля 1962 года*

1 февраля 1967 г. Среда.

Писали с начала рабочего дня и до конца. Я вот уже третий день мучаюсь с двумя заметками. Олег (редактор многотиражки «Строитель») заставляет переделывать раз по пять. Вроде написано отлично. Но как только он начинает читать, обнаруживается уйма ошибок. Главное – стилистических. Я, собственно, рад, что со мной здесь не «играют», как в Колывани**, и не переделывают, и не обрабатывают бессловесно (и не совсем внимательно), как в «Молодости Сибири». Здесь я целиком и полностью погрузился в литературно-газетное дело. И хотя тематика материала, его выбор ограниченнее, я рад. Мне кажется, что я даже полюбил конкретный и всеобъемлющий газетный слог. А редактор всё занимается и занимается моим образованием. Дома мои столы завалены справочниками, словарями, учебниками по стилистике, которые он мне принес для самостоятельных занятий.

Наконец сегодня, после около пятикратной переделки мною зарисовки, Олег Лукьянов остался доволен:

– Ведь можешь же!

Если я когда-нибудь выберусь «в люди» на литературном фронте, то первый человек, которому я должен буду сказать спасибо, будет он. И мои дорогие и немного наивные школьные учителя.

Сегодня я перебирал и перечитывал свои уже опубликованные работы. Удивительно, но пока я нашел только один свой труд, который, по-моему, способен нравиться и более всех удовлетворяет сегодняшним требованиям. Это помещенная в «Трудовой правде» рецензия на фильм «Приключения Вернера Хольта»***.

Из Ташкентского университета пришло письмо с подробнейшими данными о нужном мне факультете. Одно огорчает – обучение на факультете журналистики «только вечернее и заочное». Но – по предварительном размышлении – буду пытаться поступать. Конкретнее пока не знаю.

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (LVI–LVIII), 2021, 1–2 (LIX), 2022.

** В 1966 г. А. Устименко работал в районной газете «Трудовая правда» в поселке городского типа Колывань Новосибирской области.

*** Кинофильм режиссера Йоахима Кунерта (ГДР), вышедший на экраны в 1965 году.

2 февраля 1967 г. Четверг.

Встал в семь часов. Через час был в редакции. Необходимо перепечатать «остатки» заметок, идущих в номер. Олег печатал на машинке, а я диктовал. Однако к десяти часам сдать их в набор не смог: приехал в типографию в 11.30. Начальник цеха ругался. Мастер тоже.

В общем, пришлось изрядно краснеть за свои «грехи». Жалко только, что когда начальник цеха начал грозить актом за срыв номера и еще чем-то, он вошел в экстаз и его речь потеряла связность мысли.

Приступил к верстке после обеда. Всё прошло неплохо, так, во всяком случае, казалось мне. Но когда оттиск отнесли в корректорскую, а через некоторое время вернули, я ужаснулся... Мною пропущено в тексте своей же статьи два абсолютно одинаковых абзаца. Один выкинули. Образовалась «дырка», которую пришлось заполнять ранее сокращенными (материал «не лез») и вновь набранными мыслями. Шеф, который к этому времени уже приехал, остался недовольным. Правда, потом я уже немного опять вырос в его глазах – исправил не замеченные им ошибки, но – настроение упадническое...

Кончили верстку к четырем часам. А надобно к двум(!).

На обратном из типографии пути зашел в книжный магазин «Знание». Купил две книги: С. Гершберга «Завтра газета выходит» и И. Зыкова «Три аксиомы», а вчера приобрел «Поэтический словарь» А. Квятковского.

Шеф сегодня один раз похвалил за переделанную мной заметку, ту же, что и вчера.

...Скороговорка: «Корректоры исковеркали»...

3 февраля 1967 г. Пятница.

Привез из типографии газету и занимался какой-то мелочью. Обнаружилась одна ошибка, допущенная, в общем-то, по моей вине.

4 февраля 1967 г. Суббота.

Вчера вечером, по долгу службы (профессия – журналист), проводил рейд вместе с дружинниками. Следили за порядком на улицах. Загнали одного пьяного в <его> собственную квартиру.

Дежурству посвятил все послерабочее время, думал делать репортаж, но что-то нет мыслей.

...Дети детского сада ругаются:

– Ну, ты, из Китая!..*

5 февраля 1967 г. Воскресенье.

Весь день просидел в читальном зале, с наслаждением увлекаясь «Лезвием бритвы» И. Ефремова. В перерыве повторял русский язык. Вечером мечтал занять-

---

* 4 февраля 1967 г. в связи с обострением отношений с Китаем вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об усилении охраны государственной границы СССР с Китайской Народной Республикой».

ся немецким, но помешал Сергей. Он пригласил меня в гости к своей сокласснице. Я пошел.

Живет почти на площади Станиславского*. Это гораздо ближе, чем раньше. Ушли (с сестрой) от отца.

Маленькая комнатка. Расписанные утрированными изображениями предметов стены. В стиле a la modern.

6 февраля 1967 г. Понедельник.

Прочитал Заявление СССР правительству Китая.

7 февраля 1967 г. Вторник.

Репортаж о дружинниках сорвался. Не могу. Не вышло и еще два материала. Олег Лукьянов злится. Он прав. У меня апатия. Ничего не могу писать. Не умею?!

8 февраля 1967 г. Среда.

Трестовские машинистки отказались перепечатывать наши материалы, сославшись на перепечатку текстов самого Рацкевича**. Для их умов он – бог. Следовательно, они даже и представить себе не могут, что выпуск газеты сорвется.

Вместо репортажа о дружинниках дал небольшую сатирически-стихотворную подпись к клише. <...> Теперь в газете появилась первая моя поэтическая работа.

9 февраля 1967 г. Четверг.

Материалы задержали до 12 часов дня. Я приехал на верстку номера, но в типографии делать ее отказались. Пришлось уехать.

10 февраля 1967 г. Пятница.

Занимался тем, что ездил по строительным управлениям в поисках интересных данных о подготовке к выборам. Шефа за целый день видел только один раз. Сегодня на очередную верстку уехал он.

У меня в руках два билета на вечер дружбы двух заводов – «Сибэлектротяжмаша» и металлургического имени Кузьмина. Достал через третьи руки, с трудом.

Торопился домой, но там всё спокойно. Мама ночует у приехавшей сегодня (из Ташкента) бабушки. Все остальные спят.

Бабушка привезла мне в подарок от дяди Равиля режиссерский сценарий (с пометками: очевидно, рабочий) и несколько фотографических снимков с кадрами из фильма и моментами его съемок. Это самый лучший подарок за последнее время. Итак, его фильм «В 26-го не стрелять!» скоро пойдет на экранах страны. И я увижу его новую работу***.

* Площадь в Ленинском районе Новосибирска. (Прим. ВС.)

** Один из начальников строительного треста № 43 в Новосибирске, где выходила многотиражная газета «Строитель». (Прим. ВС.)

*** Летом 1965 года во время отдыха в Завьялово смотрел его фильм, поставленный по сценарию Явдата Ильясова, – «Канатоходцы».

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

11 февраля 1967 г. Суббота.

На целый день позже обычного получил газеты из типографии.

12 февраля 1967 г. Воскресенье.

Успокаивал душу от недельной трескотни, по уши зарывшись в книги и учебники (конечно, главное – Иван Ефремов).

В читальном зале был недолго.

13 февраля 1967 г. Понедельник.

Целый день писал и переписывал одну разнесчастную зарисовку о строителе, с которым познакомился в прошедшую субботу. Специально из-за него ездил в этот день на завод имени Ефремова. Материала (то бишь – данных) взял много. Беседа была долгой и дружелюбной. Был на его рабочем месте. Он в это время помогал сваривать арматуру под фундамент опорных колонн будущего цеха. Однако сегодня всё это – свежесть и непосредственность впечатлений – куда-то ушло. Из-под пера лезут серость, стандарт. Затасканные, обмусоленные фразы.

14 февраля 1967 г. Вторник.

Показывал шефу материал. Он никаких особенных эмоций не проявил, но «огорчился», что я не сдал их вчера. А я это просто физически не мог!

– Мы же договаривались!

15 февраля 1967 г. Среда.

Отвез последние заметки для следующего номера газеты. Гуляли с Игорем, прилетевшим на каникулы из своего Тихоокеанского военно-морского училища. Это было позавчера. Я в это время возвращался из типографии и почти машинально забежал к ним домой, увидеть его...

Длинный дядя с лицом ребенка, хотя уже, очевидно, начинал скрести себя бритвой по белой жиденькой бородке.

...По улице шла девушка, похожая на гитару...

16 февраля 1967 г. Четверг.

Шеф уехал на верстку, предупредив, что вечером, очевидно, будет принципиальный разговор о работе редакции у секретаря парткома треста. У меня сразу же упало настроение. Работа валилась из рук. Почти целый день слонялся без дела... но разговор не состоялся.

17 февраля 1967 г. Пятница.

Вот уже в течение двух дней занимаюсь добычей исторических материалов, связанных с революционным прошлым Сибири. Познакомился с наполовину парализованным партизаном, коммунистом с 1919 года, Архипом Федоровичем Мумриковым (фамилия, правда, звучит не героически, но человек герой). Голова и лицо покрыты шрамами.

В разговорах много интересного, но порой забывает тему, о которой только что говорил, и переходит к другой, – это уже годы дают себя знать. Он родился в 1894 году и являлся во время нашего разговора как бы живым звеном (единственным), соединяющим меня непосредственно и с XIX веком, и с революцией, и с Первой мировой войной, и с Колчаком. Он лично знал И.В. Громова и Е.М. Мамонтова, руководителей партизанского движения в Сибири. Удалось <...> взять тайком от него на день мемуары или – просто – письменные воспоминания.

Вечером, когда я читал сестре вслух В. Шекспира, С. Есенина и В. Маяковского, вдруг зазвонил телефон. Звонила Галя. Очень сожалела, что в воскресенье не сможет пойти вместе с нами на вторую серию фильма «Война и мир». Работает в первую смену, а я, как на грех, взял билеты на утро. Тогда я пригласил ее на вечер к Игорю, делать магнитофонные записи, но она тоже отказалась, сказав, что... берет билеты в театр оперы и балета на оперу Дж. Верди «Аида»! Поедем, очевидно, втроем: Галя, Люда и я. Вот те и раз! То не было ни одной дамы, и вдруг сразу две. Как-то я буду за ними ухаживать?!

18 февраля 1967 г. Суббота.

Немного обрабатывал вчерашние, переписанные мемуары. Олег Лукьянов рисовал заставки к поэме нашей трестовской поэтессы. Я был художественным помощником по композиции, консультантом по эсэсовским формам, каскам, оружию. Кроме этого использовался как натурщик для изображения сидящего гестаповского офицера. Лицо его взяли из кадра фильма «В 26-го не стрелять!».

Итак, работа дяди Равиля еще не вышла на экраны, а герои начинают жить и срисовываться для иллюстраций.

По-моему, приехал Александр. Видел издали, как к его подъезду подъехала легковая машина, из которой вышел кто-то, похожий на него.

Вчера вечер провел у Игоря, пугая его тем, что в воскресенье приду, и не один...

Странно с ним идти теперь по улице. И толкнуть-то нельзя, особенно если впереди идет старший по званию и Игорь серьезно отдает ему честь. Просто не верится, что твой друг-мальчишка уже солдат, уже носит матросскую (курсантскую) форму и первые знаки различия.

19 февраля 1967 г. Воскресенье.

Вечер оказался тоже заполненным. Я слушал оперу Джузеппе Верди «Аида».

Партию Радамеса исполнял болгарский певец (он пел на родном языке) Иван Димов. И хотя зал аплодировал ему (даже стоя), по-моему, он теряется на общем фоне оперы и ее исполнителей. Значительней и весомей выглядел Николай Дмитриенко (партия Амонасро), замечательно исполняла свою роль Зинаида Диденко. А впечатление от оперы в целом – какое-то неуверенное. Отдельные партии, отрывки часто производят сильнейшее действие и даже, наверное, могут заставить мыслить по-иному, но в целом... Что ж, удивляться пока не приходится, – слушаю эту оперу первый раз и вполне возможно, что – не понял, не смог осмыслить. Музыка так же, как и наука, как и любой другой вид искусства, требует долгого, серь-

езного и логического размышления. Музыка не терпит дилетантства. И если я не понял, я посмотрю еще, а если надо – и еще раз, но добьюсь и найду то, что было скрыто в прошлый раз. Когда толстая Аида падала на колени, сцена дрожала в одном ритме с ее пугающей грудью.

Сидели рядом с Галей. У Люды другое место – впереди. Случайность или договоренность? Мой билет у Гали. Обратю на такси. Вдвоем вышли у «Башни»*, а Люда решила ехать домой, до площади Станиславского.

Домой пришел около двух часов ночи.

20 февраля 1967 г. Понедельник.

Наконец-то написал материалы о революционере, используя воспоминания. Собственно, из них я брал только нить повествования. Изложение полностью дал свое, в форме рассказа или новеллы. Вступление, вставка в текст, написано тоже мною. Плюс – зарисовка об одном кандидате в районный Совет. Для последнего материала пришлось ехать в конец города, в одну из строительных организаций. Разговор со многими людьми. «Действительно, – подумалось мне, – “...братом стал, товарищем и другом...”».

21 февраля 1967 г. Вторник.

Ровно два месяца исполняется со дня начала моей работы в этой редакции. И сегодня же – заключительный аккорд – разговор в редакции (Олега Лукьянова и литературного сотрудника – меня) с секретарем парткома треста. Вопрос поставлен так: или я полностью беру на свои плечи следующий номер газеты, или...

Шефу надо скоро уезжать, и кто-то должен делать всё. Но ведь я пока еще только учусь писать. Редактировать рано. Согласие или отказ – завтра утром.

22 февраля 1967 г. Среда.

Набрался мужества и согласился. Наудачу.

23 февраля 1967 г. Четверг.

Думал и взвешивал целый день. Всё. Решено. Отказался полностью. Неудача грозила бы еще одним срывом номера.

Вечер у нас. Делали магнитофонные записи со страниц «Кругозора»**. Опутали всю комнату проводами. В этом постарался Сергей, он и занимался технической частью.

Потом пришла Люда – девушка, с которой он познакомил меня седьмого ноября. Они вместе, пока мы прослушивали записи, делали математические задачи, занимаясь интегралами, вперемешку с нежными взглядами и обниманием. Эти двое ушли первыми. Мы еще задержались, складывая нашу звукозаписывающую технику. Примерно в полночь я проводил Галю домой, бодро «философствуя» и таща пятнадцать (кажется) килограммов магнитофона.

* Водонапорная башня на площади Маркса, давшая название близлежащему району.

** Советский и российский ежемесячный литературно-музыкальный иллюстрированный журнал с аудиоприложениями в виде гибких грампластинок. Издавался в 1964–1992 гг.

...Иногда в моей голове возникают философские мысли и вопросы. Но записная книжка осталась дома... Мысли я забываю. Мир пополнился еще одной нерешенной и незаписанной проблемой...

24 февраля 1967 г. Пятница.

В редакции, перед увольнением, уже не пишется. Насилу дождался конца рабочего дня.

Перед сном, когда я собирался с чувством (за целый день) поработать, пришел Сергей. Начали разговор с музыки, слушая Микаэла Таривердиева, его музыку («Песня без слов») и произведение Е. Птичкина и А. Горохова – песню «Тревожный стук».

И опять говорили. Далеко за полночь затянулись наши мечты, думы и заботы. Интересен и сам темп беседы – то убыстряясь, то становясь тише, он вдруг вновь взрывался резкими голосами в спящей квартире. Фразы свои, ненадуманые и, уж конечно, не книжные. Мысли вслух нащупывали не словами и рассудком, а скорее – голосом сердца: ту нить, которая смогла бы, как нам казалось, постичь многое, постичь мир.

25 февраля 1967 г. Суббота.

Галя зашла ко мне на работу, правда, сначала домой. Опять вопросы, связанные с магнитофонными записями.

Был с нею в фотоателье, в магазине культтоваров, зашли к Игорю. Он при виде ее (и вообще, любой девушки) начинает глупо молчать, а при передвижении стучаться о дверные косяки и мебель.

26 февраля 1967 г. Воскресенье.

Занимался газетами. Привел в архивный порядок свои последние, опубликованные в «Строителе», заметки, информации, зарисовки, etc. Слушал мелодии из журнала «Кругозор».

Зашел Александр. Вместе с ним поехали искать подарок Сергею к восемнадцатилетию. Обошли множество магазинов. В одном из магазинов встретили Шурика – друга по октябрьскому празднику. И в том же магазине решили (по моему совету) приобрести для именинника фотопринадлежности, а то бедняга недавно купил фотоаппарат, а теперь бегаёт по знакомым и кланчит то бачок для проявки пленки, то пинцет.

27 февраля 1967 г. Понедельник.

Принес в редакцию первый номер пришедшего в субботу нового издания – журнала «Журналист»*. Отличнейшая вещь. Замечательно оформлен. Есть, что читать каждому. Но шеф весьма небрежно, хотя и внимательно, просмотрел его и отложил в сторону. Зря. Мог бы и домой взять.

* Журнал, выходивший с 1914 г., затем, с 1920 г., под другими названиями; в 1967 г., с назначением на должность главного редактора Е. Яковлева, ему было возвращено первоначальное название, которое он сохраняет до сих пор.

Опять сегодня не смог получить расчет – в отделе кадров нет никого. С приказом, обещанным в субботу, еще не знаком. Документы до конца не оформлены. Я вынужден слоняться из угла в угол в комнате редакции. Решил не терять время. По поручению Сергея поехал к Гале на завод. Он просил (к огорчению всех девушек) на дне рождения – желательно – быть без тонких и острых каблучков. В прошлый раз и во время твиста, и во время танго или (даже) вальса в полу оставались густые вмятины, словно у ручья, где приходят на водопой козы. Мода разрушает полы.

Передал. Побродил по заводу. Может быть – месту моей будущей работы. Зашел к маме. Вместе поехали домой.

С Галей договорились поехать после двенадцати за подарком от ее имени.

Вечером у бабушки смотрел третью серию телевизионного фильма-детектива «След ведет в "Седьмое небо"»*. Вещь слабая. Зрелище. Щекочут нервы – за три серии пять убийств (!).

И вот – сегодняшний день окончен. Уже первый час ночи, все спят. В доме напротив не видно ни одного огонька.

Играет приемник, стоящий на столе. Мой знаменитый и выдавший виды «Алмаз». Передают «Любовь поэта» Шумана.

Устали и болят глаза. Надо заканчивать. Спать.

28 февраля 1967 г. Вторник.

Конечно, основным событием сегодняшнего дня было празднование дня рождения Сергея.

Перед этим, за два часа до начала, ко мне прибежала Галя (Ч.) и довольно настойчиво отговаривала меня идти туда. Ей не хотелось тоже. Приглашала в кино, но я почти насильно уговорил.

Первый тост – за именинника. Стало оживленнее. Родители ушли. Осталась молодежь. Кажется, тринадцать человек. Среди них: семья Шабалиных, Сергей с Людой, Гена с Галей. И я тоже – не один.

Стол заставлен разнообразными напитками и прочим. Все пили всё. А потом каялись.

Смешно.

В этом отношении у меня оказался довольно богатый книжный опыт. Пил только бренди. Чуть крепче, но зато почти никаких шумов в голове на другой день.

Танцевали здорово. Танцевали много. И сонное танго и дикие – шейк и твист.

Я тоже не отставал. Рискнул даже на шейк, хотя видел все эти нелепые телодвижения всего пару раз, и, уж конечно, даже и не пытался танцевать. А здесь...

1 марта 1967 г. Среда.

Первый день весны. Однако мороз довольно сильный.

Сергей отсыпается. Вчера он провожал Люду до пяти часов утра, а в институт к семи!..

---

* Пятисерийный художественный фильм производства ГДР (1963).

2 марта 1967 г. Четверг.

С работой ничего не ясно. Я еще не уволен, хотя в заявлении стоит 27-е число. В то же время – уже не работаю. Сегодня, например, ездил в областную библиотеку, где взял (не без влияния кадров из польского фильма, вышедшего на экраны) роман Болеслава Пруса «Фараон»*. И это в рабочее время!

Печатали у Сергея фотографии, сделанные на вечере. Мутные, матовые, расплывчатые... Получились плохо до невероятности.

Наиболее видимые взял домой. Завтра в редакции отглянцую.

Переписал и отдал маме для перепечатки около десяти последних стихотворений.

Читаю биографию Дидро Дени, изложенную А. Акимовой**. Сухо, наигранно и (очень часто) пустозвонно.

...Несчастливая любовь начинается тогда, когда ты счастливо от нее избавляешься...

3 марта 1967 г. Пятница.

Полностью завершил оформление всех увольнительных документов. Отглянцевал фотографии, сделанные у Сергея в день рождения. Увидев их, мой шеф посмеялся:

– Один глянec.

Действительно, почти так оно и есть на самом деле. Отдал Сергею. Смеялись и горевали вместе.

Гуляли оживленной группой. Валяли друг друга в снегу и, как всякая молодежь, смеялись весело, громко, подчас пугая зазевавшихся (засмотревшихся) прохожих.

4 марта 1967 г. Суббота.

Получил расчет и трудовую книжку. Всё.

Довольно пусто и грустно на душе.

Поехал в городской центр. Получил второй том Сергея Есенина в книжном магазине подписных изданий. Купил-таки «Кругозор» (с «нагрузкой» – книгой из серии «Сельская молодежь»***). Купил подарки к 8-му марта: Гале – черную стеклянную статуэтку «Отдых» – упрощенной формы сидящая девушка, Елке – разноцветную синтетически-химическую игрушку «Пингвин».

Поправляя сверток с покупками, выползающий из руки, подошел к киоску. Неожиданная встреча – Галина Шпак****. Веселая:

– Что не заходишь?

Я как-то отнекался, сказав, что зайду на днях с рецензией на выставку кар-

* Художественный фильм в жанре исторической драмы, поставленный польским режиссером Ежи Кавалеровичем (1922–2007) по одноименному роману Болеслава Пруса (1847–1912).

** Биография Дени Дидро, вышедшая в 1963 г. в серии «Жизнь замечательных людей».

*** В 1960-е – 1980-е годы книги и журналы, пользовавшиеся повышенным спросом, часто можно было приобрести только с «нагрузкой» – вместе с изданиями, которые иначе никто не покупал.

**** Галина Антоновна Шпак (1931–2009) – журналистка; в 1966–1967 гг. – сотрудник газеты «Молодость Сибири», затем многолетний сотрудник газеты «Наука в Сибири».

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

тин молодых художников (жаль, хотел сделать и отдать в газету «Советская Сибирь»).

– Хорошо. Ты сделай это. Сделай.
И я пошел в картинную галерею.

5 марта 1967 г. Воскресенье.

Перебирал картины. Вдруг пришла идея и, кажется, юмор: написал нечто вроде фельетона под названием: или – «Вам как, с балалаечкой?», или – «Нельзя ли без нагрузочки?».

Осталось написать рецензию, высказать свое мнение о работах, представленных сейчас в залах галереи.

Гуляли с Александром. Он тоже хочет ехать на концерт. Что ж, едем, очевидно, вчетвером.

На улицах весна. Тает снег. Солнце теплое, но мой нос всё же замерз.

Завтра утром поработаю. Отвезу два текста в редакцию «Молодости Сибири», куплю билеты в театр, и день на этом, очевидно, закончится.

А со следующего – надо устраиваться куда-нибудь на работу.

... – В этом мире – каждый артист. Но не каждому поручаются большие роли...

6 марта 1967 г. Понедельник.

Рецензию на выставку картин наших художников решил писать сегодня с утра. Писалось что-то тяжело. Торопился.

Решил и сдать их сегодня. Их – это подобие фельетона (или реплика?) и рецензию.

Закончил к двум часам дня и, не обедая, повез в редакцию «Молодости Сибири».

По пути забежал в филармонию за билетами. Поздно, даже входных осталось мало и наверняка не хватит на всю очередь любителей симфонической музыки, выстроившуюся у кассы.

Зашел в редакцию. В идеологический отдел. Там, в красной кофте, сидела одна Галина Шпак.

– Мне некогда, – сразу же предупредила она. – Пишу в номер.

Курила сигарету.

– Вот тут две работы... – сказал я, отдавая написанное (засовывая в стопку рукописей на столе).

– Какая вторая?

– Да это так... Что-то вроде фельетона... Проба... Вы посмотрите.

Закончив столь расплывчатую тираду, я поспешил сбежать с четвертого этажа редакции на весенние улицы.

8 марта 1967 г. Среда.

Женский праздник. Поздравил Галю через ее брата. Самой дома не оказалось. Отдал свою, купленную недавно, черную статуэтку. Жалко. Я к ней привык.

Гости у нас дома – папин брат дядя Вася с женой (тетей Дусей). Праздник ведь. Выпили «Перцовую» водку. Помню, последний раз пробовал я эту дрянь в Колывани, в одно из одиноких воскресений. Начали тогда сначала с Евгением Ивановичем, а позже подошел Володька Щемелев – наш печатник. Был День работников сельского хозяйства. Листья с деревьев опали полностью. Лужицы и колеи дорог, заполненные водой, заморозило. И даже обычная грязь стала как камень. Было скучно и холодно. Закусывали колбасным сыром и проигрывали старые, завалявшиеся пластинки. И пили эту дрянь.

Сегодня тоже.

9 марта 1967 г. Четверг.

Я ведь пока безработный. Сегодня ходил на металлургический завод. Узнавал и о работе в газете. Ничего конкретного.

Был в восьмом цехе. Галя работала. Шла эмалировка обычных кухонных кастрюль. Ее работа заключалась в том, что необходимо было вытаскивать из высокого сушильного агрегата покрытые каким-то составом кастрюли и ставить на них марку Новосибирского металлургического завода (НМЗ).

Рабочее, детское, простенькое и чуть коротковатое синее платье. В нем она напоминает пятнадцатилетнюю (или даже еще меньше) девочку. Действительно, если бы не модная, не совсем девчоночья прическа, все бы, кто ее видел, дали бы девушке лет на пять меньше.

– Иди в наш цех художником-декоратором. Посуду расписывать...

Есть и еще один план. Сегодня в «Вечернем Новосибирске» прочитал о том, что в наш драматический театр «Красный факел» требуются рабочие сцены. Обычные технические люди театра. А что если попробовать? Возможно, удастся хоть как-нибудь сблизиться с этим новым для меня миром, а значит, и узнать что-то новое. Процесс познания неизвестного всегда увлекателен. И вот я уже заразился еще одной идеей. Завтра уточню детали. Рискнуть?!

10 марта 1967 г. Пятница.

Поехал в «Красный факел». Договорился с машинистом сцены о работе. Завтра к девяти часам утра для близкого знакомства придется ехать, если захочу.

Нет. На обратном пути мне вдруг всё это стало до того противным, примитивным, ненатуральным и скучным, что испортило настроение до самого вечера.

Без дела валялся на диване.

В четыре часа встал, облил лицо холодной водой и вышел на улицу. Решил идти в читальный зал.

Встретил Олега Лукьянова.

Разговорились.

Зашел в помещение редакции, где еще совсем недавно работал я. Без меня вышел еще только один номер.

Условия для работы редактора плохи до невероятности. Я это знаю по себе. Партком и другие руководящие органы не могут сделать так, чтобы выпуск номера шел нормально. Редактор подал заявление об уходе.

Я принес и отдал ему читать первый номер журнала «Журналист».

Ушел.

В читальном зале взял учебник немецкого языка, но так к нему и не притронулся.

В заключение дня пытался понять суть взглядов Аверроэса (Ибн-Рушда).

11 марта 1967 г. Суббота.

Занимался в читальном зале. Из четырех просиженных там часов три отдал «Лезвию бритвы» и один – изучению грамматики немецкого языка.

До часу ночи увлеченно читал «Дневник Александра Чичерина»*.

12 марта 1967 г. Воскресенье.

День выборов. Впервые голосовал. Процедура простая и немного торжественная. Если бы еще помнить – за кого...

Купил свежий номер «Молодости Сибири» в надежде найти там хоть одну свою работу, из двух отобранных. Ничего.

Начал читать статью Е.И. Иванова «Слово – полководец человеческой силы» и вдруг увидел... про себя! Первый раз за всю мою столь малую и разнокалиберную литературную работу меня критикуют. Вот этот абзац полностью: «...Не повезло луне и в стихотворении тов. У:

Дерзко согнувшись в рог,

Над миром висит планета.

В увлечении эффектным образом, автор забыл, что Луна не планета, а лишь спутник планеты».

Да. Здесь я действительно, что называется, перегнул, но это всё мелочь, нечто вроде комариного укуса... Что ж, надо привыкать ко всему.

Опять читальный зал. То же занятие, что и вчера. Домой взял два номера журнала «Индия», заинтересовавшись упражнениями по системе йогов. Из четырех (сиршасана, маюрасана, падахастасана, триконасана) удастся только одно. Думаю, что после тренировки смогу делать их все.

13 марта 1967 г. Понедельник.

Встал рано. Вместе с папой поехал на завод, где работал несколько лет назад. Вновь туда, а думал, уходя, что больше не вернусь. Но человек предполагает, а Бог располагает.

На этот раз не ОКС, а цех № 5 (или – гипсовый, или – сухой штукатурки; еще не разобрал; может, одно и то же).

Пошел в цех. Один из работающих там начальников средней руки познакомил меня с цехом и предложил оформляться мотористом дробилки (гипсового камня под щебень). На меня опять напало безразличие. Согласился.

---

* Вышедший в издательстве «Наука» в 1966 году дневник участника Отечественной войны 1812 г. А.В. Чичерина (1793–1813).

14 марта 1967 г. Вторник.

Отрабатывал сиршасану. Удаётся. Свободно держусь в крайнем положении упражнения около минуты. Голова тяжелеет основательно. Гул в ушах.

На завод оформился полностью. Все документы подписаны и переподписаны.

Завтра к 8 часам утра явиться в цех. Итак, ко всему прочему, теперь я еще и моторист дробильного агрегата.

Интересный случай в отделе кадров.

Заполняется нечто вроде личной учетной карточки. В графе – постоянная профессия – указывают: «журналист». Это вроде и незначительно для кого-либо, но для меня весь пасмурный, грязный весенний день вдруг стал необычно ярким и до невозможности красивым. Я просто был очень и очень рад. И даже, можно сказать, горд!

15 марта 1967 г. Среда.

Опубликована рецензия на художественную выставку. Заголовок опять сменил! Теперь она называется «Картины с выставки» (почти как у Мусоргского).

Первый день на работе. Действует довольно отупляюще на ум. Впечатление и производственный процесс опишу подробнее после.

16 марта 1967 г. Четверг.

Опять к восьми утра быть на заводе – смена. Работаю второй день. Пришел домой, смыл гипсовую пыль под душем и лег отдохнуть. Сон не сон, дрянное настроение, забытье. Провалился до 9 вечера (это с четырех-то дня, когда время так дорого!).

Разбудили пришедшие парни – Гена и Шурик. Пошли гулять. Встретили Сергея; когда остались вдвоем – говорили. В сонном настроении я что-то наплел ему нигилистическое. Было поздно, и мы не договорили.

– Надо с тобой встретиться и пофилософствовать днем... – очевидно, он имел в виду, что времени мало.

17 марта 1967 г. Пятница.

До 12 часов дня работал у себя в цехе. Потом был отпущен мастером в военкомат.

Там нам объявили, что сегодня (для тренировки) идем на пять километров на лыжах, а завтра – пулевая стрельба.

Однако, проторчав целый день на лыжной базе, в самой непосредственной близости от строящейся «Орбиты», я так и не смог сдать эти километры. Сначала отказало крепление, а после, когда сменил его, оказался один, без группы, и у меня отказались принимать. Договорились, что я сдам завтра утром, до полудня. После – стрелять.

18 марта 1967 г. Суббота.

Приехал на лыжную базу в девять часов утра и до половины одиннадцатого ждал ответственных лиц. Их не было. Тогда я уехал обратно.

Купил в киоске «Der Morgen»*. По возможности читал и переводил, после чего отправился в тир.

Опять пришлось ждать. Будущих солдат набралось где-то, очевидно, не менее сотни, а винтовок оказалось пять. Я стрелял с последней группой, а это значит – около четырех дня, то есть, весь день – сплошное ожидание. Стреляли мало. Дали около шести-восьми патронов.

Результат оказался неплохим.

– Нормально, – заверил корректировщик с биноклем, следящий за мишенями.

Вечером у бабушки. Перечитывал новеллы Юрия Казакова, смотрел телевизионную передачу.

...«Честь девушки, – в горах святое святых. До замужества на девушку не должна сесть даже муха, если она мужского пола»... (Из записных книжек Эффенди Капиева).

20 марта 1967 г. Понедельник.

Первый день сегодня работал во вторую смену, то есть – простоял у дробилки с 4 часов дня до 12 ночи.

22 марта 1967 г. Среда.

Приходишь с работы и сразу под душ. Смоешь всю пыль и... за газеты... Или – книгу.

24 марта 1967 г. Пятница.

С утра – весенняя меланхолия. Словно трясина затянула в себя. На работу шел как на каторгу. Сегодня не к 4, а к 2 часам – надо чистить снег, а применимо к нашему заводу – грязь.

И вдруг – резкий скачок; засияло солнце, люди стали веселыми. И я сам смеялся больше всех.

Радость. Просто радость. Это просто напечатали мой небольшой фельетончик или – лучше – юмористическую реплику «А вам... с балалайкой?». Опубликована в номере 36 (5472) с иллюстрацией. Это уже вторая, данная непосредственно к моему литературному труду. Есть и шпигель** («Кругозор» плюс «нагрузка»), есть и рубрика («Позвольте побеспокоить»). Отлично! Я рад сегодня всему миру!!

В Колывань отправил письмо. Не хочется терять связь с моими редакционными друзьями и бывшими коллегами. Хочется вернуться к ним опять...

25 марта 1967 г. Суббота.

Целый день бродил по лесу. Уехал один, наслаждаясь тишиной и одиночеством. Сделал этюд. По-моему, малоудачный.

Но главное – я был в весеннем лесу. Он чист, его краски яркие и буровато-

* Газета, выходившая с 1945 по 1991 гг. в ГДР.

** Краткий анонс, предваряющий статью.

торжественны. Он и человека делает таким же. Делает его выше настоящего, чище...

Видел дятла. Он что-то увлеченно искал в стволе раскачивающейся смолистой сосны.

Жалел, что не захватил с собой бинокль.

Вечер. Дома. Устал.

Пришла Галя. Принесла стихи, взятые у меня ранее. Взяла «Поэтическое в искусстве»* и работу Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма».

Говорили на исторические темы и истории безземные.

26 марта 1967 г. Воскресенье.

Вместе с Сергеем ездили на выставку работ нашего художника Ганжинского**. Жалко, что не вывешен «Автопортрет».

...Лет этак шестьдесят назад из меня вышел бы заправский буржуй: мне жалко чистую бумагу между строчек в книге...

27 марта 1967 г. Понедельник.

Странный день. И рабочий, и праздничный. Вернее – рабочая ночь...

Днем пытался поспать, но помешал свежий – второй – номер журнала «Журналист». Фактически отдал ему целый день. И только чуть-чуть занимался историей.

Сейчас, когда пишу эти строки, на часах половина десятого. Через полтора часа ехать на завод. А пока еще, очевидно, займусь историей и немецким.

28 марта 1967 г. Вторник.

Отработал нормально. Рабочее место около моих кнопок до того уже осточертело, что реветь хочется. Может, это потому, что не выспался?

Грань между днями стерлась. И даже сейчас, написав в начале записи число, я не совсем уверен: действительно ли такой сегодня день?

Днем, с 11 до 3 часов, спал. С 7 до 9 тоже, кажется... В промежуток успел-таки сходить в библиотеку и взять две книги.

Не пишется, не читается... Но до невозможности хочется...

Через час иду вновь. Настроение дрянь! Сонное, разбитое. А главное – полнейшее неудовлетворение всем этим...

Хочется писать и читать. Свободно. А здесь – зависимость. Ненужная...

– Ничего, 120 рублей у тебя всегда будет... – успокоил сегодня ночью на работе мой напарник (камнелом), по случаю аванса чуть-чуть пьяный. И доверительно добавил:

– Нравится?

Смешно и глупо.

Вот она – работа. Не так страшна действием, как периодичностью, отупляющей ежедневностью. Отсутствием движения вперед, к какой-нибудь определен-

* Книга С.Н. Лиманцевой (1966).

** Анатолий Ганжинский (1922–1988) – новосибирский художник.

ной цели. Полностью отнимающая у человека, связавшего с ней судьбу, способность к мышлению.

Мысли атрофируются.

И я сейчас здорово похож на камень, идущий по конвейеру к жерлу дробилки, которая беспощадно и со смачным хрустом пережевывает кости попавших туда.

...Оркестр играл траурную плясовую...

29 марта 1967 г. Среда.

После смены спал около двух часов, но всё равно – проспал... (К 12 часам утра должен был быть у Гали, собирались вместе со Светланой ехать в картинную галерею).

Поехал за ними, но не догнал. Побродил по книжным магазинам. Купил несколько газет.

Спал опять. Уже до 7.30 вечера.

Мама говорит, что видела сегодня начальника (или еще кого-то) из отдела кадров треста – Севастьянову. Та намекнула, что хотели бы вернуть меня назад, в газету. Даже думали прийти домой, но узнали, что я уже устроился работать в другом месте.

Перед этим я заходил сегодня в редакцию. Поговорил с Олегом Лукьяновым, передал ему второй номер «Журналиста».

С первого апреля он идет в очередной отпуск. Потом дополнительный – для МГУ.

Подписывается он теперь – «и.о. редактора»...

Я зашел к нему, он занимался макетированием. Следующий номер – четырехполоска. Дел много. Выпустить обязал горком. Срыва газеты не должно быть.

А условия... Появляется, в частности, редактор, получает теперь 140, а литературный сотрудник тоже свыше 100 рублей (я получал 80).

Читаю воспоминания о муже М.К. Куприной-Иорданской «Годы молодости»*.

30 марта 1967 г. Четверг.

Домой пришел к восьми часам утра. Как обычно, залез под душ, позавтракал и спать...

Ночью в моей дробилке холодно. Небольшие лужицы на бетонном полу замерзают. Кругом пыль, пыль... Одна гипсовая и угольная пыль.

Часа в три-четыре ужасно хочется спать. В комнатке у мастера это невозможно, хотя там тепло и относительно уютно. Здесь любит подремать сам мастер да бульдозерист, который спит на пустом паркетном исцарапанном полу, подложив под голову промасленный пиджак.

Но здесь быть я не могу – можно пропустить, когда пустят конвейер.

В моем каменном сарае холодно. Поджимаешь под себя ноги, полуложишься на каменно-цементный пол, подстелив под себя чью-то, забытую здесь, телогрейку.

---

* Воспоминания Марии Куприной-Иорданской (1880–1966), бывшей в первом браке за Александром Куприным, вышедшие в 1966 г.

При малейшем прикосновении к ней поднимается удушающее облачко сухой гипсовой пыли. Оно похоже на туман.

А по полу из разбитого черного окна и незакрывающейся двери тянет зимним ледяным воздухом...

Дремлешь. Вздрагивая...

Звонок пуска резок и неожидан.

И опять нервно хватаешься за работу.

... – Работать будем пока костями *не ляжем*...

31 марта 1967 г. Пятница.

Отоспался после ночной смены. Читал и перебирал номера «Трудовой правды» со своими работами. Смешанное чувство.

Опять вокруг и в себе обнаруживаешь пустоту.

Пошел к Игорю Колоскову.

Дома одна Ирка. Долго допытывалась – кто я, зачем и так далее. Наконец, узнала.

– Извини. Долго не открывала. Голову вот собиралась мыть... Ну, а как только соберешься, ну обязательно кто-нибудь придет...

Мать и отец (ее и Игоря) где-то в Томской области. В приказном порядке перетягивают туда всю семью. Но никто очень не хочет...

Однако, здесь Ира пока одна (или *уже* одна?).

От Игоря только одно письмо. Пишет, что у них в военном училище курсанты еще не могут войти – после каникул – в ритм занятий. Многие были дома. Мешают впечатления.

– Ты приходи еще, а то мне скучно, – сказала Ирка в заключение и добавила: – Спокойной ночи...

Какой там «ночи», когда впереди еще полная ночная смена, хотя и последняя на этой неделе.

Она прошла нормально.

Во время, когда бункер был полностью заполнен щебенкой и наступил перекур, слушал знаменитое «Болеро» Равеля.

Самобытно, сочно, талантливо и немного... экзотично окружение слушания.

1 апреля 1967 г. Суббота.

Сплелись две даты. Противоречивые и, в то же время, органично связанные между собой. Естественны.

Умер маршал Советского Союза Р. Малиновский. Обычно таким датам, связанным <...> с крупными лицами, образами, всегда не хватает какой-то малозаметной остроты. Мы воспринимаем это болезненно, но как-то неестественно; не верим, что ли? Разрушено то, к чему мы привыкли. Это чувствуется, по-моему, в основном, в масштабности. Так было в дни, связанные с И.В. Сталиным, Н.С. Хрущевым, З. Цибульским*...

* Збигнев Губерт Цибульский (1927–1967) – известный польский актер театра и кино.

Мысль, которую я и сам еще толком не осознал, но чувствую почти интуитивно.

А вторая дата – радостная и веселая. Ее чувствуешь, как тепло солнца – день рождения Корнея Ивановича Чуковского. 85 лет жизни! 66 – литературного труда!!

Это талантливейший из живущих (да и живших) писателей. Он – поэт, драматург, публицист, фольклорист и еще много-много различных качеств, профессий и особенностей его таланта.

Я искренне радуюсь этой дате!! Одаривающей, близкой, красивой. С нетерпением жду выхода в свет «Чукоккалы».

Хочется писать и самому. Очень хочется...

2 апреля 1967 г. Воскресенье.

Ездили всей семьей к моему двоюродному деду Андрею (он – брат отца моего папы). Деревня напомнила Колывань и командировки (особенно скотные дворы).

Ели отлично соленые огурцы и пили пиво. К семидесяти годам старик полностью отказался от вина и водки.

3 апреля 1967 г. Понедельник.

Встал рано и довольно хорошо. С песнями отработал смену. Встал на комсомольский учет.

Прошел еще одну инструкцию по технике безопасности. Это связано с тем, что сегодня вновь поднимался на крышу своей дробилки к камнелому, брал кирку (а то и кувалду) и помогал ему колоть камни.

Осколки жгут лицо.

Вечером один ходил на американскую кинокартину «Спартак»*. Похоже, что поставлена для среднего школьного возраста. Во всяком случае, не впечатляет. Кресты с распятыми на Аппиевой дороге из «Спартака» и – точно такие же, но не широкоэкранные и не цветные из «Богдана Хмельницкого»** – вещи.

Уже половина первого. Ночь. Вставать рано. На сон осталось не более пяти часов.

Всё.

Кончаю записи.

...Пес Бостон во время гулянья на улице разрезал заднюю лапу и сейчас сочно лижет кровь.

4 апреля 1967 г. Вторник.

Совсем уж было собрался отоспаться за прошедшие дни, но помешал пришедший Сергей.

– Только Сергей может догадаться прийти в одиннадцатом часу... – иронически и весело заметил я.

* Фильм С. Кубрика, США (1960).

** Советский черно-белый фильм (1941).

– У тебя книги есть. Я за ними. Дай что-нибудь почитать...

5 апреля 1967 г. Среда.

Работал. После хотел читать, но перед этим решил отдохнуть. Лег на диван и... уснул.

Это было в семь часов вечера.

В 9 – проснулся и, перейдя на свою кровать, завершил начатое дело. С 7 часов вечера до 7 утра. Организм, очевидно, здорово переутомлен. Берет свое.

6 апреля 1967 г. Четверг.

Что-то читал и писал.

...Несчастный человек – это тот, который счастливей других...

7 апреля 1967 г. Пятница.

«Технологический процесс» сегодня остановлен. Почему-то наша смена не работала. Целый день свободен.

Читал биографию С. Шаумяна*. Сходил в библиотеку имени А.С. Пушкина. Взял том произведений Эриха Марии Ремарка. Это: «На Западном фронте без перемен», «Возвращение» и «Три товарища». Первое и третье когда-то читал и был в восторге. Как и сейчас.

Теперь решил браться за «Возвращение».

8 апреля 1967 г. Суббота.

Только-только встал, как зашел Сергей. По причине мне неведомой, сегодня он пропускает лекции по физике и английскому языку. Однако к 12 часам дня всё же идет на лекцию по гражданской обороне.

До нее мы вместе с ним идем в книжный магазин, где я давно уже себе приглядел том произведений А.С. Пушкина, в том числе автобиографические «Дневники» и «Историю Пугачева». По пути из серии «Жизнь замечательных людей» – очерки о творчестве Сезанна.

Благо, есть деньги. Папа вчера получил мою заработную плату, и мне из нее отчислено около 10 рублей. Это на книги. Специально.

После магазина Сергей потянул меня на лекцию в институт (главное – он хочет узнать о билетах на «Кавказскую пленницу»). И вот я сижу с ним в аудитории, слушая какого-то врача с орденскими колодками на груди, демонстрирующего рисунки с изувеченными человеческими телами.

Он говорит об атомном поражении.

Сергей в восторге от мрачной фантастики Рэя Брэдбери.

В институте встретил двух Галь: Черкесову и Шаройкову – бывших моих одноклассниц. С первой из них, я помню, осмелился даже танцевать танго на одном из школьных вечеров.

* Биография армянского революционера и политического деятеля С. Шаумяна (1978–1918), написанная И. Дубинским-Мухадзе и вышедшая в 1965 г. в серии «Жизнь замечательных людей».

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

В аудитории сидели в самом последнем ряду. Впереди – Толик Перьев – бывший член школьного комитета ВЛКСМ, мой коллега.

Я писал стихи, слушая врача. Что-то слишком наивно-смешное.

Девушки и парни оглядывались на незнакомого меня.

Лектор с кафедры не обратил внимания совсем.

По дороге домой с Сергеем по делам забежали в студенческое общежитие. <...>

Телевизор в вестибюле института.

По просьбе Сергея подарил ему удостоверение «Молодости Сибири», действительное по 1 марта этого года.

...Шесть часов вечера.

Целый час в редакции «Строителя». Откровенный разговор с Олегом Лукьяновым – моим шефом.

Он сидит один. Перед ним бутылка вина, кусок сала, булка и мой «Журналист».

Выпил ее всю один.

С понедельника уходит в отпуск.

Газету будет делать бывший редактор – Сысоев, старик уже, и один из трестовских работников.

Вечером – телевизор.

Появилась идея: отдать все мои работы на рецензию Евгению Филипповичу Иванову*. В том числе и опубликованные ранее.

...Пластинка, которая заикается...

10 апреля 1967 г. Понедельник.

Дома начало предмайского ремонта. Мебель перекочевала из одной комнаты в другую.

Более часа занимался немецким языком.

Читал Ремарка.

11 апреля 1967 г. Вторник.

Позавтракал, умылся и – за чтение.

Вот только в голову сегодня что-то ничего не идет.

Брался то за шекспировского «Лира», то за «Дневники» Никитенко**, то за Ремарка...

Всё только раздражает.

Отшвырнув это в сторону, проспал чуть ли не до начала второй смены. И только в трамвае, на улице, среди людей, а позже – у себя в цехе, в каменном мешке дробилки, чуть-чуть пришел в норму и начал даже улыбаться и что-то напевать.

Посмотрел бы на меня во время работы кто-нибудь.

* *Е.Ф. Иванов* (псевдоним – Филиппыч, 1895–1973) – новосибирский писатель и журналист.

** *Дневники историка литературы Александра Никитенко* (1805–1877), вышедшие в трех томах в издательстве «Гослитиздат» в 1955–1956 гг.

Наверное, принял бы за идиота.

Под грохот дробилки ору песни, с различной интонацией изображаю страсти человеческие, подыгрывая своей ужасной мимикой и колотя кочергой по ползущим из бункера многопудовым камням.

Застревают.

Их проталкиваешь. Не лезут? Берешь кувалду, становясь камнеломом, и колешь их...

А на мучнисто-белом лице детская радость и улыбка идиота, если камень, наконец-то, пролез.

Удовлетворенный, приезжаешь домой. Легким и поэтическим вылезает из под душа.

Радио. Музыка. За день здорово о ней скучаешь. И с улыбкой старца, умудренного жизненным опытом, ребенка, получившего похвалу, монаха, (отмолившегося) в убогом ските жизни (всё это одновременно), – засыпаешь.

А в голове еще вертятся афоризмы Платона Каратаева...

14 апреля 1967 г. Пятница.

Как обычно, это число для меня счастливое – последний день смены.

15 апреля 1967. Суббота.

Днем ездил в областную библиотеку. Взял три книги – всё о Сергее Есенине. Вновь и вновь возвращаюсь к нему. Две наиболее интересны. Авторы: Илья Шнейдер, Николай Вержбицкий* и еще кто-то.

У Шнейдера много интересного и нового для меня об отношениях Есенина и Айседоры Дункан, о Галине Бениславской**. Вержбицкий неплохо описал кавказский период в жизни поэта, хотя о Кавказе и написано больше, чем о Есенине.

Читал до трех часов ночи...

Листал и сегодня купленные «Рассказы о книгах» Смирнова-Сокольского.

20 апреля 1967 г. Четверг.

Половину недели записи в «Дневнике» отсутствовали. Забыл тетрадь с записями в комнате со вновь покрашенным полом. Однако это компенсировалось тем, что, ночью обдумывая на работе, я днем в читальном зале написал относительно юмористический рассказ «Пифагоровы штаны...» Вот только отдавать куда-либо боязно – подумают, что дрянь, бессмыслица, да и мне так кажется. Но писал с интересом.

На улице относительно, даже почти, тепло. Хожу в легком пальто, пугая прохожих копною волос.

Видал Люду, Галю, Сергея, Александра.

Гуляли.

* Книга воспоминаний Ильи Шнейдера «Встречи с Есениным» (1966) и книга с тем же названием Николая Вержбицкого (1960).

** Галина Бениславская (1897–1926) – журналистка; друг и литературный секретарь Есенина.

Время идти на работу оттягивал до предела. Вспоминали школу, комитет. Смутно обещают билеты на концерт Радмилы Караклаич*.

Сегодня же встретил и еще одного парня. Имени не знаю, фамилии не знаю. Но здороваюсь! Давно и обязательно.

Он не слишком твердо держится на ногах.

Я угостил его двумя конфетами.

Ими угостили меня Шурик и Гена.

Разговорились.

Он направлялся по делу к отцу своей близкой знакомой. То ли просить руки его дочери, то ли наоборот...

Когда-то с ней гуляли... Результат – уже (сейчас) двухмесячная дочь.

Этого он не хотел и даже предлагал своей девушке делать аборт. Та отказалась.

Он боится, что ему дадут пять лет (кажется, так...).

И сейчас он идет.

То ли просить руки, то ли наоборот...

Хороший, веселый день.

21 апреля 1967 г. Пятница.

Был у Гали дома. Открытое окно. Стоящий на полу магнитофон. В углу, справа от окна, небольшая тумбочка. Два яруса. На первом – книги, журналы, на втором – типично женские атрибуты: баночки, флаконы, расчески и всевозможная подобная же мелочь. Ее здорово и оригинально дополняет вазочка с ветками цветущей вербы.

И над этим – портрет Маргариты Володиной** в роли комиссарши из «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского.

Кожаная куртка. Светлые волосы.

...Ночь. Третья смена.

Подложив под голову чью-то телогрейку, пропыленную насквозь гипсовой пылью, пытаюсь уснуть в будке у камнелома. Это как раз над моей дробилкой.

Нары, на которых я лежу, покрыты куском пакли. Они деревянные.

Жестко, пыльно и неудобно.

Но я засыпаю.

Нет. Это не сон. Скорее – третье состояние человека.

Где-то между сном и бодрствованием...

Очнулся в четыре часа утра, разбуженный страшным холодом. А может быть – страшным шумом и дымом проходящего недалеко паровоза.

Наверное, это всё же – кислый угольный дым...

Плотнее застегнул свою желто-серую телогрейку. Спустился вниз.

Здесь, в цехе, в комнатке у мастера сплю еще. Один. Здесь тепло, хотя и лежу у разбитого окна.

* Радмила Караклаич (р. 1939) – сербская певица.

** Маргарита Володина (р. 1938 г.) – советская актриса; сыграла роль Комиссара в экранизации пьесы В. Вишневского «Оптимистическая трагедия» (1963).

Лежу на предельно узкой скамейке. На каменном полу не решился.
Шуршат бумагой мыши.
Вся смена спала эту ночь. Не было «емкостей» под (уже) сваренный гипс.
Вчера подогнали железнодорожный пустой вагон. И мы – я и камнелом – готовили его к приемке гипса.
Представляю даже сейчас:
Ночь. Длинный, освещенный изнутри вагон. Он пепельного цвета.
Переносная электролампа на длинном шнуре, раскачиваясь, бросает уродливые длинные тени.
Мы заколотили все щели, находясь в вагоне. Вылезать пришлось в окно.
Удивительно, эта ночь, работа с камнеломом (нас только двое), лампа, запачканная пылью, и ночь; всё кажется нереальным, таинственным и интересным. Остро напомнило мне войну.
Я не видел ее.
Но, наверное, в таких вагонах солдаты отправлялись на фронт, в таких их бомбили, многие, в таких, встретились со смертью, с концлагерем.
И если их не выплевывала вверх черная труба крематория, в таких вагонах везли их трупы.
Холодно.
...Всё это я думал вчера. Сегодня мы спим.
Сегодня вагон не пришел.

22 апреля 1967 г. Суббота.

Вчетвером (Александр, Зоя, Галя и я) ездили в лес. Бродили по влажной земле, от которой еще туманно поднимается холод.
Еще лежат поляны снега. От непрерывного таяния он стал серым и зернистым.
Похоже на слипшиеся градины.
...Из-за вчерашнего простоя работаем сегодня ночью.

23 апреля 1967 г. Воскресенье.

Что-то читал, чем-то занимался...

24 апреля 1967 г. Понедельник.

Нет сегодня на нашей планете равнодушных.
Сегодня, при посадке, во время возвращения из второго своего космического полета, разбился Герой Советского Союза, летчик-космонавт Владимир Михайлович Комаров.
Еще только вчера утром все радовались очередному запуску «космического корабля с человеком на борту» – «Союз-1» в космосе! В киосках праздничные газеты. Радостная музыка. В троллейбусах и трамваях слышалось одно и то же:
– Ну, как он там? Вы не слышали?..
Это звучало обыденно. Почти обыденно...
И вдруг...

Алексей УСТИМЕНКО. Перелистывая прежние дни...

25 апреля 1967 г. Вторник.

В цехе всю смену и у всех разговор только один – о гибели дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта В.М. Комарова.

В киосках газет нет.

Подробностей пока не слышал, за исключением сообщения ТАСС вчера, в десять часов вечера.

26 апреля 1967 г. Среда.

Я не специалист во многих вопросах. Особенно в технических. Однако это и не нужно, чтобы почувствовать совершившийся подвиг.

Полет имел исключительное значение не только в техническом отношении, хотя это, очевидно, основное.

Велико и моральное воздействие.

Демонстрация силы духа, мощь совершившегося подвига, величие космонавта как Человека, как сына Земли.

Он первый гибнет.

27 апреля 1967 г. Четверг.

Вчера отработал две смены (первую – дневную – и вечернюю). Меня попросила девушка-мотористка. У ее парня сегодня выходной, и, очевидно, не доверяя ему, она решила быть вместе с ним.

– Слушай, – говорит, – парень, отработай за меня...

– Это сегодня-то, – отвечаю (я изрядно устал; вся спина мокрая от пота), – это сегодня-то, в день полочки?!

– Ну что тебе стоит. Завтра успеешь выпить...

Подивившись столь оригинальному мышлению, я согласился.

Отработал.

Приехал в час ночи домой – шестнадцатичасовой рабочий день; только уснул (около двух), на часах – шесть утра, пора вставать.

Не выспавшись, злой ушел на работу.

Меня успокаивает лишь то, что в пятницу она будет трудиться за меня, а я, таким образом, получу еще один день к Первомайским праздникам.

Три последних дня мой дробильный агрегат скрипел, визжал, стучал и тому подобное... Сегодня с 12 часов дня, с половины смены, начался его ремонт.

Я занялся уборкой около висящего над конвейером магнита; под лентой в галерее, по которой она проходит, и в яме под малой лентой, идущей непосредственно от дробилки. Эта яма почему-то называется «приямком». Профессионализм.

Около двух последних дней в голове бродят идеи новых рассказов. В основном с юмористическим сюжетом.

Может, я сатирик-юморист... нераскрытый?!

28 апреля 1967 г. Пятница.

...У иных коротких записей бывает длинная история...

АВТОРЫ НОМЕРА

БОЖИНСКАЯ (АРАНДАРЕНКО) Людмила – историк, автор двадцати опубликованных работ по истории потомков польских шляхетских родов в России. Живет в Ростове-на-Дону.

БОРОШКО Сергей – кандидат химических наук; историк. Автор более двадцати опубликованных работ по теме средневекового европейского дворянства и его проникновения в Российскую Империю в XVII–XIX вв. Живет в Ростове-на-Дону.

ГАЛАК Александр – художник, иконописец. Член Академии художеств Узбекистана. Преподаватель Воскресной школы и работник самаркандского Свято-Покровского храма. Живет в Самарканде.

ДЖУМАЕВ Александр – музыковед, востоковед. Кандидат искусствоведческих наук. Автор более 150 научных статей, опубликованных в Узбекистане, Великобритании, Германии, России, США. Живет в Ташкенте.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Автор девяти книг стихов. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий – поэт, эссеист, критик. Начиная с поэтической группы СМОГ, в печати дебютировал в 1970 г. С 1982 по 1990 жил в эмиграции (Париж, Мюнхен). Автор более двадцати поэтических книг. Лауреат премии Москвы в области литературы и искусства (1999), премии Александра Солженицына (2003), Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (2013) и других. Живет в Москве и в Поленово.

РАБИНА Алла – поэтесса, журналистка. Работала в различных периодических изданиях и школах г. Карши (Узбекистан). 1995–2007 гг. – редактор русского вещания Кашкадарьинской областной телерадиокомпании. В настоящее время живет в Беэр-Шеве (Израиль).

УСТИМЕНКО Алексей – писатель, журналист. Был главным редактором журналов «Звезда Востока» и «Восток Свыше». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Звезда», «Звезда Востока», «Новая Юность» и др. Автор нескольких книг прозы. Живет в Ташкенте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svysh@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше
Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LX
№ 3, июль–сентябрь 2022.

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2022 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2022).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568